

ОГОНЁК

№ 24 ИЮНЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Пабло Неруда открывает еще одну страницу истории Чили.
ПЕРОМ И КИСТЬЮ — очерк Бориса Полевого.

Вл. КОККИНАКИ В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ПОЛЕТЕ — репортаж с борта «ИЛ-18».

ДОЧЬ ТОГО УСТИНОВИЧА — рассказ Н. Атарова.

ВСЕГДА НАЧЕКУ — репортаж с границы.

ЖЕНЩИНЫ, ЭТО ДЛЯ ВАС! — новый раздел нашего журнала.

Продолжение приключенческой повести «Он сделал все, что мог».

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ОГОНЁК

№ 24 (1721)

12 ИЮНЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

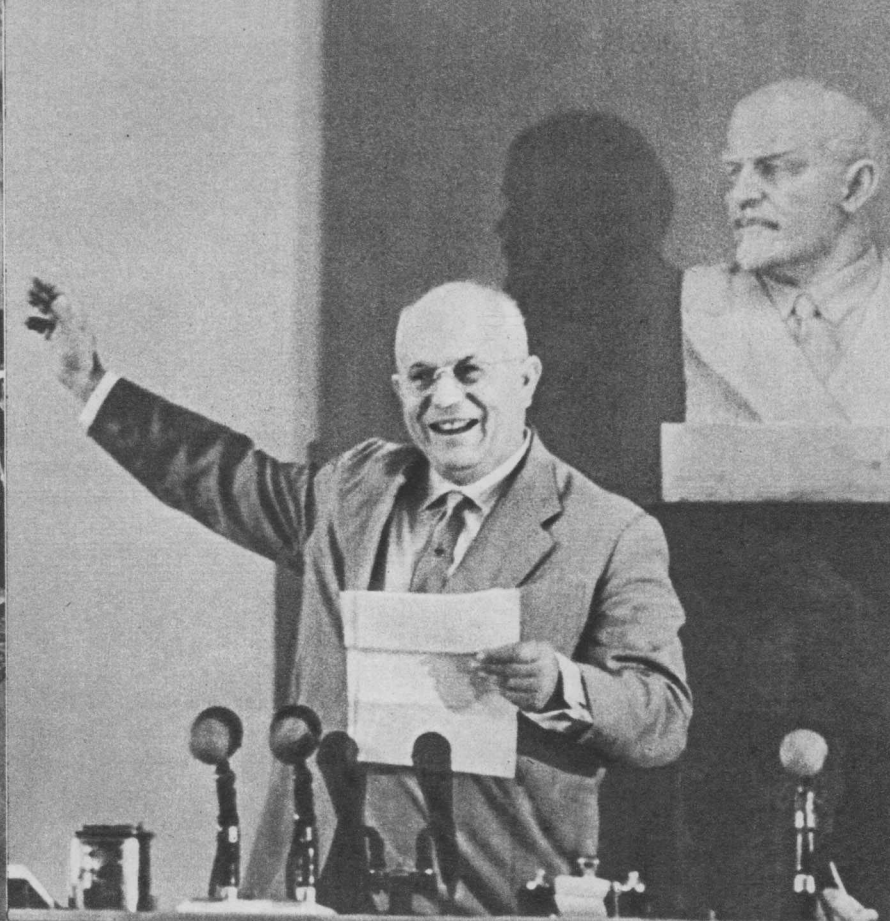
Днепропетровская область.
Строится домна на заводе
«Криворожсталь».

Фото М. Начинкина.

Более 400 представителей советской и иностранной прессы, радио и телевидения присутствовали на пресс-конференции.

Никита Сергеевич Хрущев выступает на пресс-конференции в Кремле 3 июня.

Фото А. Новикова.

РАЗОРУЖЕНИЕ— ВОПРОС ВОПРОСОВ

Снова Советский Союз поднял перед всем миром главный вопрос современности — о всеобщем и полном разоружении.

Глава нашего правительства Никита Сергеевич Хрущев на недавней пресс-конференции в Кремле рассказал представителям советской и иностранной печати об основных положениях договора о всеобщем и полном разоружении, которые были направлены главам правительств всех стран мира.

„Разве не очевидно, — говорит Никита Сергеевич Хрущев в своем послании главам правительств, — что ныне здравый смысл не может более мириться с водоворотом вооружений, влекущим к невиданной катастрофе и оказывающим поистине пагубное влияние на все стороны жизни общества“.

ЕЖЕГОДНЫЕ ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ГОСУДАРСТВ СОСТАВЛЯЮТ СТО МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ.

А в это же самое время на земном шаре:

$\frac{2}{3}$ населения постоянно недоедает;

$\frac{2}{5}$ населения полностью неграмотны; в 97 странах более половины людей не умеют ни читать, ни писать;

48 государств из 89 крупнейших стран не имеют промышленности.

„Всеобщее и полное разоружение, — говорил Н. С. Хрущев с трибуны ООН в прошлом году, — дало бы возможность переключить огромные мате-

риальные и финансовые средства с производства орудий смерти на созидательные цели. Энергия людей может быть направлена на создание материальных и духовных ценностей, которые украшают и облагораживают труд и жизнь людей“

Новые советские предложения развивают программу всеобщего и полного разоружения, провозглашенную Никитой Сергеевичем Хрущевым с трибуны Организации Объединенных Наций в октябре 1959 года и горячо одобренную громадным большинством человечества.

Выражая чувства трудящихся всего мира, делегаты последней сессии Генерального совета ВФП приветствовали новую инициативу Советского Союза. О том, что предложения Советского правительства «заслуживают всяческой поддержки», заявил известный английский философ Бертран Рассел. Ни один честный человек не может не поддерживать советской программы всеобщего и полного разоружения.

Только кучка «форрестоллящих» пытается сохранить мечи как средство разрешения споров.

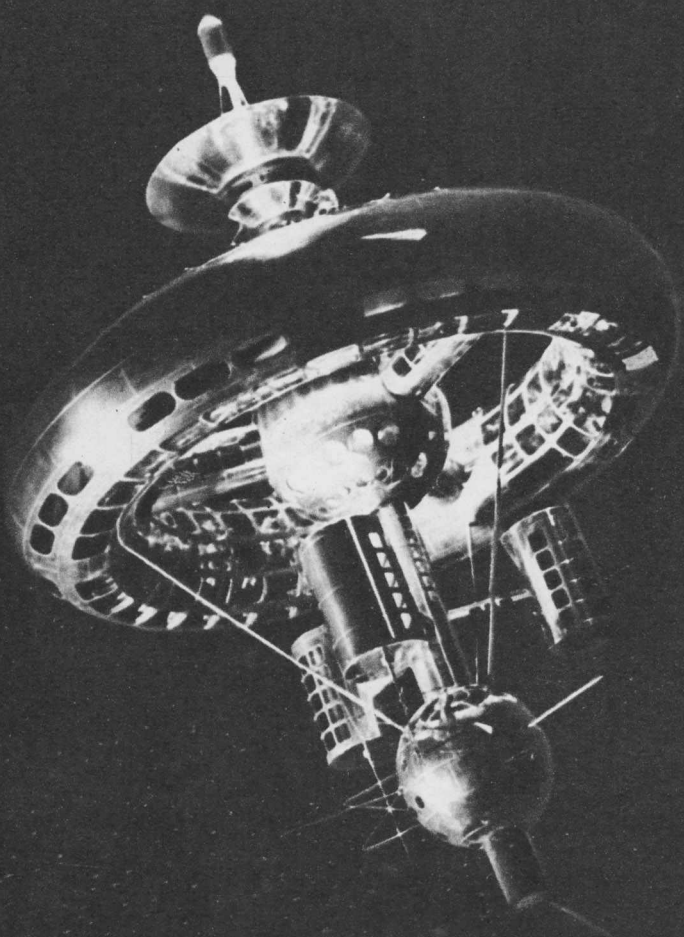
«Существование народов является иллюзией, к сожалению, все еще слишком распространенной», — кликушествует Аденауэр.

«США и их союзники не должны ни при каких обстоятельствах сокращать свои вооруженные силы, как это предложил Никита Хрущев», — вторит ему Никсон.

И сегодня, как никогда, важно, чтобы объединились все честные люди в борьбу за полное и всеобщее разоружение, чтобы они вовремя разоблачали и одергивали зарвавшихся агрессоров и неразумных руководителей.

Человечество не позволит, чтобы кучка безумцев помешала исполнению многовековой мечты народов — мир без войн, мир без оружия.

ШАГ СЕМИЛЕТΙΑ

Как символ близкого покорения космоса человеком показан в павильоне «Электрификация» прообраз будущей научно-исследовательской космической станции.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото С. Фридлянда и Д. Ухтомского.

Много ли значит год в жизни страны? Для нашей страны прошедший год, первый год великого семилетия, был огромным, семимильным шагом.

Почти половину своих экспонатов обновила Выставка достижений народного хозяйства СССР, открыв новый сезон 1960 года: из 7 700 машин, механизмов и приборов 3 378 рождены в первом году семилетки! Они созданы в Ленинграде и Кутаиси, Фрунзе и Херсоне.

...Людской поток, заполнив площади и аллеи, вливается в широко раскрытые двери павильонов.

В этом зале — мир станков. Автомат контроля и сортировки роликов для подшипников раскладывает их по группам и отбраковывает негодные. Такой ОТК не пропустит брака.

Недалеке блеснули огненные искры, и посетители устремились туда. Что за новинка?

— Универсальный эрозийный отрезной станок Троицкого станкозавода, — объясняет экскурсовод. — Он режет токопроводящие материалы, трудно поддающиеся механической обработке. Процесс основан на разрушении металла под действием электрических разрядов.

Заработал станок. Сквозь стекло

видно, как пляшущие искры вгрызаются в металл. Через четыре минуты болванка толщиной в 80 миллиметров разрезана.

Группа посетителей переходит к следующему экспонату. Их привлёк сюда тонкий писк, похожий на сигналы спутника.

— Ультразвуковая холодная сварка, которая позволяет получить соединения трудносвариваемых металлов и сплавов.

Мы покидаем мир чудесных станков и выходим на площадь Промышленности. Мощные воздушные лайнеры «ТУ-104А», «ИЛ-18» расположились на ее просторах, высоко в небо взметнулись гигантские башенные краны.

— А это — семейство «ТУМов» — тротуароуборочных машин, — поясняют нам.

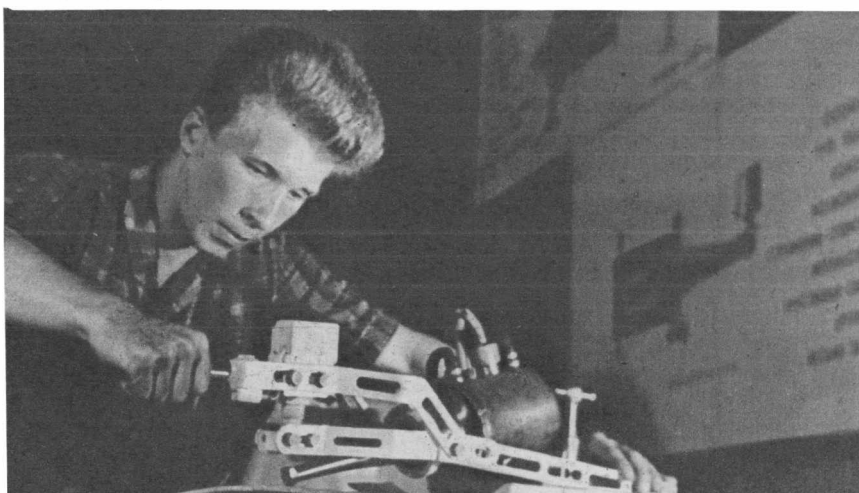
Голубые, желтые, красные... Это механические дворники. Они созданы впервые в нашей стране. Недаром иностранные туристы с таким интересом фотографируют их, то присаживаясь на корточки, то поднимаясь на носки. Машины умеют убирать снег, скалывать лед, посыпать песком, подметать дворы и улицы.

Под тентом выстроились автомобили. Их так много, что они растянулись чуть ли не на километр. Внимание посетителей обращено к микролитражке «Запорожец». В машине четыре места, мотор расположен сзади, под капотом — бензобак, запасное колесо и инструменты. Скорость ее достигает восьмидесяти километров в час.

Новый микролитражный автомобиль «Запорожец».

Тонкий писк, похожий на сигнал спутника, привлёк посетителей к аппарату ультразвуковой холодной сварки.

Грузовая автомашина «МАЗ-500» — Минского автомобильного завода — будет использоваться для междугородных грузовых перевозок. У нее удобная откидывающаяся кабина, в которой могут сидеть три-четыре человека. Сзади сиденья — спальное место для водителя.

Кутаисский автозавод имени Орджоникидзе демонстрирует новую машину «Колхида». Она предназначена для горных дорог. В кабине водителя установлен вентилятор, а впереди — специальные противотуманные фары.

На открытой площадке воздушный выключатель и разъединитель для высоковольтных линий под напряжением 500 тысяч вольт. Это грандиозное сооружение устремилось ввысь, и на небе словно вычерчено его таинственное очертание. Такое оборудование установлено на линии Сталинград — Москва. Подобного оборудования нет в других странах мира.

Центральная лаборатория «Мосэнерго» показала интересный экспонат — автоматические вагонные весы. Экскурсовод нажимает кнопку — и маленький поезд трогается в путь. Когда вагон оказывается на весах, поезд автоматически останавливается. Весы не только взвешивают груз, но и записывают его.

Каждая республика доставила на ВДНХ свои новинки. Минский тракторный завод прислал скоростные тракторы «Беларусь МТЗ-5ЛС» и «Беларусь МТЗ-5МС». Они могут выполнять полевые работы, транспортировать грузы. Их скорость

достигает 42 километров в час. Новые тракторы уже завоевали успех на зарубежных рынках: недавно партию их закупили французы.

Туркменская ССР выставила макет жилого дома, который охлаждается с помощью... солнечных лучей. В республике 200 солнечных дней в году. Гелиоустановка снижает температуру в доме на 10—12 градусов. Она же служит и для отопления зимой.

В павильоне Киргизской ССР посетители могут внимательно рассмотреть аппарат для оживления сердца, который успешно прошел испытания.

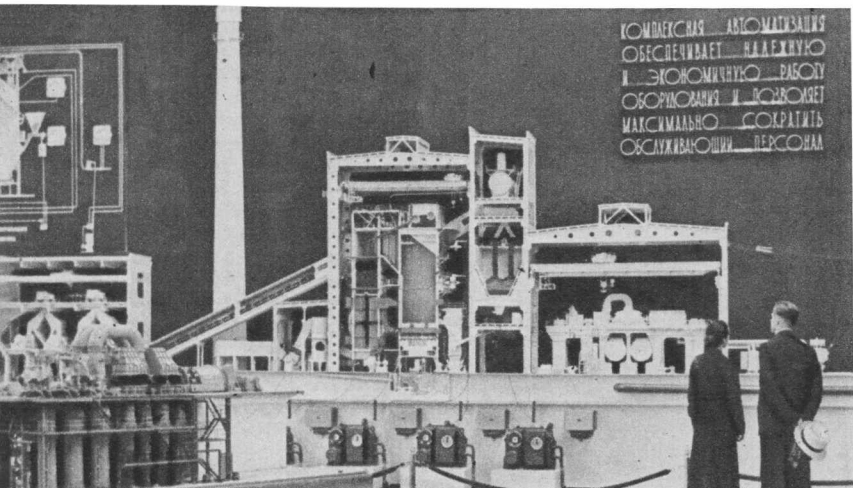
Планат у входа в павильон «Трудовые резервы» гласит: «Наши выпускники — люди 800 различных профессий». Учащиеся технического училища № 24 города Пензы показали экспонат, которого еще не создали и взрослые: видеотелефон. Вы поднимаете телефонную трубку, набираете нужный номер и видите на экране вашего собеседника. А он видит вас.

Много замечательных экспонатов демонстрируется на ВДНХ 1960 года. Это подлинный всенародный отчет за первый год семилетки, яркое свидетельство еще одного гигантского шага, сделанного нашей страной.

Учащиеся пензенского технического училища выставили экспонат, которого еще не создали и взрослые: видеотелефон.

Всю стену занимает макет, демонстрирующий успехи советской техники по автоматизации основных технологических процессов на тепловой электростанции.

Встреча на выставке «Советская Россия».

Фото А. Устинова.

Дорогие слова благодарности

Большая жизнь народа нашла свое отражение в творчестве художников Российской Федерации, и, конечно, этим прежде всего мы объясняем успех выставки «Советская Россия». Мастера живописи, скульптуры, графики побывали, готовясь к выставке, во многих краях нашей Родины, являясь свидетелями трудовых свершений семилетки. Нам, художникам, было очень отрадно, что среди работ, представленных в Центральном выставочном зале в Москве, наряду с произведениями мастеров Москвы и Ленинграда видное место занимает творчество наших товарищей — сталинградцев, челябинцев, свердловчан... Русское реалистическое искусство, лучшие традиции которого мы бережно приняли из рук наших замечательных предшественников, распространилось в наше время широко, по всей могучей русской земле.

Нам было очень радостно, когда выставку «Советская Россия» посетили руководители партии и правительства — товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов. Наши дорогие гости дали высокую оценку выставке. Они останавливались у многих картин, и мы очень дорожим их теплыми словами о том, что художникам, мастерам изобразительного искусства близки происходящие в стране великие трудовые события, что художники не хотят отставать от того огромного трудового подъема, которым охвачен народ — строитель коммунизма.

Мы всегда будем помнить слова благодарности Никиты Сергеевича Хрущева. Эти добрые слова бесконечно всем нам дороги.

Большая семья художников Советской России будет и впредь стремиться в своем творчестве воспевать великий процесс созидания коммунистического грядущего, ради которого все мы, советские люди, трудимся и живем.

Народный художник СССР Владимир СЕРОВ

ГОРОДАМ РАСТИ!

В Москве состоялось Всесоюзное совещание по градостроительству, созванное Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР. Важные вопросы строительства городов, поселков, сел — об индустриализации и масштабах, об экономике и красоте, о современности архитектурного облика и о дисциплине градостроения — решали участники совещания.

Фото А. Новикова.

Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ,
польский публицист

ФУКУОКА, ОКР

На снимках сверху
(слева направо):

Изображенное на ящичке-копилке черное перо означает, что здесь собирают деньги для помощи бастующим.

Около трети полицейских, расквартированных на острове Кюсю, сосредоточено у шахт Миикэ.

Этот снимок сделан в типографии, где печатаются воззвания к бастующим горнякам.

Как только началась забастовка, хозяева шахты отключили водопровод в поселке угольщиков.

Шахтеры осаждают здание полицейского управления в Омута.

В штабе горняцкого профсоюза висят длинные ленты. На них переписан текст телеграмм, которые приходят со всех концов страны с выражением солидарности стачечникам.

СПЛЕТЕННЫЕ МИЗИНЦЫ

«С сентября отец мой бастует. До этого я ежедневно мог тратить пять-шесть иен, но потом мама сказала: «Послушай, мой малыш! Сейчас у нас забастовка, и я буду давать тебе деньги только раз в неделю». Конечно, я был не очень-то доволен, но ответил: «Ну, ладно!» «Ты хороший и добрый», — похвалила меня мама.

Прошла неделя. Мама ничего не говорила о своем обещании. А когда я напомнил ей об этом, она спохватилась и сказала, что совсем забыла. Она поспешно вынула из кошелька пять иен. «Ведь папе очень плохо приходится», — подумал я и решил, что не буду тратить деньги. Я сказал об этом моим родителям. И мы все трое соединили наши мизинцы. Это клятва и знак согласия. Но в этот вечер я уснул с тревогой.

Дети обычно пишут правду. Школьные сочинения — хороший источник, если хочешь узнать, как живет трудовая семья, ее печали, заботы и радости. Свой рассказ я

и начал с такого школьного сочинения. Автор его — ученик начальной школы № 2 в округе Фукуока, на юге Японии. Зовут мальчика Масахиро Кавагути...

Я побывал в угольном районе Фукуока, где идет упорная, не затихающая ни на один день борьба. Окружное полицейское начальство спешно обучает специальные отряды бандитов методам подавления «массовых беспорядков». Но горняки Фукуока очень дисциплинированы и не поддаются на полицейские провокации.

Журналист, который обойдет или объедет забастовочные комитеты, бездействующие шахты, окруженные стачечными пикетами, побывает в горняцких поселках, всюду встретит какое-то железное спокойствие. Сами шахтеры, на головах которых в знак забастовки белые повязки с надписью, поддерживают дисциплину и порядок в своих рядах.

Японский рабочий класс ведет большую борьбу, от результата которой зависит благосостояние не только одних горняков.

Что думают в Японии об истоках классовой бури, охватившей угольную промышленность? Официальные лица говорят об этом с претензией на «научное» обоснование, за которым скрывается полное равнодушие к судьбе сотен и сотен тысяч горняцких семей: «Топливное хозяйство Японии находится в стадии перехода с твердого топлива на жидкое, а с жидкого — на атомную энергию. Этот процесс называется энергетической революцией. Она означает, что угольная промышленность стоит перед лицом гибели».

В полном соответствии с таким «обоснованием» идеологические прислужники монополий называют борьбу шахтеров... «энергетической контрреволюцией». С их точки зрения, все дело сводится к разработке «программы отступления», цель которой — «смягчить проблему ликвидации угольной промышленности». Разумеется, они умалчивают о том, что все тяготы этого «отступления» должен взвалить на свои плечи рабочий класс Японии.

Но японские горняки не склонны верить распространителям подобных теорий. В заявлении Японской федерации профсоюзов угольных рабочих «Танро», объединяющей 190 тысяч шахтеров из общего числа 280 тысяч, говорится:

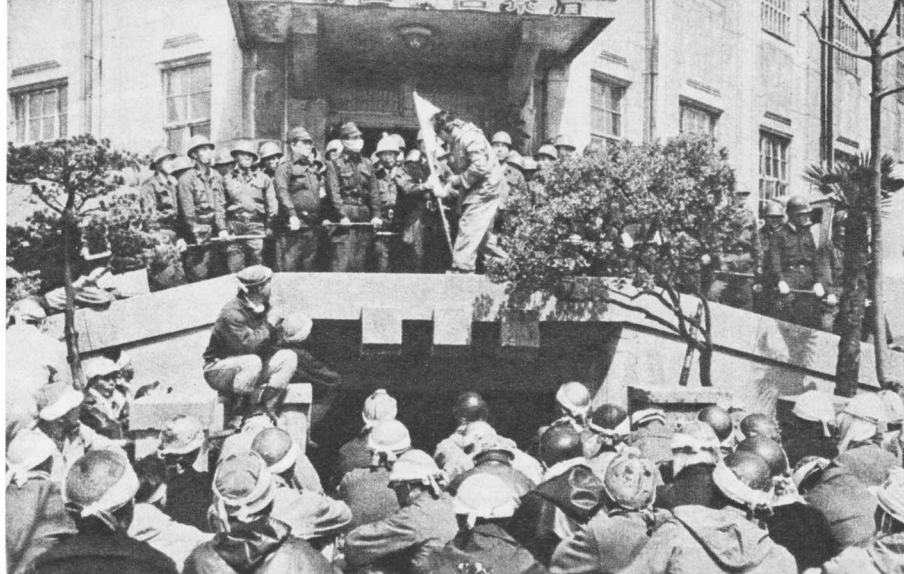
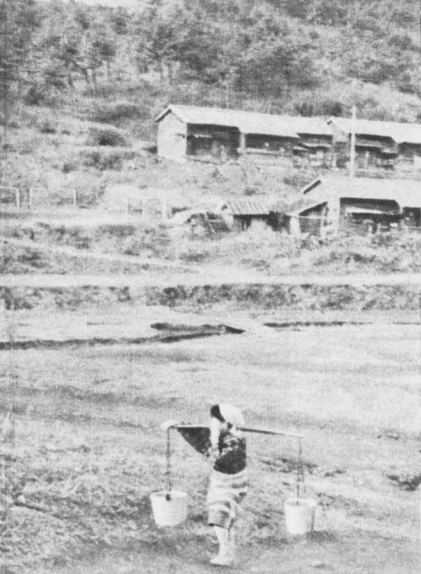
«Вся энергетическая политика японских монополий, подчиненных американскому империализму, нацелена на обеспечение и защиту интересов международных нефтяных и электрических монополий в ущерб японской угольной промышленности».

Еще бы! Девяносто пять процентов ввозимой в Японию нефти поставляют американские концерны. Пятьдесят один процент акций крупнейших нефтеперерабатывающих заводов страны, контролирующих внутренний рынок, принадлежит зарубежным акционерным компаниям, преимущественно американским. Это они диктуют закрытие угольных шахт, массовое увольнение горняков. С 1948 года число рабочих на шахтах упало с 450 тысяч до 280 тысяч человек. Но в ближайшие годы за воротами должно очутиться еще не менее 100 тысяч шахтеров.

Расправа полицейских с шахтером-пикетчиком.

УГ ГОЛОДА И БОРЬБЫ

ЛИСТАЯ БЛОКНОТ

В самом центре Токио свил себе гнездо концерн Мицуи. Чтобы деньга наживала деньгу, чтобы множилось три миллиарда иен, составляющих основной капитал этого капиталистического спрута, под землей работают 48 тысяч горняков — от шахт Миикэ и Тагава на юге страны до шахт Бибаи на острове Хоккайдо. Мицуи — один из крупнейших японских концернов. За полугодие он может выбросить (и выбрасывал) на рынок около трех миллионов тонн угля. Треть этой добычи дают горняки Миикэ. Вернее, давали.

О героической борьбе шахтеров Миикэ мне подробно рассказывал депутат парламента от социалистической партии из округа Фукуока. Я посетил его в здании японского парламента, там, где с развешанных по стенам портретов глядят на пришельца лица давно уже умерших японских парламентариев, тех, которые управляли судьбами страны.

Потом, в самолете, который летел из Токио на юг, я внимательно просматривал записи этой беседы. Стюардесса разносила рис, завернутый в прессованные водоросли, японские лакомства. А я продолжал изучать перипетии борьбы японских рабочих, запоминал названия городов, имена людей.

В блокноте было записано: «25 января 1960 года. Локаут коснулся пятнадцати тысяч горняков в Омота. Надежда на мирный исход переговоров с администрацией весьма слаба. Шахтеры держатся стойко, администрация не идет на уступки. Входы в шахты заграждены рогатками из колючей проволоки. Горняки стоят на страже. Тридцать тысяч жен и детей шахтеров приняли участие в походе протеста против действий администрации шахт. «Сохэ» (Генеральный совет профсоюзов Японии) выделил бастующим 30 миллионов иен пособия. Нанятые «Сохэ» самолеты сбрасывали листовки, призывающие к продолжению борьбы».

Еще запись: «25 февраля 1960 года. В Фукуока шел чрезвычайный четырехдневный съезд горняков, созданный «Танро». Ора-

торы первого дня съезда: Акира Иваи — генеральный секретарь «Сохэ»; Тайити Удаки — социалист, губернатор Фукуока; Сабуро Эда — директор организационного бюро социалистической партии Японии; Сандзо Носака — председатель ЦК Коммунистической партии Японии. Под гром рукоплесканий собравшихся Иваи рассказал, что три миллиона членов профсоюзов, объединенных в «Сохэ», поддерживают требования бастующих горняков».

РОЖДЕНИЕ БУРИ

Из Фукуока мы выехали в горняцкие районы. На остановившихся шахтах царила настороженная тишина. То и дело нас останавливали пикетчики — молодые ребята, в глазах которых горела решимость. С болью в душе мы вспоминали серьезные, посеревшие от голода личики детишек в шахтерских домиках.

Мы видели облаченных в черные мундиры полицейских, с каменными лицами, по радио из своих бронированных машин призывавших... к спокойствию!

Сидя на жесткой циновке на полу маленького домика в предместье Фукуока, мы беседовали с женой профессора университета Кюсю, госпожой Токунага, зачинательницей движения «Черное Перо». Во многих городах Японии можно увидеть этот знак, говорящий о том, что здесь собирают средства в помощь бастующим горнякам.

— Здесь рождается буря! — сказал нам молодой печатник в типографии, выпускающей воззвания к стачечникам. Каждое слово этих листов призывает к стойкости и выдержке.

За один только прошлый год «Танро» организовал около трехсот кружков марксистских знаний среди горняков. Занятиями в этих кружках руководили профессор университета Кюсю Итауро Сакисака и известный экономист, один из теоретиков левого крыла социалистической партии Японии, Сигео Хаибара. Секретарь профсоюза горняков шахты Миикэ сказал нам, что идеологическое воспитание, закаленность в повседневной борьбе — вот что обеспечивает единство и стойкость, с которыми

горняки вместе с семьями ведут борьбу за свои права.

В ДОМАХ-ГАРМОНИКАХ

Мы шли по улицам шахтерского поселка Нугака. Нищета горняков отразилась здесь на всей жизни. Владельцы магазинов жалуются на снижение оборота, хозяин кинотеатра помышляет о выезде...

Японские домики — хрупкие строения. Они требуют постоянного ремонта, но их владельцы теперь не в состоянии делать это. Приходится затыкать дыры в стенах старыми газетами, кусочками дерева. Холодный ветер жалобно свистит в дырах. Этот угрюмый пошлост и породил название «дома-гармоники».

Нам сказали, что почти четверть горняцких семей питается лишь один раз в сутки. Семь процентов покупают мясо один раз в неделю, десять процентов — раз в месяц. Остальные обходятся без мяса. Разумеется, отнюдь не из любви к вегетарианской пище...

Неслыханно тяжела судьба гор-

няцких детей. Врачебные обследования в школах подтвердили, что в округе Фукуока три четверти ребят хронически недоедают и от этого страдают кожными болезнями, тяжелым нарушением обмена. На уроках гимнастики учителя избегают даже средней нагрузки на детей: многие ученики падают в обморок от истощения...

В помещениях профсоюзов я видел свисающие с потолка длинные ленты с какими-то надписями. К каждой ленте прикреплены маленькие листки. Это телеграммы с выражением солидарности, ежедневно поступающие к шахтерам со всех концов Японии. Тексты телеграмм переписаны на длинные ленты, и всякий входящий в здание профсоюза перечитывает их внимательно и неторопливо.

Нет, горняки Японии не одиноки! С ними трудящиеся всей страны, которую охватила сейчас мощная волна протеста против антинародного правительства Киси, против нового закабаления Японии американской военщиной. Шахтеры Фукуока знают, что с ними народ, с ними надежда.

Рабочая демонстрация перед зданием концерна Мицуи.

Имени

ГОРЯЧАЯ ПЕСНЯ

В день Победы редактору донбасского книжного издательства положили на стол стопку листов с типографскими оттисками стихотворных строк. На титульной странице название — «Недопетая песня». Да, именно недопетая: Борис Котов, автор этого сборника, который скоро выйдет в свет, пал смертью храбрых в годы Отечественной войны. Добрые люди хранили рукописи молодого рабочего-поэта. Редактор издательства разыскал, собрал их, составил сборник.

1909—1943... За недолгую свою жизнь он успел сделать так много добра людям, что имя его не померкло в памяти народа. Оправдались им же написанные строчки:

Горячая песня бессмертна навеки,
И слава пойдёт далёко...

Родился Борис Котов на Тамбовщине в семье сельского учителя. Заголовки стихов своеобразно обозначили его жизненный путь: «Стихи о новой школе» и главы из повести «Записки ликвидатора». Он писал их в селе Сторожевские хутора под Усманы. Здесь он работал секретарем сельсовета, а по вечерам при тусклом свете керосиновой лампы помогал односельчанам учиться грамоте. «Утро на пчельнике», «Шахтерская колыбельная», «Гармонист», «Украине»... Многие стихи написаны в Горловке. Сюда Борис приехал в 1931 году. Донбасс полюбился ему, и он остался работать на шахте. «Я слагаю стихи о любви, о полях, о забое», — писал поэт.

Война застала Бориса Котова на шахте. Медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе и определила в строительный батальон. С этим он не

хотел мириться и писал родным: «Мне стыдно перед братьями, что я защищаю Родину не с оружием в руках». Вскоре Котов стал командиром минометного расчета.

С боями он прошел сотни километров по землям России и Украины. В числе первых его минометный расчет переправился под огнем неприятеля на правый берег Днепра. Двое суток ожесточенных и кровопролитных боев. Наша пехота пошла в атаку. Сержант Котов, увлекая за собой солдат, бросился в рукопашный бой. Стычка была короткой и жестокой. Осколок вражеской мины поразил сержанта насмерть...

За подвиг при форсировании Днепра Советское правительство посмертно удостоило сержанта Бориса Александровича Котова звания Героя Советского Союза. Его прах покоится в братской могиле неподалеку от тех мест, где пролил свою кровь и писатель-патриот Аркадий Гайдар, откуда великий Кобзарь смотрит с днепровской кручи на привольную украинскую степь и слушает, как перекатываются по ней зычные пароходные гудки.

Шахтерский край не забыл своего сына. Бывшая Днепропетровская улица, где стоит домик, в котором прошло детство Бориса, носит теперь его имя. Пионерской дружине местной школы присвоено имя воина-поэта.

По-прежнему на шахте трудится жена героя, Елена Захаровна. Подрос, возмужал его сын Сергей, окончил военное училище, служит лейтенантом в авиации.

Живет в людях светлая память о молодом горняке. Живет его творчество, полное любви к поэзии.

А. ИОНОВ

Борис Котов.

Татьяна Макарова.

Игорь Графов.

Георгий Масляков.

КОМАНДИР ЗВЕНА

Эта московская улица — прежде Большая Болотная — названа именем Татьяны Макаровой. Она была командиром звена гвардейского Таманского авиационного полка ночных бомбардировщиков.

Я поднимаюсь на второй этаж дома № 16, в квартиру № 2. Вера Петровна Макарова, сестра Татьяны, проводит меня в небольшую комнату с окнами, выходящими на канал Москвы-реки.

— В этой комнате Таня родилась и выросла...

Все очень скромно, просто. Такой же простой, ясной была и жизнь девушки до грозных военных лет.

Окончив семилетку, Таня поступила в техникум пищевой промышленности. В каникулы работала на почтамте. Увлекалась авиационным спортом и, пройдя курс занятий в аэроклубе, стала летчиком-инструктором...

Началась Отечественная война. Таня перешла в боевую авиацию. Вера Петровна показывает мне фотографии сестры.

— Вот такой Таня ушла на фронт...

Я смотрю на фотографию и ду-

маю о Тане Макаровой, о ее боевых подругах, которые во имя Родины выполняли тяжелую солдатскую работу, от которой и у сильных мужчин преждевременно седали головы.

Вера Петровна рассказывает, как летом 1944 года Таня на несколько дней приехала в Москву. Это была их последняя встреча. Накануне отъезда она собиралась в театр. На стуле висела ее гимнастерка с боевыми орденами и погонями старшего лейтенанта, на кровати лежал офицерский пояс с пистолетом. Таня стояла перед зеркалом в красивом, ярком платье, в легких туфельках. Утром кто-то прислал ей большой букет роз, и, выбрав одну, она приколола цветок к платью и снова посмотрела в зеркало. Молодая, красивая.

— Скоро мы победим, — говорила она, глядя в зеркало, — наступит мир. И я вернусь домой. И у меня будет семья, будут дети...

В ночь на 25 августа 1944 года Татьяна Макарова погибла, возвращаясь с боевого задания.

Г. АЛЕКСЕЕВ

ПЕРВЫЙ УРОК ПОСВЯЩЕН ИГОРЮ

Первый урок каждого учебного года в школе № 107 на Выборгской стороне посвящают Игорю Графову. Первоклассники узнают биографию юного героя, старшеклассники читают страницы повести, написанной о нем комсомольцами школы.

У входа в класс, где десять лет прилежно учился Игорь, прикреплена мемориальная доска. В этой комнате занимается лучший класс. Каждый год 22 февраля пионеры выезжают в город Кингисепп, чтобы возложить на могилу Игоря венки из живых цветов, выращенных в школе. Ребята приходят в Артиллерийский музей

и внимательно рассматривают крупнокалиберный пулемет ДШК № 1075 — из него стрелял Графов.

...Было это весной 1941 года. Игорь Графов оканчивал школу. Но пришла война. Однажды мать Игоря, Мария Александровна, возвратясь с работы, увидела на столе записку: «Мамочка, не беспокойся. Все хорошо. Экзамен сдал. Сидеть дома не могу. Ухожу на фронт. Целую. Игорь».

Долго его не было. Только в тяжелую блокадную зиму сорок второго года он заскочил на денек повидать мать и сестренку. С гордостью показал орден Красной Звезды, которым был награжден

ГЕРОЯ...

за самоотверженную оборону Ленинграда.

...Враг отходил с боями. 22 февраля 1944 года противник начал ожесточенные контратаки. Бой длился семнадцать часов. Пулеметный взвод лейтенанта Игоря Графова вел шквальный огонь до последнего патрона в ленте.

«Благодаря героическим действиям зенитно-пулеметного взвода и лично самого мл. лейтенанта Графова И. А., — кратко говорилось в военном донесении, — важнейший плацдарм на западном берегу р. Нарвы был удержан до подхода наших подкреплений. Противник был отброшен на старые рубежи, и наши войска перешли в наступление».

На центральной площади Кингисеппа торжественно, с воинскими почестями похоронен советский офицер Игорь Графов. Ему по-

смертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Имя смелого парня с Выборгской стороны навсегда вписано в историю старейшей школы Ленинграда.

В день пятидесятилетия победы над фашистами в классе, где учился Игорь, собрались школьники. Приехала Мария Александровна и ее дочь, окончившая эту же школу, инженер Нина Александровна.

Может быть, и не совсем складными, но горячими, взволнованными были выступления пионеров, комсомольцев. Они просили назвать школу именем славного офицера.

— Мы клянемся, — говорили они, — что будем достойными учениками школы имени Героя Советского Союза Игоря Графова.

К. ЧЕРЕВКОВ

Улица ее сына

— Скажите, где здесь Третья Сокольничья улица?

— А вот за Второй Сокольничьей. Только теперь она по-другому называется, именем Героя...

...Ребята звали его Колька-конструктор. Однажды он сделал маленький самолет. Принес его в школу. Игрушка понравилась. Каждый норовил потрогать ее, поднять над головой и пронести по воздуху. А Коля стоял в стороне и о чем-то думал.

— Ты что грустный такой? — спросила учительница Евгения Сергеевна Таланникова. — Самолет получился хороший.

— Так он же не летает, — ответил мальчик. — А я хочу, чтобы летал...

Прошли годы. Началась война. 5 июля 1941 года Совинформбюро сообщило о бессмертном подвиге советского летчика: «Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом Героя».

Немного позже в Сокольники, к жене бесстрашного летчика, пришло письмо. Оно заканчивалось такими словами: «Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения, как

память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин».

Прошли еще годы. Рядом со школой, как и прежде, ребята играют в футбол и пускают в воздух самодельные самолеты. Часто к ним подходит седая женщина. Ребята-школьники встречают ее, как добрую знакомую. Они окружают ее и все просят — хоть и слышали не раз — еще рассказать о сыне и о внуке.

Старушка снова рассказывает, вспоминая то, что не вспомнилось в прошлый раз. Она говорит, что ее внук похож, очень похож на своего отца:

— Он в воздушной академии. Сейчас к экзаменам готовится. Семья у нас по-прежнему крылатая!

Недавно опять была такая встреча. Ребята окружили Анастасию Семеновну, говорили наперебой:

— Знаете, на какой улице мы теперь живем?!

— На улице имени вашего сына!..

— Теперь на конвертах будут писать: «Москва. Улица Николая Гастелло»!..

Мать знала. Мать все знала: никогда не забывает народ верных своих сынов.

О. КУПРИН

Идет по Волге теплоход

Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Георгию Маслякову, маленькие треугольники писем, кажется, до сих пор сохранившие дымный запах сражений, несколько фотографий: мальш, только что сделавший первые шаги, вихрастый мальчишка, юноша-солдат, комсорт гвардейской роты...

В который раз Александра Николаевна вчитывается в каждое слово солдатских писем, написанных крупным почерком школьника, смотрит на родное лицо. Для нее он остался мальчишкой, с шалостями и капризами, внимательный и нежный сын.

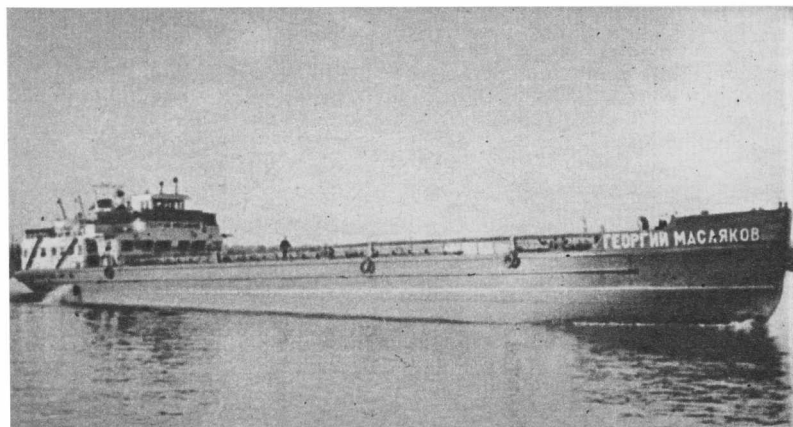
А в благодарной памяти народа живет воин-герой, сдержавший

вместе с девятью товарищами врага до тех пор, пока весь полк не переправился через реку.

...И идет по Волге теплоход имени Героя.

Пусть же каждый, кто увидит этот грузовой, рабочий корабль, приветствует его. Он не только назван в память Георгия Маслякова, а с самого начала создавался с мыслью о смелом воине. Школьники города Горького собирали для этого теплохода старый металл, судостроители завода «Красное Сормово» построили из этого лома сухогрузный теплоход. Министерство речного флота по просьбе ребят и рабочих присвоило кораблю имя Георгия Маслякова.

Ф. ЖАДАЕВ

Анастасия Семеновна Гастелло у пионеров московской школы № 370.

Фото А. Бочинина.

РУССКИЙ МОРЯК

Это письмо и фотографию прислали в редакцию «Огонька» военные моряки Балтики.

...И по сей день на учебном корабле, бывшем лидере «Минск», ярко горит начищенная медь мемориальной доски, укрепленной на торпедном аппарате. Ежедневно старшина громко называет имя матроса, стоящего первым в списке экипажа навечно.

Имя это присвоено первому торпедному аппарату, в расчете которого служил матрос.

Именем этим названы улицы в волжском городе Горьком, где рос и воспитывался будущий герой, и в столице Советской Эстонии — Таллине, защищая которую от фашистских захватчиков отдал жизнь двадцатилетний моряк.

Имя это с гордостью произносят эстонские дети, вступая в организацию юных ленинцев во время торжественного косяка у могилы героя.

Это имя комсомольца, Героя Советского Союза Евгения Никонова.

...9 мая 1960 года. Из Таллина к морю шли люди в праздничных костюмах, в руках несли цветы. Шли они к холму, на котором возвышался памятник, пока еще затянутый тканью.

Торжественно зазвучал гимн, ткань упала, и таллинцы встретились с Евгением Никоновым, русским матросом...

— Его подвиг, — сказал, волнуясь, на митинге старшина первой статьи Камардин, — яркий пример матросской доблести...

Еще много горячих слов о герое-матросе было сказано в тот солнечный день балтийскими моряками и таллинскими комсомольцами, рабочими и студентами.

...Это было у небольшого эстонского городка Кейла. Сводный отряд балтийских моряков вместе с эстонскими ополченцами отбивал атаки фашистских полчищ. Но силы были неравными, под натиском врага моряки отошли к хутору Харку.

Евгений Никонов с лидера «Минск» в ночь на 19 августа с двумя матросами ушел в разведку. Но враг обнаружил моряков. В неравном бою пали смертью храбрых товарищи Никонova. Сам он, тяжело раненный, потерявший сознание, был схвачен фашистами.

Едва матрос очнулся, гитлеровцы начали допрос. Стиснув зубы, молчал моряк.

Когда матросский отряд ворвался в хутор Харку, товарищи сняли с дерева изуродованное, обгоревшее тело Евгения Никонova.

...У самого моря, по набережной таллинского парка Кадрюрт, шагает в бессмертие разведчик Евгений Никонов, русский моряк.

Подполковник Г. КАРЕВ

Памятник Евгению Никонову работы эстонского скульптора Эрки Хагги.

Фото капитана 3-го ранга В. Хмельницкого.

Перед зданием Венской оперы последние традиционные фиакры ждут туристов.

Добро пожаловать в Австрию!

Оскар ВИСФЛЕКЕР,
австрийский журналист

Австрия с нетерпением ждет того дня, когда на венском аэродроме Швехат приземлится самолет, в котором прибудет Никита Сергеевич Хрущев.

Аэропорт Швехат расположен в пятнадцати километрах от австрийской столицы. Высокий гость уже по пути из Швехата сможет начать знакомство со страной. В нескольких минутах езды от аэродрома справа от шоссе внимание его, возможно, привлечет крупная промышленная стройка. Здесь, вблизи от Дунайского порта, сооружается новый нефтеперерабатывающий завод Швехат. Почему мы упоминаем о нем? Конечно, не только потому, что он будет крупнейшим в Австрии, оснащенным по последнему слову техники, но и потому, что новый завод — одно из многих промышленных предприятий, рабочие которых пригласили Никиту Сергеевича Хрущева побывать у них в гостях.

«В Вашем посещении Австрии нам видится свидетельство доброй воли Советского Союза содействовать укреплению дружбы и взаимопонимания между народами. Мы рассматриваем Ваш визит как важный шаг к дальнейшему укреплению дружественных отношений между народами Австрии и СССР, как значительный вклад в дело мира. Рабочие нашего предприятия очень были рады возможности приветствовать господина премьер-министра на своем заводе», — говорится в письме, которое заводской совет нефтезавода Швехат направил в адрес советского гостя.

Но если бы Никита Сергеевич смог принять все приглашения от населения Австрии, ему пришлось бы продлить срок своего визита на несколько недель. Трудно даже сосчитать всех тех австрийцев, которые хотели бы встретиться с представителем великого Советского Союза и пожать ему руку у нас, в Вене!

Вена — жемчужина Дуная

О красоте австрийской столицы, о живописных горах, окайм-

ляющих ее, о памятниках архитектуры и местах, вошедших в историю мировой культуры, написаны груды книг. И все же город на голубом Дунае (по секрету говоря, цвет Дуная серовато-зеленый, но люди нашей страны ревниво оберегают поэтическое название родной реки) умеет показать себя каждый раз с новой, доселе скрытой стороны.

Иностранец, приезжающий знакомиться с Веной, не преминет поехать на Каленберг, одну из вершин Венского леса, откуда взору открывается голубоватая, в легкой дымке панорама Вены. Справа город полукругом опоясывают холмы, а еще дальше, там, где кончается город, начинается равнина, которая тянется до границ Венгрии. Леса, сочные луга, зеленые виноградники вплотную подходят к столице, разрезанной на две части серебряной лентой реки.

Что же покажут венцы своему почетному гостю Н. С. Хрущеву? В первую очередь, конечно же, нашу оперу, один из центров музыкальной жизни мира. Наполовину разрушенная при воздушном налете американцев во время войны, она ныне вновь сияет на радость венцам во всем своем блеске.

А дальше от центра, в прежнем пригороде, в роскошный французский парк вписан дворец Шенбрун. Здесь, в бывшей летней резиденции Габсбургов, устраиваются особенно торжественные государственные приемы, здесь, в «Венском Версале», будет дан банкет в честь главы Советского правительства.

По обе стороны зеленого острова Шенбрунского парка расположены рабочие районы Вены, улицы однотипных серых домов и кирпичных фабричных зданий. Вена не только город прекрасных архитектурных памятников, каким она живет в представлении большинства туристов, не только город Иоганна Штрауса. Крупная металлообрабатывающая промышленность, машиностроительные предприятия, мебельные и текстильные фабрики, судостроитель-

ная верфь, кстати, выполняющая значительные заказы для Советского Союза, электростанции, типографии, газовые и нефтеперерабатывающие заводы — все это тоже Вена.

Но Вена — еще не вся Австрия. И если туристы приезжают к нам главным образом любоваться красотой природы, то мы, австрийцы, гордимся не только нашими горами, но и мощными горными электростанциями, не только курортами и лесами, но и металлургическими заводами, перерабатывающими богатства наших недр. Все это мы покажем нашему гостю Н. С. Хрущеву. Мы сделаем это с тем большей радостью потому, что труженики многих больших и малых предприятий страны имеют работу благодаря крепнувшим торговым связям Австрии с Советским Союзом.

Советский Союз верил в Австрию

В годы Первой австрийской республики 1918—1934 годов во главе государства, как это ни парадоксально звучит, стояли люди, которые пытались убедить наш народ, будто Австрия слишком мала и экономически слаба, чтобы существовать как самостоятельное государство. Владельцам германских монополий, которые давно приглядывались к австрийской промышленности, и немецким милитаристам, видевшим в Австрии плацдарм для наступления на Восток, такая «теория» была только на руку. Их мечты сбылись с присоединением Австрии к гитлеровской Германии. Но когда в Вену триумфальным маршем входили фашистские войска, в мире существовала держава, которая закрепила пресловутый «аншлюс» как акт агрессии. Этой державой был Советский Союз. А семью годами позже Австрия получила свободу из рук Советского Союза. Героические советские солдаты, освободившие Вену и значительную часть страны, вернули Австрии ее самостоятельность. И решающий шаг к заключению государственного договора, который восстановил суверенитет Австрии, опять-таки сделал Советский Союз.

25 октября 1955 года страну покинул последний иностранный солдат. Через день парламент принял закон о нейтралитете Австрии.

Мы рады

Быть нейтральным не значит быть равнодушным. Австрийцы — гостеприимные, доброжелательные люди, и нейтралитет для них не стена, за которую следует прятаться от остального мира. А венцы тем более пользуются славой радушных и внимательных хозяев; это они доказали и прошлым летом, во время VII Всемирного фестиваля молодежи.

Поэтому не удивительно, что ответы венцев на наш вопрос: «Как вы относитесь к приезду господина Хрущева в Австрию?», — как правило, начинались со слов: «Мы рады». А в ответ на наш вопрос, почему они рады этому визиту, мы получили самые различные объяснения.

Двадцативосьмилетний наборщик Карл Вебер сказал: «Я считаю, что визит главы Советского правительства в Австрию принесет большую пользу. Ведь он показывает, что такая большая страна, как Россия, с уважением относит-

ся к нашей маленькой Австрии. Наш престиж от приезда Хрущева, конечно, выиграет. Я представляю себе, что тут будет делаться! Но все же надеюсь, что и мне удастся увидеть Никиту Хрущева...»

Художника Карла Цахрадника мы задержали, когда он торопился на выставку.

«Мы все понимаем, что после срыва реакцией Парижской конференции в верхах приезд советского премьера в Австрию приобретает еще большее значение. Я думаю, в эти дни на Вену будет смотреть весь мир. Визит Хрущева пройдет под знаком дружбы и взаимопонимания народов, а для Австрии нет ничего важнее мира на земле».

Госпожа Роза Гроссманн, главный редактор журнала «Голос женщины», говорит от имени матерей и женщин: «Глава Советского правительства избрал Вену для того, чтобы вновь продемонстрировать миролюбивые намерения и добрую волю своей страны. Это хороший признак. Ведь именно на примере Австрии Советский Союз доказал, что он намерен и способен решать спорные вопросы мирным путем. Заключением австрийского государственного договора мы обязаны инициативе Советского Союза. Если бы в 1955 году представители австрийского правительства не были приглашены в Москву, где им на обсуждение представили выгодный для нашей страны проект договора, у нас сегодня, наверное, царили бы условия, подобные тем, которые мы наблюдаем в Германии».

Для нас, матерей, переживших ужасы последней войны, обеспечение мира является наиважнейшей проблемой. Приезд советского премьер-министра — это демонстрация миролюбивых помыслов. Поэтому мы, австрийские женщины, от всего сердца приветствуем высокого гостя и надеемся, что его дружественный визит будет содействовать ослаблению международной напряженности».

Эрих Кнелль, служащий бензозаправочного пункта, сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Я не интересуюсь политикой, моя задача — продавать бензин. Но делать это я могу только в мирное время. Пока государственные деятели ездят друг к другу в гости и за столом обсуждают свои проблемы, мир обеспечен. Приезд советского премьера в Австрию я понимаю так, что Советский Союз хорошо относится к нашей стране. А поскольку мы страна маленькая, нам только на пользу иметь много друзей. Я думаю, у нас не найдется человека, который не был бы рад тому, что к нам приезжает представитель одной из великих держав».

Эти высказывания говорят о том, что австрийцы искренне рады приезду главы Советского правительства в их страну. «Добро пожаловать, Никита Сергеевич Хрущев!» — это приветствие продиктовано не формальными законами вежливости, а самыми сердечными чувствами австрийского народа.

Юрий Ефремович Пидчасюк — бригадир электропечи фасонилистского цеха № 1 Электростальского завода тяжелого машиностроения (Московская область). Его бригада борется за звание коллектива коммунистического труда.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Балет Р. Щедрина «Конек-Горбунок» в Большом театре СССР. Сцена из 1-го акта.

Фото Е. УМНОВА.

Иванушка — Я. Сех.

Конек-Горбунок — А. Щербинина.

Дочь того Устиновича

Рассказ

Николай АТАРОВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

На практику Галина Устинович уезжала с однокурсником-китайцем из группы зарубежных, да к тому же отец устроил их в скорый поезд Москва — Пекин. Вагон заполнили китайские студенты, возвращавшиеся домой на каникулы. Попутчики были веселые и вежливые. Выходили из купе, когда девушке нужно переодеться, пели у открытых окон в коридоре, а в ресторане заказывали одно и то же: лапшу и курицу.

По утрам по радио шла физзарядка. Самые старательные захватили в дорогу чугунные гантели. Су Фын до этого не додумался, зато, как многие другие, не расставался с записной книжкой и открывал ее, услышав незнакомое русское слово, — записывал. Куда ни погляди — старательность! Маленький студент-художник, возвращавшийся домой не из Москвы, а из Будапешта, всю дорогу читал на венгерском языке «Будденброков» Томаса Манна.

Он часами сидел напротив Галины в пижаме, подобрав босые ноги — у него непостижимо изящные ступни, с ничуть не испорченными обувью пальцами. И то, что паренек из Шандуня уже на втором курсе одолевает немецкий роман на труднейшем венгерском языке лишь потому, что судьба забросила его в Венгрию, повергло Галину в уныние. Вот это люди! Отец надеялся, что она поступит в институт иностранных языков. По собственному упрямству она выбрала отцовскую профессию, пошла в МИИТ. Но разве кто-нибудь помешал бы ей на строительном факультете шлифовать английский язык так, как этот маленький художник — венгерский? И разве милый Левушка не приходил с Джером-Джеромом и словарем? А ведь с детства она привыкла считать себя трудолюбивой, способной девочкой, и никто пока ее в этом не разубедил, даже отец.

И сейчас она ехала на практику к изыскателям, добившись направления не без отцовского содействия, но вопреки его совету. Все, что ни делала она на третьем курсе, — и выбор темы для курсовой работы при кафедре «Изыскания в горной местности», и шумное

участие в двухдневной свадьбе Леночки с Володи, и лыжный поход в Жаворонки, — все позволяла она себе вопреки отцу, но втайне завидуя ему и соревнуясь с ним в неподписанном и даже вслух не объявленном соревновании.

— Значит, скоро, Галочка, запоем «Глухой неведомой тайгой»? — начал как-то отец разговор о практике. — А девочки там нужны?

— Глупый вопрос. И довольно банальный. Нас нигде не берут. Позвони Семигратову — возьмут.

И Галина отошла от отца, напевая самодельную курсовую песенку: «Щукин, Щукин, где ты, где ты...»

Отец не смог приехать на вокзал. Мать и Левушка провожали порознь. Су Фын стоял на площадке вагона, как будто уже взял шефство над Галиной. Когда мелькнул на краю платформы Левушка с поднятой рукой и поезд, подрагивая на стрелках, стал прибавлять ход, она украдкой взглянула на Су Фына. Тот преданно улыбнулся. Но что он думал о ней? Считал ее девочкой?

Она притихла и повеселела только в конце пути, когда где-то в Сибири весь вагон на рассвете поднялся провожать ее и Су Фына. Вынесли на платформу маленькой станции их чемоданы, наперебой сыпали по-русски и по-своему какую-то околесицу и на секунду угомонились, чтобы оценить предутренний птичий щебет в деревьях... Сгрудились у пыльного вагона, с которым уже грустно было расставаться, и внятно, старательно выводили «Подмосковные вечера». Проводница растрогалась, качала головой, а начальник поезда явно медлил с отправкой.

Наступил заключительный день путешествия — двести пятьдесят километров по старому присковому тракту.

К поезду им подослали из экспедиции «газик»-вездеход с брезентовым верхом. Шофер Володя с неподвижно-скуластым лицом и узкими глазами, какие изредка встречаются и у русского человека, молча вел машину по знойной степи. Картинно синели далекие горы.

Розовая майка Володи потемнела, взмокла, и запах пота выделялся в смешанной духоте бензина и пыльного брезента. Можно было бы обменяться местами с Су Фыном, но ведь не зря она уселась рядом с шофером. Протискиваясь с земляками, Су Фын сдал вахту и полностью поступил на ее попечение. Теперь она и бригадир и переводчик, ей и разговаривать. Только с кем?

Шофер попался молчаливый. Видно, привык колесить день и ночь без отдыха. Неспящими глазами приглядывал он за волнисто-заклепой после весенней пучины колеи, и молча сопел и неизвестно о чем мечтал. Су Фын, укачавшись, мотался позади в душном брезентовом ящике.

«Что он молчит, только носом дергает?» — думала Галина о шофере, поглядывая на него все более долгим взглядом, лучисто-нежно, с той всепожирающей кротостью, которая хоть кого проймет.

— Вот сундук! — высказалась она. (В институте это считалось метким определением.) Она ладошкой хлопнула по горячему железу. — Не сопит.

Тот на мгновение вышел из состояния задумчивости, но ничего не понял, судя по тому, что даже не попытался с собою совладать. Все же Галине стало легче терпеть и слушать.

Старинный тракт втягивался в долину реки, в ущелье, и трасса будущей железной дороги постепенно сближалась с ним. То замечала Галина среди кустов пикетажные колышки — по четыре выбеленных в ряд. То в другом месте — экскаватор. Он отдыхал в русле реки, и она вспомнила, что сегодня воскресенье. Вокруг него звездой по гальке виднелись расчисты от его ковша. И лес смыкался теснее и теснее. Как ни старалась Галина напустить на себя деловитость, как ни уговаривала себя казаться собранной и бдительной на случай возможных путевых приключений, а все же, увидав никогда не виданные листовенные рожи, нежно-хвойные, пронизанные солнцем острова листовенниц, она попросту окосела... Бесподобная красота! Тут в спокором времени потянулись хол-

НОВОЕ РОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СКАЗКИ

Далеко не каждой старой русской сказке выпала на долю такая долгая жизнь в искусстве, как «Конек-Горбуну».

Рожденная фантазией юного сибиряка Петра Ершова, смешная и трогательная история Иванушки и его верного Конька давно перекопывалась в книжных страницах на сцене театров и киноэкранах.

Около ста лет держался на сцене балет на тему сказки Ершова композитора Ц. Пуни. Сейчас мы являемся свидетелями нового музыкально-сценического рождения образов замечательной сказки.

Музыку нового балета «Конек-Горбуну» написал молодой композитор Родион Щедрин. Сейчас ему только 27 лет, но список созданных им произведений уже достаточно велик. А главное, многие из них широко звучат на концертной эстраде, в театральных постановках, с киноэкранов.

Пять лет назад Р. Щедрин окончил Московскую консерваторию по классу композитора Ю. А. Шапорина и сразу привлёк к себе внимание концертом для фортепиано с оркестром. Уже здесь раскрылись особенности его творческой природы. Жизнерадостность и широта русской песни

в ее современном звучании подчеркивались блестящей, оригинальной оркестровкой.

Балет «Конек-Горбуну» — самое крупное произведение Щедрина. В нем много душевного размаха, подлинной мужественности, тонкого юмора и откровенной веселой насмешки. Средствами музыки композитор рисует неповоротливого, спесивого и в то же время беспомощного, как младенец, царя Гороха; простодушного славного Иванушку, с душой открытой и отважно-веселой; озорного и ласкового Конька... Полон таинственной поэтичности образ сказочной Царь-девицы.

Щедрин темпераментно, заразительно смеется над всем, что достойно в сказке уничтожающего смеха, и тепло улыбается наивности, непосредственности своего юного героя. Вот Иванушка впервые увидел Царь-девицу. В музыке зазвучал короткий возглас откровенного удивления, и мы словно воочию увидели, как Иванушка застыл с открытым ртом, глядя во все глаза на невиданную красавицу. А вот царь Горох танцует с Царь-девицей. Звучит легкая, плавная танцевальная мелодия. И вдруг музыка начинает нерешительно «потптаться»

на месте, словно и рада бы двинуться дальше, да что-то ее держит, не пускает. Это царю в поясницу вступило, чтоб не повадно ему было молодым прикидываться!

Полны живого контраста картины балета: шумное торжище с разудалой пляской в Град-Столице; холодная, мерцающая красота фантастической «Серебряной горы»; остроумный, пышный танцевальный дивертисмент в «Подводном царстве». Финальный дуэт Иванушки и Царь-девицы взволнован и лиричен...

Балет Р. Щедрина «Конек-Горбуну» поставлен на сцене Большого театра А. И. Радунским, балетным артистом, глубоко чувствующим юмор и национальную характерность.

Почти все постановочные работы Радунского открывают дорогу молодым исполнителям. Так и в этом балете молодого композитора основные роли исполняют молодые артисты: Б. Васильев и Я. Сех (Иванушка), А. Щербинина и Т. Тучнина (Конек-Горбуну). За пультом молодой дирижер, Г. Рождественский: «Конек-Горбуну» — его первая самостоятельная работа в балете.

И. КУЗНЕЦОВА

мы, заросшие всюду цветущим незнакомым кустарником.

— Чий...— однословно выразился шофер.

— Чий?— с серьезным лицом повторила Устинович.

— Чий.

Ей было смешно: по-человечески не могут— стали по-птичьему. Но шоферу ничем не улыбнешь. Не улыбнулся, даже глазом не повел.

Лиственничные рощи сменились сосновым бором на песчаных дюнах. Потом пошли могучие кедровые. И мох и камень.

— Тайга— она тайга и есть,— заметил Володя.

Разговорился он только на речной переправе. Там он и закурил и повеселел, потому что паромщик собирал по шести рублей с машины, а Галина догадалась и уплатила вместо шофера. Они стояли у перекладины. Витой трос паромщика скрипел, маслянисто поблескивая в деревянных уключинах. Вдали медленно поворачивались мохнатые, мягкие горы, покрытые ельником.

— А не боишься?— спросил Володя без всяких предисловий.

Вот оно что! Хотя он помалкивал и дергал носом, а способен вникнуть в обстоятельства чужой жизни, в чужие переживания.

— Я мышью боюсь,— определенно сказала Галина,— и еще кур. А больше никого не боюсь.

— Нарядят вас рейку таскать... по тайге,— намеком пригрозил Володя.

— Мы на практику едем.

— А если рабочих нет, что начальству делать?

— Куда ж они делиться?

И тут Володя соорудил самую длинную фразу за всю дорогу:

— Не доезжая Чалого Камня двенадцать километров, просеку рубят, шлейф подают к тоннелю, там валовая работа, туда и наших сманили. Там и шоферы на самосвалах. В две смены. Круг почта, не то что у нас... А у нас машина что— на побегушках?

— Что ж не уйдете туда?

— Я кадровый.

— Это звучит гордо,— согласилась Галочка.

Но с тем, как ответил шофер, донеслось до нее дуновение незнакомой жизни, куда она смело вторгалась со своим Су Фыном. Что-то их там ждет, в самом деле?

— Комариков у вас, поди... Всю душу выпьют?

— Этого нету. Ни комара, ни мошки. У нас места высокие.

— А что у вас есть?

— А чего надобно?

— Волейбольный мяч?

— Есть.

— Речка? Купаться...

Володя ухмыльнулся и дернул носом.

— Гитара?

Таких вопросов он не ожидал. Впервые ожило его калмыковатое лицо, измазанное подтеками пота и пыли.

— Ну-ка... А ты споешь?

Но Галине для ощущения полного торжества над неизвестностью, подстерегавшей впереди, этого показалось недостаточно.

— А что еще у вас есть?— властно спросила она.

— Малины много на горях,— подумав, ответил Володя.

Он повернулся лицом к парому, раскинул руки на перекладине и развязно сказал:

— Везет вам, студенты! С Летягиным будете работать! Он из нашей партии с весны не вылезает.

— А кто это?

— Главный инженер проекта. Сподвижник самого Олешникова.

— Ну?! Сподвижник?— переспросила Галочка.

Ее удивило такое словечко в устах таежного шофера. Ей хотелось отыгаться за все предыдущее.

— А кто такой Олешников?

— Олешников был в тайге большой человек.

— Понятно, хоть и не очень. Ну, а Летягин,

значит, его сподвижник?

— Сподвижник.

— Наверно, с виду скромный, неказистый?— допытывалась Галина. Весь этот разговор на допотопном пароме, за тысячи верст от Москвы, забавлял полным взаимонепониманием: она дразнит, он всерьез.

— Неказистый, скромный,— слово в слово подтвердил Володя, не вникая в дурашливое настроение москвички.— В субботний вечер начнет пельмени лепить на всю партию— это уж Иван Павлович! Лучше нет пельменей летягинских! «Шумел камыш» затянет— во голос!

Устинович глянула на Су Фына и рассмеялась.

— Так бывает и в театре: ожидаешь увидеть героя, сподвижника, а он простой и скромный, даже пельмени лепит.

Ей хотелось и Су Фына растормошить, чтобы улыбнулся, но он только скулы натянул.

— А что такое сподвижник?

И когда Галина шутиливо-возвышенно объяснила значение непонятного слова, он записал его в свою книжку.

Изыскательская партия обитала на главной улице приискового городка. Наконец-то запахнулись долгожданные ворота. Ни вывески никакой, никакого оживления на дворе. Дряхлый дом ушел окнами в землю. Тишина... Встреча могла быть и более оживленной.

Из дверки в чердаке сарая, где угадывался сеновал, выглянул какой-то малый в ковбой-

ке. В подслеповатые окна из комнат дома смотрели женские лица со сплюснутыми носами.

Галочка выскочила, стесняясь своего дорожного вида— на ней были кофточка, черные шаровары, подвернутые до колен. И некуда было спрятать грязные руки. Высокая, длинноногая, стояла она сконфуженно на крохотном, прижатом к обрыву дворе. Ее личико, неопределенно-круглое, с расплывчатым носиком, совсем безбровое и только с сияющими от длинных ресниц глазами, несколько секунд было беззащитно открыто для всеобщего обозрения. Смотрите, я приехала!.. Потом Устинович опомнилась, отчего сразу подурнела. Вытаскивать вещи ей помогал Су Фын. Володя деловито пошел за сарай.

Мужчина с загорелым лицом, с бородкой, с трубкой в углу рта показался на крыльце и ввел прибывших в дом.

— Студенты приехали,— сказал он.

Несколько лиц повернулось с улыбкой. Кто-то отсалютовал линейкой. Никто не встал. В двух комнатах, тесно заставленных деревянной мебелью и фикусами, люди работали, сидя на алюминиевых стульях за алюминиевыми столами.

— Наш китайский товарищ, его зовут Су Фын,— представила Галина попутчика. Ей хотелось хотя бы таким способом немножко приподнять значение своего приезда.— А моя фамилия Устинович.

— Вы дочка того Устиновича?— спросил человек с трубкой.

Сообразив, что тот Устинович может быть только ее отец, бывший заместитель начальника главка министерства, доктор технических наук, Галина с самодовольной скромностью кивнула головой. Жить стало легче.

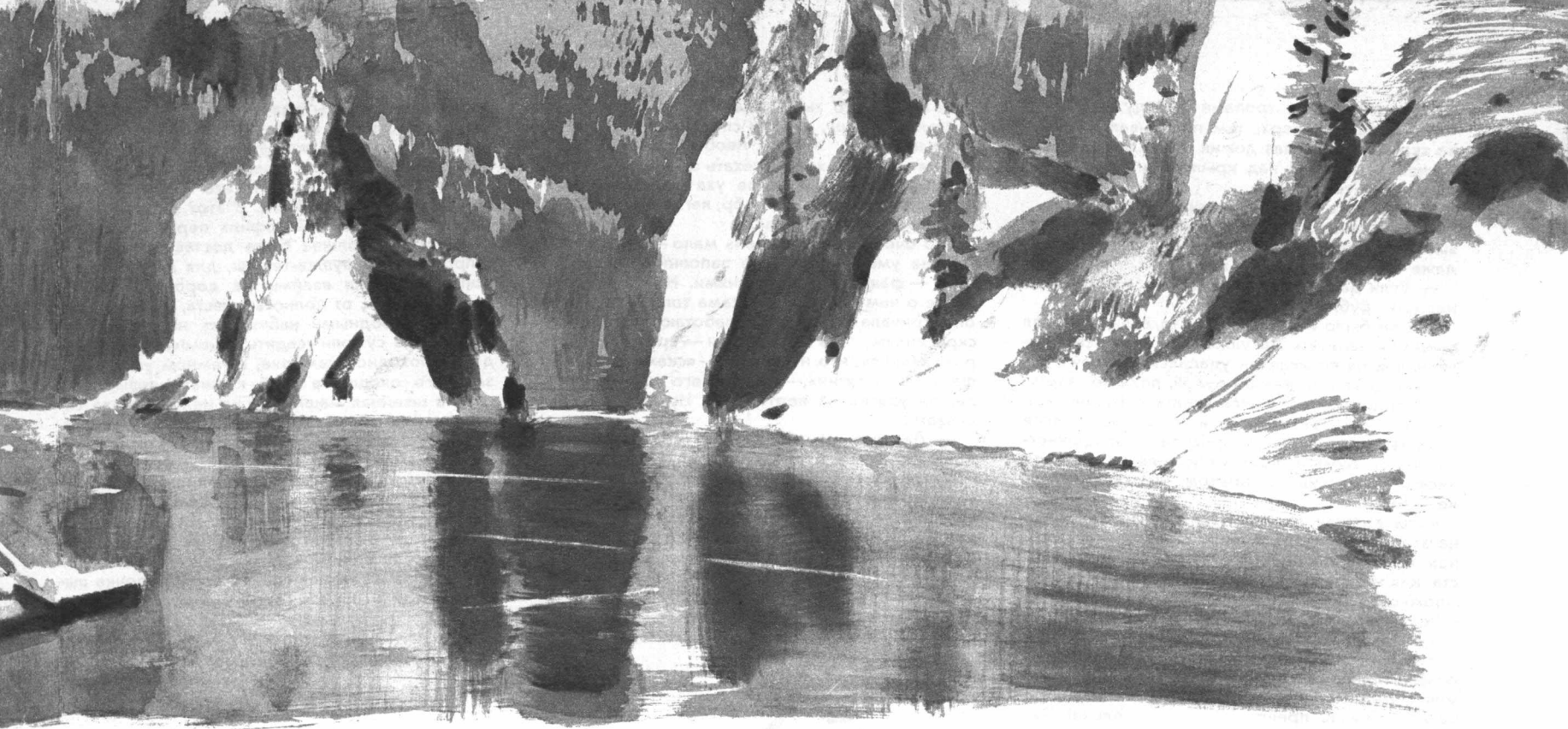
— Мы не думали вас застать в конторе. Воскресный день, вся трасса отдыхает, а вы работаете.— Она тряхнула головой, но волосы были влажные и не рассыпались.

— Работаем, от работы кони дохнут...— пробормотал человек с трубкой, заталкивая студентов в угол за печкой.— Строители жмут, чертежи выдаем под лопату.

Он усадил их перед собой, вполголоса назвался Анатолием Владимировичем, начальником партии, и вкратце ввел в обстановку. Он рассказал, что вчера они кончили вариант и даже выпили по этому случаю, а утром Летягин, главный инженер проекта, по радио распорядился прогнать еще один вариант, уже четвертый по счету.

— И вот мы завтра снова на трассу. Гнать будем с одной попытки... А вообще-то дела плохи, потому что рабочие ушли на рубку просеки, в лагере одни инженеры и техники. К тому же трубы не на чем отвезти для бурения геологам, и Летягин улетел за тягачом к строителям.

Увлечшись, он рассказал, что нынешний год — самый трудный за все пятнадцать лет: они переделали всю трассу с паровой тяги на электрическую, все размещение отдельных пунктов новое, три станции и пять разъездов вообще исчезли из проекта.

— Ведь скорости разные, к тому же электровоз не боится крутых подъемов. Все делаем по-новому, а строители сидят на плечах, у них техника простаивает. В главке считается, что трасса давно уже разбита в натуре. Но ведь под паровую тягу, а не электрическую! Впрочем, вам-то главное сейчас подзаправиться, — спохватился Анатолий Владимирович. — Да и не спать же на улице... Лариса!

Он передал студентов с рук на руки геологу Ларисе Петровне, которая тотчас повела их через крутой овраг в рудничную столовую.

— Вы того Устиновича? — спросила между прочим Лариса Петровна.

— Начальник партии тоже этим интересовался, — сказала Галочка. — Наверно, думаете: вот в какую глушь загнал отец, не пожалел.

— Совсем я так не думаю, — удивилась и даже обиделась Лариса Петровна. — Я совсем другое думаю: значит, «титул» наш перспективный, потому что папа знает, куда послать.

Столовая была по-воскресному пуста и чиста. И было в ней что-то от домашней кухни. Пахло дымом и сдобой.

— Что будешь есть? — спросила Галочка Су Фына.

— Что хо-чешь.

Лариса Петровна рассмеялась, он улыбнулся своей белозубой улыбкой.

— Заказывайте поджарку, пирог с паштетом и пейте крепкий чай, как говорится, пахнущий венником, — продиктовала Лариса Петровна.

Галине стало стыдно разговора об отце, она вежливо осведомилась:

— Вы знали папу?

— Мой муж в институте слушал у него курс проектирования.

— Ваш муж с вами?

— И да и нет. Он сейчас в избушке.

— В избушке?

Лариса Петровна рассмеялась.

— Так называется наша стоянка на Козинском перевале. Даже на карте обозначено: избушка. Там действительно избушка — и больше ничего. На триста километров на восток — ничего.

Румяная, с пышной, хорошо промытой кроной светлых волос, с оттопыренными карманами на груди и сзади на штанах, с золотыми часиками на тонкой руке, она производила какое-то смешанное впечатление «своего в доску парня» и изящной горожанки. Галина успела оценить по достоинству ее маленькие ножки и особую манеру курить, как курят мужские жены, а не геологи на краю света.

— А у вас рижская сумка, — похвалила Галина.

Лариса Петровна молча рассмеялась.

— Папа мой — альпинист, он еще позавидует, что я сюда попала, — говорила Галочка, со зверским аппетитом уминая пирог. — Да, кстати, кто такой Олешников?

Лариса Петровна, которая так простодушно смеялась по любому поводу, скользнула взглядом по девушке и без улыбки, нехотя проговорила:

— Долго рассказывать. Он тут погиб на изысканиях.

Видно, вопрос был задан нестати.

На дворе базы практиканты расстались до утра. Галину уводила на квартиру Лариса Петровна, Су Фына — по той же улице в другую сторону маленький кучерявый завхоз. Он произвел впечатление человека, сбившегося с ног от множества раздражавших его обязанностей, и как будто танцевал «стилем».

— Приехали, как к теще в гости, — громко ворчал завхоз. — Белье пришлю! — крикнул он Ларисе Петровне.

Володя мыл машину, не обращая никакого внимания на доставленных им студентов.

— До свидания, Володя, ты бы майку все-таки простирнул, — посоветовала Галина.

— Я к тебе занесу, — нахально ответил шофер.

Уже простившись, Су Фын задержал Галочку.

— Скажи, пожалуйста, что такое: «От работы кони дохнут»?

— Просто невозможно! — вздохнула Галина.

И пока шли по бесконечной улице, она рассказывала новой знакомой, какой у нее хороший товарищ по практике. В этот час, когда ее вели ко сну, у нее была почти детская потребность поделиться с кем-нибудь радостью, что все обошлось хорошо.

Худая старуха, почему-то в офицерском кителе, встретила их во дворе богатого дома, придерживая руками собаку. Другая собака надрылась в сарае, третья лежала на полу веранды, положив голову на лапы и чутко водя ушами. Впрочем, это был щенок.

— Здесь квартирует наша Верочка, техник. Она в лагере, и мы вас уложим в ее постель, — говорила Лариса Петровна, слегка подталкивая оробевшую Галину.

Старуха бормотала что-то несуслазное:

— ...самовар-то у нас нечищенный, не обесудьте.

Она ввела женщин в дом. Дверь с низкой притолокой была завешана ситцевой занавеской, и так искусно, что Галина тут же заработала шишку. Потирая лоб, она пошутила: «Ничего, стало светлее» — и с этими словами оглядела просторную комнату с русской печью. Ходики стучали над постелью. Деревянные

ложки занятно растыканы в ряд на стене. Над столом городской по виду оранжевый абажур. На лавке под окном — фуражка с гербом лесничества: свернули дубовые листья.

— Хозяин лес сгоняет в плотах, — пояснила Лариса Петровна, пока старуха уводила собаку сажать на цепь. — Тут вообще местные жители — шабашники. Они летом на сплаве или на бурразведке, осенью шишку бьют, зимой уходят за соболем. Семьи богатые, а колхоз бедный. Зато у хозяйки к чаю сотовый мед, верно, бабушка?

— Плохой мед, — жаловалась вернувшаяся со двора старуха. — Весной акация померзла. Да и летать пчеле далеко. Полет ей назначен не более трех верст, а горы-то вокруг облысели.

Галине очень хотелось спать и было скучно слушать о пчелах. Но она вышла проводить Ларису Петровну, чтобы показать, что уже не боится собак.

— Здесь вам будет неплохо, — говорила Лариса Петровна. — За конюшней чистенькая уборная, а вот и колодец. Умываться на свежем воздухе, из черпака. Пойдемте в баню?

— Ой, что вы! Я что-то спать захотела.

— Сегодня воскресенье, завтра баня отдыхает.

Она так уважительно говорила о бане, что Галине нетрудно было сообразить, что значит здесь горячая вода и мочалка после таежных скитаний.

— Спать будете сегодня, как дома. Вот в палатках — там похуже придется в холодные ночи. Или в дожди, когда зарядят на неделю. Спальных мешков у нас не хватает. Раздобудет ли Иван Павлович у строителей, не знаю.

Галочке так хотелось спать, что она почти не вникла в это обстоятельство. Только сонно спросила:

— А телеграмму можно послать?

— Вы думаете, в медвежью нору попали? Отсюда можно даже говорить по телефону. И с Новосибирском и с Москвой.

— Слушайте, милая! Лариса Петровна! Покажите, где...

Минутку спустя она бежала, обгоняя Ларису Петровну, забыв об усталости, охваченная одним желанием — немедленно, сейчас же говорить с Москвой. Воскресенье — легче получить разговор, и папа будет дома! Она не отдавала себе отчета в этом, но ей хотелось сейчас же услышать отцовский голос, слово его поддержки и одобрения. С детства привыкла она угадывать, чего от нее ждут, и выполняла все требования с блеском, чтобы было за что ее похвалить. А с той минуты, как поезд отошел от Северного вокзала, она ни разу не испытала признания своих способностей, ну хоть в чем-нибудь, и очень нуждалась в сочувствии.

Лариса Петровна показала переулочек, куда сворачивать, и простилась. Галина побежала

узкими гористыми тропами между каменных оград — вверх, вверх; там показывался и снова скрывался из глаз домик с тусклой электрической лампочкой над крыльцом. Это и было отделение связи.

— Можно с Москвой говорить?

Она удивилась собственной дерзости, заставляя разговор с Москвой, но телефонистка даже не поглядела на нее.

— Если даст Новосибирск. Пять минут—семнадцать рублей.

Сна не было и в помине... Что, если, не теряя времени, написать Левушке? Ей снова вспомнилось, как на вокзале он удалился на край перрона и стоял с поднятой рукой, пока не скрылся из виду. Он стеснялся стоять с Галочкиной мамой — весь он тут! Он и в школе боялся быть выскочкой. Она попросила у телефонистки листок бумаги, конверт и села на веранде писать, поставив в правом верхнем углу — № 1.

«...ты должен две минуты не дышать, глядя на этот манускрипт! Я пишу в тайге, в последнем населенном пункте, откуда дальше на триста километров — ни дымка!» Она всегда немножко выдумывала в письмах и всегда сама себе верила. Не то чтобы ей хотелось порисоваться, но Левушке так будет интереснее. «...в вагоне зеленая тоска, четыре дня я испытывала полку на прочность». Потом она вспомнила медвежонка, которого видела во дворе базы. «...жизнь прекрасна и удивительна! Пиши! Твоя рассудительная Галка». И пока надписывала конверт, она безотчетно глядела на себя Левушкиными глазами.

— Я вам русским языком говорю: Летягина нет! — доносился до нее жестяной голос телефонистки. — Здрасьте, откуда я знаю! Как же мне не знать? Он вчера улетел на вертолете... Вот когда загудит над головой, я сама вас соединю.

«Почему отец ничего не сказал о Летягине? — думала Галина, терпеливо дожидаясь вызова. — Наверно, никогда о нем даже не слышал. Это герой... местного значения». Она вскочила, потому что кто-то мягко ткнулся ей в ногу. Котенок был черный, с белыми лапками и еще такой маленький, что когда она подняла его за загривок, он забыл поджать лапки. С котенком на руках она задумалась о жизни, об отце, об увиденных в пути людях.

Слышалось ржание, звон копыт на камнях. Конский табун возвращался в городок — это рудничный табун? Хорошо была видна электрическая россыпь долины, а за темной полосой холмов и тайги резко выделялась в лунном свете гряда ледяных вершин. Там где-то избушка, где живет муж Ларисы Петровны... Бесконечная даль, залитая сиянием, как бы ставила Галочку на место, подтрунивала над пределами ее существования. И черненький котенок — для ясности — на руках...

Вот говорят: молодежь не любит быть похожей на старших. А Галочка втайне гордилась тем, что отец у нее талантливый, умный. «Вы того Устиновича дочка?..» Ей всегда казалось, что лучшее в ней все-таки от отца. У матери красивый затылок с литым зачесом каштановых волос. Ей так к лицу античная прическа, что она не следит за модой. У нее белые руки. А у отца альпинистская обувь на шипах, и ледоруб, и знаменитый моток веревок — он висит в кабинете. В компании молодых людей отец уже зимой обсуждает будущий летний траверс на Памире. С детства Галина тщетно искала в собственном обиходе что-нибудь хоть отдаленно похожее на отцовский моток веревок...

Почему-то вспомнился шофер Володя. «Я кадровый». Вот в чем может быть гордость! Нужно, видимо, обходиться без излишней утонченности с усталыми людьми, измученными неумолимой дисциплиной, таежным бытом, отсутствием выбора. Но ведь правда, что эти люди, хотя с них никто не спрашивает, сами тянутся к душевной утонченности, берегут в себе и не хотят растрчивать, как Володя, запас достоинства, самоуважения, гордости... Вот изыскатели работают по воскресяниям, ничего хорошего, а ведь как замял разговор на эту тему Анатолий Владимирович, шуткой отделился: кони дохнут! И Су Фын схватился за это изречение. Ему тоже понадобится в Китае.

— Устинович, в кабину!

Было темно. Галина нащупала трубку.

— Мама, это ты? Мама! Это я! Папа дома? Я слышу, слышу, говори спокойно.

Слышно, ну, просто необыкновенно! Надо же, пять суток ехать и уехать за многие тысячи километров, чтобы возле уха слышать мамин голос, его знакомый тембр, легкую картавость! Папы не было дома...

Это очень много и очень мало — пять минут. Другие умеют их плотно заполнить информацией — фактами, поручениями. Но Галине было не о чем говорить. И, сама того не замечая, она кричала о том, что работают тут по воскресеньям, что молчаливы — «разговаривать разучишься», что начальник — «скажи отцу, его фамилия Летягин», — что она его еще не видела, он улетел на вертолете... Ну, что бы еще сказать?

— Да, чуть не забыла: нет спальных мешков! Нет и не будет.

Могла ли она вообразить, что до конца разговора они застрянут на этих спальных мешках? Могла ли вообще представить себе, какие беды навлечет на себя, сболтнув о спальных мешках? Из всего разговора с дочерью мать приняла к сердцу только эту обмолвку.

Наконец Галина зарычала:

— Так и знала, что начнется скулеж! Мама, пожалуйста, не скули!

Тут разговор кончился.

Бесстрашно бежала она пустыми тропинками на главную улицу. Как было условлено с хозяйкой, постучала в третье от калитки окно. Теперь спать! Под оранжевым абажуром увидела на столе записку. Это от Су Фына. Ну, просто трогательный товарищ — как он нашел ее квартиру?

«До завтра, Галочка! Я к тебе пришел. Завхоз приносил белье. Спи спокойно, отдыхай. От работы кони дохнут. Я твой сподвижник». Постель была немножко сырая. Галочка поцеловала подушку и уснула.

Летягина ждали к концу дня.

В переполненном доме Анатолий Владими-

рович нашел столы для вновь прибывших. Кого-то потеснили, кто-то уезжал. Начальник партии не хотел в отсутствие Летягина решать судьбу практикантов. У него было много забот, и он только делал вид, что его интересует вся эта перестановка мебели. В этот день в Новосибирск отправляли профиль первого варианта. Чертежи должна была доставить в «Сибгипротранс» девушка-техник, для которой вторых собирали взаймы на дорогу, а она, в свою очередь, от полноты чувств, от ожидания встречи с родными набивалась на поручения.

Су Фына сумели усадить в самом доме, правда, в проходной камерке, в темном углу. У низенького окошка в этой комнате неизбежно стояла швейная машина, и на ней работала сама хозяйка, Алена Евдокимовна, дородная сибирячка в старомодном пенсне точно чеховских времен.

Галину усадили на застекленном балкончике вроде веранды. Здесь было светло, и, оторвав взгляд от чертежной доски, можно любоваться рябиной за окном и далью синих гор, зато за спиной все время входили в дом и выходили и толкали спинку стула. Галочка вытащила Су Фына на секретное совещание.

— Требуй, чтобы к окну пересадили, тебе же темно! Зачем мы приехали, спрашивается в задачнике?

— Что ты, что ты... — залепетал он. — Мне очень хорошо! Может быть, тебе плохо?

— Ты железную дорогу строишь, а она шьет ночную рубашку.

Су Фын улыбнулся и сделал шаг в сени. Но Устинович схватил его за рукав.

— Отчего ты, как старик, всегда со всем соглашаешься?

В ответ он поморгал черными глазами и все-таки удалился. Он не соглашался именно с ней, с Галочкой. Он любит повторять ее слова, но делает это скорее для утешения, а в чем-то главном он очень неуступчив.

Не добившись поддержки, Галина успокоилась и повеселела. С ней это часто случалось —

ни из чего, от возраста, что ли. В закутке за дверью, возле кадки с водой, на брезентах и тулупах отсыпался рабочий, пришедший ночью из лагеря, и этот доносившийся до Галочки храп, приобщая ее к нелегкой жизни, тоже настраивал на веселый лад.

Между делом Галина успела сунуть нос на сеновал, где парень в ковбойке, отхлебывая молоко из крынки, выстукивал ключом радиодепешу. Дневной свет выхватывал то, что ближе к двери,—зеленые ящики полевой радиции, открытую книгу и запакотанный спальный мешок, на котором сидел радист. В полумраке тонули узкие таежные сани—их было много, они были сложены навалом, друг на дружке, и как бы таили в себе среди лета угрюмую картину зимы. Заметив взгляд москвички, радист дружелюбно пояснил:

— Зимой хозяин почту возит. От самой Черемшанки.

Он, видно, не чувствовал контраста собственной профессии, уничтожавшей пространства, и этого сонного санного пути от Черемшанки. И Галина, приберегая про запас подобные наблюдения, сползла по перекладинам крутой лестницы во двор.

Не близко, на расстоянии натянутой цепки, она присела на корточки перед медвежонком. Он напрашивался на знакомство и показался ей бесподобно смешным и прелестным и сам по себе и отчасти по тому безотчетному чувству, что мог украсить ее своим соседством, как украшает ее в Москве шубка из серой мерлушки. Лариса Петровна прошла по двору, Галочка спела ей за медвежонка.

Все мы носим для красоты
Мех пушистый и усы.

— Поговорили с Москвой?

Молча зажмурясь, она кивнула головой.

— А как спалось на новом месте?

— Лучше всех!

И она вернулась к своей чертежной доске. Потом ее развлекала хозяйская дочь Сима. Она принесла и разложила перед собой на подоконнике десяток мотков ниток радужной пестроты и на куске полотна, туго натянутого на круглых палках, стала вышивать какое-то адское пламя.

Пока практикантка разбиралась в тонкостях своего «пятитысячного планшета», Сима наговорила с три короба. Отец сдает в аренду дом, двор и сеновал, сам числится конюхом. В поллучку он запивает с охотником дядей Мишей. Пьют здесь спирт—инженеры тоже. На лошадах ездят верхом—и женщины тоже, надо учиться. По субботам в палатке женщины моют головы и на ночь укладывают мокрые волосы волнами, закрепляют железными зажимами и оттого плохо спят.

— Я не так представляла все это,—призналась Галина.—Даже не верится, что я уже работаю.

Они обменялись улыбками, и по тому, как Сима располагалась возле нее, Галочка почувствовала, что понравилась ей.

Несколько раз выходил на балкончик Анатолий Владимирович, приглядываясь без слов, давая понять, что одобряет ее чертежные способности. Он, впрочем, не постеснялся помочь ей покрепче прикрепить кальку и объяснил, как вставить подвариант в основной профиль. Уходил, возвращался в другой раз, в третий, обдавая ее дымком из трубки, говорил:

— Тут у нас фиксированная точка—видите, перевал. Никуда от него не уйти. И вот, смотрите, какая кособорность, даже на полметра нельзя ошибиться—сразу свалишься с полки.

Вникая в его снисходительные объяснения, в которых он не поступился ни одним словечком профессионального жаргона, Галина поняла, что партия с весны решает направление магистрального хода на самом трудном участке. На тридцати пяти километрах сосредоточена половина будущих скальных работ. Два тоннеля и виадук с высотой опор до семидесяти метров.

— Сумасшедший виадук,—с удовольствием отметил Анатолий Владимирович.—Толя, ты куда?—спросил он проходившего за спиной Галочки радиста.

Тот задержался на мгновение, но ничего не сказал. Она успела заметить, что он очень рассержен.

— Ну и ну! — буркнул он, хлопнув дверью с такой силой, что даже храп в сенах прекратился.

Оборвав объяснения, Анатолий Владимирович рванулся за ним.

С этого и началось.

Кучерявый завхоз вышел к ней и с отсутствующим выражением лица спросил:

— Вам, девушка, куда спальный мешок поставить? На дом?

Вопрос был глупый, и так же глупо Галина возразила:

— Зачем вам беспокоиться?

Сердце сжалось, кровь прилила к лицу... Что бы это значило? Она не успела спросить Симу, как завхоз, повернувшись от нее лихим военным полуоборотом, возвратился с сеновала, таща на животе объемистый, усыпанный соломой серый куль.

— Тут мы его и сложим.

Она посторонилась, и он сунул под стол спальный мешок, отряхнул руки—ладонь о ладонь—и, ничего больше не сказав, вышел во двор.

«Телефонистка, дрянь!»—догадалась Галина, не зная, куда глаза девать от стыда. Она вспомнила, как вчера дежурная кичилась своей осведомленностью об отлучках Летягина. Ясно, что она и насплетничала завхозу или радисту. Как доказать им теперь, что она ни на что не жаловалась, не сказала ничего дурного?

Размеры бедствия были куда больше, чем она предполагала. С утра было впечатление, что она всем понравилась, во всяком случае женщинам. Теперь, проходя мимо, они отворачивались, а она, как на беду, сидела на тычке. Она спросила Ларису Петровну:

— Можно с вами в столовую?

— Я задержусь. Идите без меня.

Холодок какой-то. Отчужденность. Практикантку не замечали. Но не по-вчерашнему, когда, в сущности, не было ничего обидного, а как-то преднамеренно, сторонясь.

— Подумаешь, какие претензии! — услышала она тонкий голосок в столовой.

— Ну и ну...—снова прозвучало где-то в конце двора.

Что случилось? Позорная догадка, что она сделала что-то унизившее ее, боролась с гневным сознанием, что она ни в чем не виновата. Подумаешь—ну и ну! Нужен ей спальный мешок! Когда отец говорил «ну и ну», это означало только его нежелание препираться из-за какой-нибудь ерунды. Когда «ну и ну» пела Наташка Чижова, в этом слышалась детская зависть перед ее свободой. А что означает «ну и ну», когда так думает о ней незнакомый парень в ковбойке? Кто он такой, чтобы говорить ей «ну и ну»?

— Чего-то сердятся на вас,—заметила Сима, собирая нитки с подоконника.

— А вы, пожалуйста, узнайте, в чем дело.

Все объяснил Су Фын, в ужасе прибежавший на балкончик.

— Ты просила мешок? Там все... гудят, что ты просила. А у них нету. И радист сказал: я буду спать без мешка... Ты просила?

— С ума сошел!

Он поколебался немного, и все же пылливость одержала победу над прирожденным тактом.

— Что такое слабак? — спросил он с виноватой улыбкой.—Они сказали: девка слабак. Девка—это я понимаю: девочка, девушка, барышня, мисс. Но что такое слабак?

Не слушая дальше, она вбежала в дом, на кухню. На сундуке сиде-

ла и шепталась с матерью Сима. Не скрывая своего отношения, они шепотом рассказали, что радист принял из Новосибирска радиogramму—немедленно обеспечить практикантов спальными мешками. Теперь все, буквально все возмущены: считают, что это сам Устинович после ее вчерашнего звонка нажал на кого-то в министерстве, а оттуда позвонили в Новосибирск. Но так не поступают, чтобы давать одним, отбирая у других.

— Но это же не папа! Это мама, мама! — почти плача от обиды, закричала Галочка.

Сима только приложила палец к губам. А в комнатах, где, конечно, все слышали этот крик отчаяния, никто не кашлянул, не шевельнулся на стуле.

Все остальное время до конца рабочего дня Галочка неподвижно сутулилась над чертежной доской. Было невыносимо жарко, рябина за стеклами веранды поникла от зноя. Галочка не замечала жары, она цепенела от злобы и стыда. «Давать одним, отнимая у других...» А у нее было такое чувство, будто у нее самой отняли что-то дорогое и спрятали в проклятый пыльный мешок под ногами. Самое нелепое, что он ей вовсе не нужен. Ведь спит она не в палатке, а в душной избе с закрытыми окнами. Не жаловалась она, черт возьми! И не думала, что так получится... Очень ясно рисовалась ей вся цепочка. Бабка за дедку... Мать накулила отцу, заставила его позвонить кому-то, он нехотя что-то буркнул по телефону своим хорошо поставленным голосом. А дальше—все такие отзывчивые! Полным-полно отзывчивых! Подумать: меньше чем за сутки мимоходом ею брошенное слово, пролетев за тысячи километров, точно невидимый бумеранг, пало к ее ногам, превратившись в злополучный куль на деревянных застезках...

Гул мотора отвлек от злобных мыслей. Над поселком низко летел вертолет. Галочка видела его в первый раз в жизни. Еще минут через двадцать въехал в калитку на заспанной лошадежке начальник экспедиции Летягин. За ним, тоже верхом, показался хозяин дома, с утра дожидавшийся начальника на аэродромном лугу.

«Назло не обернусь!» Мельком только взглянула, поправляя волосы,—Летягин был точь-в-точь, каким она его представляла: неказистый, скромный. И уткнулась в чертеж. И когда, войдя на балкончик, главный инженер проекта спросил: «Нашего полку прибыло?»,—она сделала вид, что это не к ней относится.

Она прислушалась к тому, что творится в доме. Куда деваться?.. Завхоз начал свое сообщение прямо в сених. Она услышала его бурлящий уши голос. Ясно, что это о ней. До нее доносился обрывок ответа Лetyгина:

— ...по принадлежности!

«Вернуть по принадлежности», — догадалась Галочка.

И правда, завхоз вышел к ней на балкончик и почему-то на «ты» пробормотал:

— Посторонись-ка.

Тем же порядком извлек он из-под стола спальный мешок и уже во дворе, как будто кто-то его там слушал, едко проговорил:

— Так-то! На всякий горшок найдется покрывка.

Когда вечером Лetyгин принял практикантов, Галина совершила вторую глупость, на этот раз непоправимую.

В разговоре вяло участвовал Анатолий Владимирович, равнодушно подпирая косяк шкафа. Лetyгин был в приподнятом настроении и рассказывал о каких-то двух рабочих паровозах, доставленных по воде. Он собственными глазами их видел на семьдесят восьмом километре. Он даже сфотографировал их и запомнил серии и номера. Чувствовалось, что эти первые паровозы на трассе — событие в его жизни.

— Тракторами вытаскивали, понимаешь! С бар-

жи на шпальную клеть, а в выемке на берегу уже и рельсы сболочены. Говорят, машинисты за семьями поехали!

Седой дядя с хохолком на макушке — вот и весь Лetyгин. И оттого, что он не собирался вникнуть в происшедшее, у Галины немного отлегло на сердце, но стало скучно. Может быть, Джек Лондон таких и описывал! Старуха за чаем о нем сказала: охотник — с коня бьет рывчика в шейку, чтоб тушку не попортить. А вот серый итель ни к чему, хоть и с зеленым кантом. И потертые до блеска синие брюки, заправленные в сапоги...

Она не заметила, по какому случаю в конце разговора Анатолий Владимирович все-таки ввернул с улыбкой о спальном мешке. Лetyгин замолчал.

— Ох, все-таки трудно быть дочкой Устиновича! — с кислым вздохом сказала Галина.

Ей хотелось сказать, что много развелось повсюду отзвучивших, что подхалимства слишком много и она не хочет отвечать за тех, кто из министерства шлет директивы о спальном мешке. Но так неловко она выразилась, что получилось чистое хвастовство. Никто здесь ее не знает. Лetyгин мог понять как угодно.

— Трудно быть дочкой Устиновича.

— Что вы изволили сказать?

Она покраснела и взглянула на него с укором и мольбой в мокрых глазах.

— Ну, это ЧП... — пробормотал он, схватив со стола чертежный рулон и круто сматывая его сухими пальцами.

— Мне обидно... — начала было Галина.

Он поднялся, и рулон зашуршал на столе.

— Слушайте, что вы тут чепуху развели! — сказал он, неизвестно к кому обращаясь.

— Да! Мне обидно! — дрожащим голосом повторила Галочка. — Я как раз ехала с твердой решимостью ничем не выделяться, быть, как все...

— А я знать не хочу, с чем вы ехали! — не дал ей досказать Лetyгин.

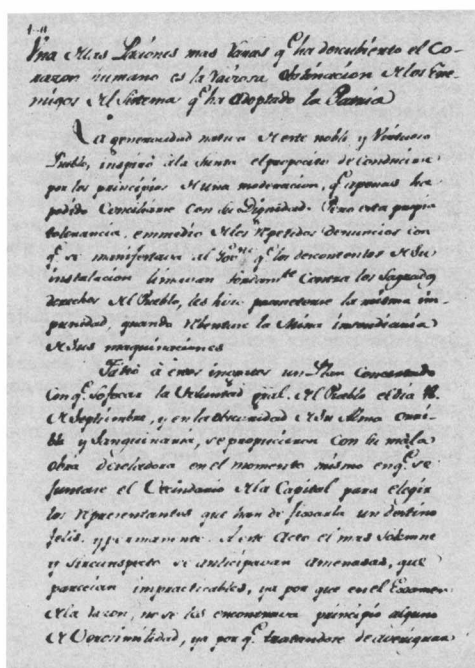
— Нет, она не слабак! — с трудом выговорил Су Фын.

О нем забыли, а он так героически вступился, что Анатолий Владимирович быстро вышел в соседнюю комнату. Было слышно, как он там рассмеялся.

Лetyгин еще больше нахмурился и сказал: — Вот что, дорогие товарищи, кто слабак, а кто нет, это мы скоро увидим на практике. Назначая вас рабочими. Вас... — он бегло оглядел тоненькую фигурку Су Фына, — рубщиком. Вас, — он не взглянул на девушку, — речницей.

— Но мы приехали на практику, — упрямо возразила Галина.

— Здесь не учебный участок. Вы в этом сами убедитесь. — Он глянул ей в глаза. — И памятки вам тут все равно не поставят.

РУКОПИСЬ БОРЦА ЗА СВОБОДУ

Пабло НЕРУДА

Одной из наиболее значительных и интересных фигур времен освободительной борьбы 1810 года, которую вел латиноамериканский народ против испанского владычества, был чилийский поэт и публицист, монах Камилло Энрикес.

Прежде чем начать повествование о нем, я должен объяснить, что испанская католическая церковь всегда была реакционной силой, защищавшей интересы колониальной монархии. Она вела непримиримую борьбу с патриотами Латинской Америки, объявляла их атеистами, осуждала на вечные муки в аду, где проклятые церковью должны были гореть на вечном огне.

Камилло Энрикес не повиновался приказам реакционных отцов церкви и стал одним из первых борцов за независимость Чили. Он был избран членом хунты, к которой перешла власть после восстания

1810 года в Сант-Яго. Камилло Энрикес писал пламенные стихи, направленные против испанских поработителей, редактировал прокламации. Он играл значительную роль в формировании чилийской нации.

Я очень ценю, что и уважаю этого человека. В его деятельности и взглядах отразились стремления наиболее передовых представителей интеллигенции, выступающих на стороне народа в его борьбе против угнетателей и эксплуататоров.

Когда в 1940 году я основал газету, чтобы поддержать Народный фронт Чили и призвать интеллигенцию бороться против угрозы фашизма, я выбрал для нее название «Аврора де Чили». Я сделал это по двум причинам. Во-первых, в память о советском крейсере «Аврора», чьи выстрелы в Петрограде зом отозвались в сердцах людей всего мира. И во-вторых, потому, что во время борьбы с угнетателями моей родины Камилло Энрикес создал первую чилийскую газету (в 1810 году), которая тоже называлась «Аврора де Чили».

...Первого апреля 1811 года группа контрреволюционеров во главе с предателем Томасом де Фигероа пыталась восстановить ненавистный режим испанской монархии. К счастью, мятеж был подавлен. Предатель Фигероа укрылся в церкви св. Доминго в Сант-Яго, но по приказу правящей хунты был арестован и в тот же самый день расстрелян. Завоевания революции нельзя было ставить под удар матерых реакционеров. Руководители Чили так же, как и Аргентины, были непримиримы в этих вопросах...

Совсем недавно, направляясь через Уругвай в Европу, в одном маленьком книжном магазине Монтевидео я нашел рукопись, датированную 2 апреля 1811 года. Радость моя была огромна, когда, читая по складам трудно разбираемый почерк, я обнаружил, что этот документ написан благородной рукой Камилло Энрикеса!

В этой рукописи он рассказывает о мятеже контрреволюционеров и оправдывает казнь предателя чилийского народа Фигероа.

Мне кажется, что этот замечательный документ до сих пор неизвестен моим соотечественникам. Я счастлив опубликовать его частично здесь, в Москве, в журнале «Огонек».

Начинается рукопись так:

«Одна из наиболее бесплодных страстей, присущих человеческому сердцу, — это ожесточенное упрямое сопротивление реакционеров всему новому и передовому».

Потом Энрикес рассказывает о событиях, свидетелем и участником которых он был: «Врожденное великодушие благородного народа Чили побудило хунту руководствоваться принципами умеренности, которые едва ли могли обеспечить ей прочную власть. Но неоднократные разоблачения предателей показали, что терпимость, проявляемая хунтой по отношению к врагам свободы, позволяет этим врагам безнаказанно посягать на завоеванные народом священные права и даже поднимать мятежи».

Описывая события, которые завершились мятежом, Камилло Энрикес сообщает:

«Томас де Фигероа спрятался в церкви св. Доминго. Патриоты следовали за ним по пятам, и в момент, когда они его настигли, раздался гневный возглас, однако предателя невинными привели в тюрьму, где после суда и исповеди его казнили».

Когда борцы за независимость вновь восторжествовали, Камилло Энрикес обращает-

ся к народу Чили со следующим предостережением:

«Мы не можем жить в одном обществе с врагами родины; родина требует правосудия. Те, кто задумал предательство, будут истреблены во имя общественной безопасности. И хотя это стоит жертв, к предателям не должно быть никакого сочувствия. Граждане, знайте, что враги не смогут угрожать нашей родине, пока вы преданно защищаете ее свободу».

Сант-Яго, 2 апреля 1811».

Эти слова одного из героев борьбы чилийского народа, слова, прозвучавшие 150 лет назад, волнуют своим мужеством и прямотой и сегодня. Кажется, что они написаны в наше время.

Не так давно современные империалисты оплакивали разгром контрреволюционного мятежа в Венгрии, организованного недобрыми нацистами и поддержанного североамериканскими реакционерами. Кое-кто не хотел тогда понять, что если бы социализм не был защищен в Венгрии решительным образом, то власть оказалась бы в руках самых отвратительных фашистов. Исторический ход событий еще раз подтвердил, насколько правильны слова Камилло Энрикеса о том, что патриоты всегда должны быть непримиримы к врагам свободы.

Когда справедливая кубинская революция положила конец массовым расправам диктаторского режима Батисты, залившего кровью прекрасный остров, западная печать пыталась представить Фиделя Кастро как... «кровавого деспота».

Документ, написанный нашим патриотом Камилло Энрикесом в 1811 году, сегодня звучит как ответ на лживые измышления прессы североамериканских монополистов, которые желают только одного: возврата жестокого и бесславного режима, отвечающего агрессивной политике государственного департамента США, а не желаниям и стремлениям кубинского народа.

Многие страны Латинской Америки отмечают в этом году 150-ю годовщину начала борьбы за независимость. Правда, реакционные силы, побежденные в 1810 году, добились экономического и политического господства, постепенно захватив власть в свои руки. Народы Латинской Америки еще находятся под гнетом изомных эксплуататоров, и условия их жизни очень тяжелы. Но пламя борьбы, разгоревшейся в 1810 году, неугасимо!

По всей Латинской Америке ширится мощное антиколониальное движение. Рушится отжившая свой век колониальная система, которая нас давила, угнетала. Народная борьба охватывает все новые и новые территории.

Бои идут и на вершинах Анд, и в маленьких, кипящих гневом портах, и на безграничных просторах равнин. Борьба рождает новые имена славных героев Латинской Америки. В сражениях за свободу народы нашего континента проявляют мужество и героизм, волю к творческому созиданию.

Опубликовав этот ценнейший документ, я хотел отобразить прошлую эпоху борьбы и образ героического ее участника, человека прогрессивной мысли, достойного сына республики Чили — Камилло Энрикеса. Будучи первым чилийским писателем, отцом публицистики моей родины, он заслуживает того, чтобы, несмотря на время, которое нас разделяет, стать известным в Советском Союзе, в стране, которая идет во главе мирового прогресса.

На плесах

ДМ. КОВАЛЕВ

Где родился я?
На Волхове.
Где учился?
На Днепре.
А крещение проходил
На Волге я.
А семейным стал
На Ангаре.

И не на колесах,
А на плесах
Мы живем —
Жена моя и я.
На порогах,
На песчаных косах
Обживалась заново семья.

Чернота воды
Чиста, как вымыта.
Борт идет
Наперерез волнам...
Вот и снова
Перемена климата,
Снова наживать
И строить нам.

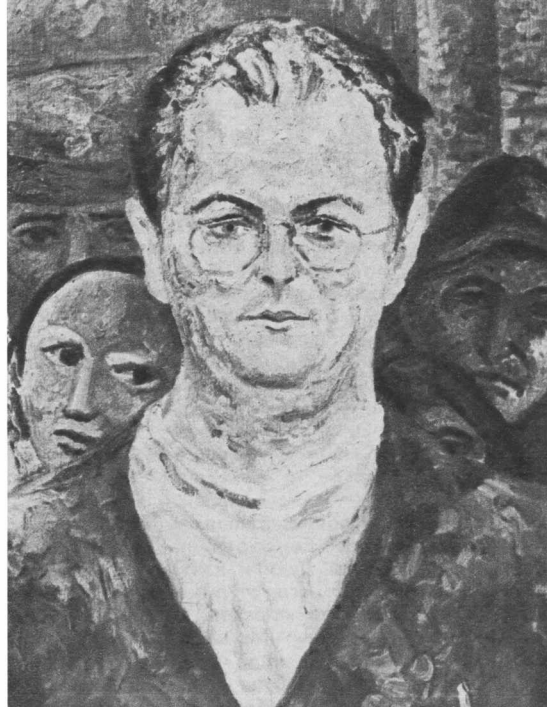
Но уют
И все удобства прочие
Хороши,
Пока гора пород
До подошвы самой разворочена
И дорога подвесная — вброд.

А как только все благоустроено
И начальство намекает: осесть, —
У меня душа обеспокоена,
И жена, гляжу,
Не спит,
Не ест.

— Что-то скучно, — говорит, —
Как в городе.
Не пора ль
Манатки собирать?
— Вы, братва,
Из-за квартиры спорите?
Заселяйте:
Мы
В поход опять.

Отвыкать да привыкать
В новинку ли?
Новые пороги за бортом.
Темень, хоть глаза,
Сказал бы, выколи.
А приедем —
Будет свет потом.

Пусть и дочка в мать
И сын
В меня, в отца...
Хорошо будить
В тайге восход...
Жизнь, она,
Как берега, меняется
И спешит,
Как белый теплоход.

К. Леви. «ДАНИЛО ДОЛЬЧИ И ЕГО ЗАЩИТНИКИ». Фрагменты.

ПЕРОМ И КИСТЬЮ

Борис ПОЛЕВОЙ

У итальянского писателя Карло Леви есть книга со странным на наш слух названием — «Христос остановился в Эболи». Но это совсем не религиозный трактат из тех, которые пишутся учеными монахами в самой католической стране. Это мужественная, реалистическая книга о крестьянах Лукании, обитающих на юге Италии. Это повесть об их бедах, об их нищете, о голоде в краю, где солнце так щедро. Это взволнованный рассказ о безработных, потерявших надежду получить работу. Это книга о людях с прекрасной душой, с честным сердцем, умеющих гордо нести свое горе и готовых помогать друг другу в беде.

А заглавие? Откуда взялось такое странное заглавие? Вот откуда. Крестьяне Лукании, горько улыбаясь, говорят:

— Христос остановился в Эболи. Он не дошел до нас, не узнал о нашем житье, и потому мы так несчастны.

Стало быть, заглавие можно перевести не буквально, а назвать по-русски книгу «В забытом богом краю».

У ставшей всемирно известной книги Карло Леви интересная биография, проливающая свет на всю послевоенную деятельность этого интересного итальянского писателя да, пожалуй, и на многое из того, что есть лучшего в современной итальянской литературе.

До войны Карло Леви, выходец из состоятельной среды, туринаец, прочно привязанный к своему городу, человек, склонный к абстрактному мышлению, был известен как живописец, как острый, своеобразный портретист. Активный борец против фашизма, редактор подпольного органа группы «Справедливость и Свобода», Леви рисовал карикатуры для листовок, писал к ним текст. Его схватили по подозрению, но так как прямых улик достать не удалось, фашистские власти выслали его на юг страны.

Столичный житель сразу окупился в среду, о которой раньше знал лишь понаслышке. Все закоренелые беды итальянского юга обступили его тесной толпой. Он увидел, как выглядит настоящая нищета, о которой на промышленном севере мало кто и понятие имел. В деревнях, теснящихся возле каменистых дорог, в хижинах, сложенных из камня, он, человек с зорким глазом, чутким ухом, открыл для себя новый, неведомый ему быт, полный древних поверий и новых предрассудков. Но там же нашел он и новых для себя людей, с жесткими, как подошва, ладонями, с суровыми, морщинистыми лицами, с которых ни зимой, ни летом не сходит тяжелый загар. Он узнал тружеников юга — людей с чистыми сердцами, узнал, полюбил их.

И в творчестве художника Леви произошел перелом. Формальные

искания, охота за цветовыми находками, поиски необычного освещения — все это перестало занимать его. На первый план вышел человек. Героями его портретов и картин стали крестьяне, батраки, рабочие с каменоломен, женщины-матери, не знающие, чем накормить многочисленные свои семьи, дети с худыми, обтянутыми кожей, старообразными лицами и неестественно большими черными глазами, дети, с первых же своих шагов по земле узнающие, что такое голод, а в семь — десять лет — что такое взрослая работа. Судьба этих людей потрясла художника однажды и навсегда.

Он понял: обо всем этом не расскажешь только кистью. И вот родилась книга «Христос остановился в Эболи», которую самый равнодушный и хладнокровный человек не может прочесть без волнения, книга, которая через месяц после своего появления на свет сделала известного художника не менее известным писателем.

Помнится, когда книга была у нас еще только переведена, встретив ее автора в Венеции, я, как литератор, страдающий тем, что всегда стараюсь найти живых прототипов любившихся мне литературных героев, не зная истории книги, принялся выспрашивать у Леви, кто же в действительности был этот римский интеллигент, открывающий для себя горе юга. Писатель с улыбкой по-

жал плечами. Теперь известно, что живым прообразом его героя был он сам. О своих переживаниях, размышлениях, душевных терзаниях рассказывал он, и именно непосредственность впечатлений сделала горькую книгу Леви такой горячей и страстной...

Все это невольно вспомнилось, когда мы — казахский писатель Габит Мусрепов, молодой литературовед, большой знаток итальянских книг Георгий Брейтбурд и я — подходили к небольшому особняку, стоящему среди деревьев на окраине городского парка, — виллы Боргезе. Было воскресенье. Ранняя южная весна робкой походкой вступала в парк. Над кронами еще не давшей листьев японской вишни плавали нежно-розовые облачка цветов. Среди гулявшего по аллеям праздничного люда сновали ребята в карнавальных костюмах: крошечные рыцари, чертики, феи, волшебники. Птичий гомон смешивался с детскими голосами.

Особняк, около которого мы остановились, наводил на мысль об удобном, respectableм буржуазном жилье. Но жилище Карло Леви оказалось более похожим на съемочный павильон кинофабрики, в котором из-за недостатка места во внешнюю декорацию, изображающую, скажем, замок, вписали хижину ремесленника. Дом представлял собой внутри двухсветное зальце, загроможденное картинами, холстами, рамами, подрамниками, кучами беспорядочно лежащих книг, законченными и незаконченными скульптурами. Все это вместе напоминало библиотеку или, вернее, картинную галерею, где перед лицом наводнения или иного стихийного бедствия все снято со стен, вынута из шкафов, сдвинута с мест да так и лежит навалом, приготовленное к эвакуации.

Свободным оставалось лишь место, на котором стоял мольберт с чьим-то неоконченным портретом, да проход вокруг большого стола. А на столе тоже ворох книг, эскизы, баночки с красками, кувшин с вином, кружки и початая краюшка хлебаazole. И все это нагромождение — в полумраке, пронзенном наискось плотным золотым, прямо-таки рембрандтовским солнечным лучом. Острие луча упиралось в большую, сложную по композиции, многофигурную картину, на которой, окруженный плотной толпой, стоял человек в очках.

Среди этого хаоса нас встретил коренастый, подвижной, с античным профилем, с быстрыми, цепкими глазами Карло Леви, наш старый друг. Мы не виделись несколько лет, но он был все такой же живой и все так же был погружен в планы и замыслы.

Поговорить есть о чем. За время, пока мы не виделись, он написал несколько книг и много картин. Большим успехом в Италии пользуются его записки о путешествии по Советскому Союзу. Книга озаглавлена «У будущего древнее сердце». Автор ее — умный, зоркий, мыслящий друг, сумевший заметить все то новое, что рождается у нас, оценить это новое, раздумывающий над ним. Раздумывая, Леви в своей книге пришел к мысли, что социализм вбирает в себя, воплощает в жизнь все то лучшее, чего достигло человечество в предшествующих социальных формациях, что

социализмом созданы условия для воплощения самых смелых мечтаний. Книга была мгновенно раскуплена, выходила новыми изданиями, снова раскупалась. О ней было много разговоров и на страницах газет и среди читателей. А ведь всегда приятно поздравить коллегу с такой вот яркой, будоражащей ум, живой работой.

Но ведь в любой семье внимание родителей всегда занимает младший ребенок. Последняя книга Леви — это тоже путевые записки. На этот раз о Западной Германии — «Двойная ночь под липами». С подлинной итальянской страстью Леви срывает декоративные покровы с так называемого «экономического чуда», которое славословит западный мир, и показывает, что над аденауэровскими чудотворцами витают все те же старые-престарые призраки: безработица, моральное обнищание, духовная пустота.

Вот они, две книги, лежат рядом на столе. Автор сам проиллюстрировал их. На обложке одной — он сам, закутанный, в меховой ушанке, ведет на Красной площади дискуссии с каким-то советским гражданином, на обложке другой изображена тронутая тленом морда старого немецкого милитаризма. Невольно сопоставляешь эти две работы Леви, вызвавшие в последние годы такой интерес итальянской общественности. Писатель острый, зоркий, он ничего не принимал на веру, он стремился все увидеть, пощупать рукой, осмыслить, прежде чем взяться за перо. Оттого вдвойне ценен вывод, который возникает из сопоставления этих двух работ: в Советском Союзе автора пленяла неугасимая вера людей в светлое будущее человечества, в продолжающийся расцвет культуры, науки, техники, пленило динамическое стремление к прогрессу. В Западной Германии, в смысле материальном «благополучнейшем» из всех западноевропейских государств, его поразило моральное опустошение, духовная нищета, безверие, безнадежность. Он так и пишет: богатые нищие.

Автор радуется успеху публицистических книг о зарубежной жизни. Но сердце его, сердце живописца и писателя, остается в Италии. В центре его творческого внимания по-прежнему крестьянский юг и острова, где жизнь тружеников особенно тягостна. Жизни батраков Сицилии Леви посвятил книгу «Слова-камни». Работа большой силы. В ней рассказывается, как темное, неграмотное, запуганное крестьянство, продолжающее существовать чуть ли не в феодальных условиях, постепенно прозревает, спланивается, поднимается на борьбу. Здесь люди голодают вблизи огромных массивов прекрасных пустынных, покрытых бурьяном земель. Помещикам невыгодно их обрабатывать. И вот крестьяне одной деревни, сплоченные молодым батраком Карневале, захватывают эти пропадающие земли, делят, любовно распахивают их. Но еще живы феодальные нравы. Помещики входят в контакт с бандитами мафии, наемниками подлинных хозяев положения в деревне. Карневале убит, крестьяне напуганы. Кто сплотит их? Поодиночке их всех перебивают. Но есть ли такой человек, кто решится снова поднять голос против помещиков и мафии?

И этим человеком становится неграмотная крестьянка, мать убитого. По сицилийскому обычаю, женщины оплакивают покойника. Они рыдают над телом, рвут на себе волосы, обращают к богу молитвенные слова. Но мать Карневале превращает оплакивание сына в боевой митинг.

— Пусть слова мои превратятся в камни, и я буду бросать эти камни в гнусных убийц моего сына! — кричит женщина людям.

Эпический образ старой крестьянки, поднявшей земляков на борьбу с вековыми угнетателями, — самый сильный в этой изобилующей сильными характерами книге. Ее образ не дает покоя Карло Леви и как живописцу. На стенах его студии несколько вариантов полотен, изображающих похороны Карневале и женщину, стоящую над гробом, — на одних полотнах будто бы окаменевшую от горя, на других — в страстном гневе бросающую слова, как камни. Наконец, эту же пожилую женщину в черном платке можно видеть в правом углу новой большой картины Леви, называющейся «Данило Дольчи и его защитники».

На картине изображен огромный человек со спокойным, уверенным лицом, окруженный толпой крестьян, обступающей и как бы прикрывающей его. Этот человек — Данило Дольчи — сицилийский поэт, писатель, публицист, один из славнейших участников движения сторонников мира, благородная, неутомимая деятельность которого была отмечена Ленинской премией. Он написал книгу «Расследование в Палермо» — страшный документ, разоблачающий нищету сицилийского крестьянства, бездельность и корыстность властей, потакающих крупным помещикам, кровавые бесчинства мафии. Писатель Альберто Моравиа, которого советский читатель полюбил за его «Римские рассказы», за его мужественный, глубоко гуманный роман «Чочара», смело опубликовал книгу Дольчи в своем журнале «Нуови аргументи». Против автора и редактора было возбуждено судебное дело. Их обвинили в клевете, в подтасовке фактов, в оскорблении властей. Грозил серьезные неприятности.

Но тут произошло то, чего еще не бывало в Сицилии: на защиту писателей бесстрашно поднялись простые люди — батраки, крестьяне, ремесленники, их матери, жены. Игнорируя угрозы помещиков, действуя наперекор могущественной мафии, они рассказывали жуткую правду о своей жизни, факт за фактом подтверждая то, что было написано в книге. Это был волнующий процесс. На огромном полотне Леви пытался запечатлеть его смысл: простые люди Сицилии прикрыли собой борца за мир. Многие из действующих лиц картины написаны с натуры — это друзья Леви, он знает о них все. Показывая картину, он говорит нам:

— Вон там, высокий, худощавый, мэр деревни. Он коммунист. С грамотой у него плохо, но прекрасный оратор. Однажды он всех поразил, обратившись к односельчанам: «Вы, которые с детства спите, как сардины в корробке». И знаете, это реальный образ. На юге люди спят человек по шесть на одной кровати — часть головой в одну сторону,

часть — в другую. Действительно, как сардины... А вот эта женщина — мать Карневале. Ее не было на суде, но для меня это собирательный образ, без нее картина была бы пуста.

Простые люди итальянского юга смотрят на нас из всех углов ателье. Маленькая девочка с осликом на каменной дороге. Ребенок укутался в старушечью шаль и стал похож на старушку. А как смотрят его огромные глаза!.. Вот мать с ребенком. Вот рабочий-каменотес... Все они потом собрались на большой картине защищать борца за мир, за правду.

Леви-живописец не менее своеобразен, чем Леви-писатель. У него беспокойная, броская кисть, резкая манера письма, которую как-то не сразу принимаешь. Но приглядишься к картинам — и поражаешься, как остро умеет художник раскрыть человеческую душу. Вот портрет рабочего с юга. Если долго смотреть на него, покажется, будто ты давно уже знаком с этим человеком.

Для меня проникновенность Леви-художника открылась в небольшом портрете знаменитого итальянского руководителя рабочего движения, ныне покойного Джузеппе ди Витторио, которого я знал много лет. Он возглавлял Всемирную Федерацию профсоюзов. Отличный организатор, один из самых удивительных ораторов, каких мне только доводилось слушать, это был интересный человек. Леви изобразил его батраком с юга. Сначала это показалось странным, потом, взглядевшись в как бы небрежно написанный портрет, вспоминаешь, что действительно этот блестящий человек, умевший свободно изъясняться на нескольких языках, цитировать в своих речах по памяти Данте и Шекспира, многое сохранял в себе именно от батрака с юга, и, вероятно, эта непорывавшаяся связь со средой, из которой он вышел, и укрепляла его авторитет у тружеников Италии, даже у своих противников.

Мы ходим по мастерской, смотрим полотна, портреты, перебираем вороха эскизов, и возникает мысль: а где, собственно, живет хозяин дома? Где его место среди этих беспорядочных художественных нагромождений? Оказывается, такое место все-таки есть. Это две крохотные комнатки, в которые можно попасть, поднявшись на галерею. И когда первозданный хаос остается за дверью и толстая черноокая ворчливая старуха экономка с бровями, как гусеницы, водружает на стол блюдо с макаронами, залитыми помидорным соусом, и жареную рыбу, а в толстые стаканы какого-то давно прошедшего века наливается доброе итальянское вино, мы подвожим итог встречи.

— Мир... Дружба... Советский Союз, — говорит хозяин дома по-русски и, в нарушение местных обычаев, сразу же опустошает бокал. И мы, не оставаясь в долгу, ответно пьем за прекрасную женщину, горячие симпатии к которой все же не вызывают ревности и у самых ревнивых жен, — за Италию, за ее народ, за ее писателей и художников, служащих ему пером и кистью.

Рим.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

С интересом рассматриваешь на выставке «Советская Россия» портреты В. Нечитайло из серии «Рязанские животноводы».

В портрете Тамары Родкиной — доярки колхоза имени С. М. Кирова, Рязанской области, — обращает внимание скромность всей фигуры. Старый пиджачок, темный платок накинута на голову, в руках ведро... На дойку собралась Тамара, сейчас выбежит из избы, только хлопнет дверью... Обыкновенное, простое лицо, и улыбка осторожная на губах. Но во взгляде светится и задушевность, которой богаты сердца простых русских женщин, и вместе с тем смелость, уверенность, смекалка. Такой по плечу любые трудности. Не удивят и не испугают они ее! Взглянешь на Тамару и поймешь, откуда берутся необыкновенные рекорды среди таких людей...

В. Нечитайло. ПОРТРЕТ Т. РОДКИНОЙ, ДОЯРКИ КОЛХОЗА ИМЕНИ С. М. КИРОВА.

«Огонек».

В. Попков. НА ЛЕСАХ БОЛЬШОГО ТЕАТРА.

Молодой художник В. Попков побывал в глухих уголках Сибири и привез великолепные графические работы со строительства железной дороги Тайшет — Абакан. Но одно из самых больших своих полотен, представленных на выставке, он посвятил труженикам родной Москвы.

Молодые девушки-штукатуры работают на лесах Большого театра. Внизу — знакомый скверик, потоки машин и пешеходов на одной из многотысячных площадей столицы, вдали — силуэт Музея В. И. Ленина.

Штукатуры обновляют старые стены Большого театра — здания, которое так любят москвичи.

Прикасаясь к этим величественным стенам, девушки как бы сами становятся частицей того прекрасного, что связано с ними. Высветлены солнцем, напоены воздухом их фигуры. Позы, жесты скульптурно закончены, движения полны динамики и удивительно ритмичны. Художник не обращает внимания зрителя на характеры своих героев, но та поэтичность, которой овеяны их фигуры, которая ощущается и в их работе, невольно останавливает зрителя перед картиной.

А. Бубнов. ВЕЧЕР НА ПАШНЕ.

сть художники, которые привлекают внимание зрителя необычной композицией картин, сюжетной остротой, интересной тематикой. Картины же А. Бубнова отличаются прежде всего выразительным, сочным цветом. Именно цвет помогает этому художнику наиболее точно передать сущность его замыслов.

Когда в залах выставки гаснет свет, картины Бубнова не теряются. Они как бы сами лучатся своими яркими, интенсивными красками.

Двое трактористов облокотились на изгородь, закурили... За их плечами необозримые поля, небо, освещенное заходящим солнцем. О чем беседуют эти люди? О законченной работе, о завтрашних планах? Или, может быть, просто молчат, как молчат люди, только что завершившие большую, трудную работу?.. Червонный закат переливается фиолетовыми тонами на земле, и зрители чувствуют, что вместе с людьми трудилось сегодня весь день и солнце.

Дом-мой, двор-мой!!

ВЕЛИКАЯ СИЛА —
НАША
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

На совещании в редакции журнала «Огонек»

Эти слова — из листовки. Она появлялась везде: в подъездах и на стенах домов, во дворах и на улицах и даже в квартирах, в которые приходили агитаторы. Тонкий листок бумаги с напечатанным на нем небольшим, но емким текстом напоминал: в столицу пришла весна, и в эту весну город надо сделать еще красивее. Красота его начинается не только с улицы Горького или с Ленинского проспекта, а тут же, в вашем доме, в вашем дворе.

С таким призывом обратились домовый комитет и 5-я жилищно-эксплуатационная контора — ЖЭК — Куйбышевского района к жителям улиц Жуковского и Чернышевского, улицы Чаплыгина и Лобковского переулка. Призыв был подхвачен в радиусе «левого берега» Чистых прудов — от Кировских ворот до Покровки. На воскресники вышел и «правый берег» Чистопрудного бульвара. Их соседи справа и слева и соседи этих соседей. И вот уже по всей Москве шел двухмесячник по благоустройству. Двухмесячник перерос свой шестидесятидневный «регламент», и, хотя намеченное почти всюду сделано, работа продолжается.

Призывная листовка «левобережников» запомнится надолго. Вот она переходит из рук в руки. Ее смотрят и читают председатели домовых и участковых комитетов, товарищеских судов, собравшиеся на совещание, созданное редакцией «Огонька» и исполкомом Моссовета.

Пока речь идет лишь о первых шагах. Но уже очевидно: домовые комитеты, недавно выросшие из существовавших ранее комиссий содействия при домоуправлениях, оказались во много раз сильнее своих предшественников. Ныне им доверено очень многое: они сами берегут свои дома, готовят дворы и улицы к лету, следят за порядком в квартирах; в некоторых домовых комитетах есть даже свои дружины. В общем, много больших и малых дел легло на их плечи. И этих дел все будет прибавляться. В нашей стране непрерывно улучшаются жилищные условия и сам народ — распорядитель и распределитель своих благ. За последние три года построены жилые дома общей площадью 204 миллиона квадратных метров. Из них 2 миллиона 705 тысяч только в одной Москве за один только 1959 год! Как же надо бережно охранять эту площадь, каждый дом, каждую улицу! И чем больше будет таких беспокойных стражей, тем лучше.

В работе нашего домового комитета, — говорит И. Ф. Скоморохов, председатель домкома того же ЖЭК № 5 Куйбышевского района, — участвует четверть человека...

Четыреста активистов-энтузиастов — рабочие и служащие, пенсионеры и домашние хозяйки, актеры, педагоги. Это своеобразный общественный штаб, этаким «микросовет» в пределах нескольких улиц! И не удивительно, что по зову такого штаба вышло на вос-

ресники 9,5 тысячи человек. Кто-то в порядке шутки заметил, что в те дни у полковника в отставке Скоморохова хлопот было не меньше, чем во времена военной службы.

— Каковы же итоги? — спрашивают из зала.

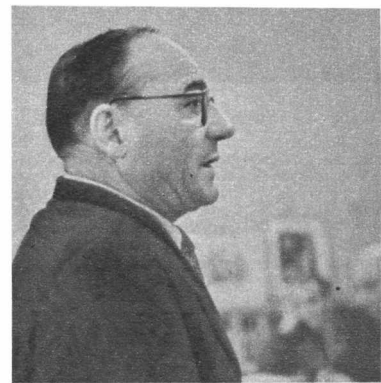
— Мы высадили сто девяносто яблонь и груш, две с половиной тысячи кустов сирени, жасмина, боярышника, — отвечает Скоморохов. — В двадцати двух дворах появились детские площадки, уголки отдыха. В плане своя оранжерея, цветочные теплицы. Их будет обогревать наша котельная. Она уже достроена, и на ее плоской крыше мы делаем оранжерею.

Диапазон интересов общественников с «левого берега» Чистых прудов очень широк. Они заняты и таким делом, как перевод, допустим, 44 котельных с угля на газ и созданием своего университета культуры. Одно из занятий тут было посвящено лету и, конечно, детям — самым беспокойным жителям нашего города.

О них особенно пекутся домкомы. Много интересного для ребят: различные кружки — живописи, хореографии, драматический, струнных инструментов, выпиливания, — которыми руководят по доброй воле и, конечно, бесплатно сами жильцы — актеры, краснодеревщики, спортсмены, учителя. Один из домкомов Тимирязевского района организовал даже свою детскую техническую станцию, а в Ленинградском районе есть автомобильный клуб со своей детской автошколе и собственными регулировщиками уличного движения.

Ребят теперь не узнаешь. Выйдут во двор — и за лопаты. Зимой убирали снег и заливали каток, сейчас охраняют газоны, сами покрасили штатетник. И приглашать их не надо: дети привыкли к труду, к своему, доверенному им делу.

Обо всех этих «мелочах» домкомовских будней взволнованно рассказывает И. М. Варфоломеев. Может быть, он отец большого семейства, почувствовавший на своих малолетних детях влияние улицы?

И. М. Варфоломеев: — Ребята стали неузнаваемыми.

Нет, дети его давно уже взрослые, а внушечок совсем еще маленький. Тогда, может быть, у него уйма свободного времени? Тоже нет. Старший инженер, он занят, как говорится, по горло. Просто этот человек не мог оставаться равнодушным, когда видел, как детская шалость порой перерастает в озорство, хулиганство.

Все началось с устройства катка во дворе. Каток получился на славу. Поставили здесь нарядную елку, и, когда дети прощались с ней, каждому из 85 мальчиков и девочек дома № 47 по улице Герцена вручили подарок.

А сегодня председатель домкома И. М. Варфоломеев увлечен новым замыслом: создать спортивный городок в своем «микрорайоне».

В нашем спортивном городке будут баскетбольная и волейбольная площадки, спортивные снаряды, навес или павильон для настольных игр. И все это рассчита-

но не на восемьдесят пять, а на восемьсот пятьдесят ребят. Приезжайте к нам, смотрите, — приглашает присутствующих И. М. Варфоломеев. — Давайте соревноваться на лучшую детскую и спортивную площадку, на лучший озелененный двор!

Большим успехом пользуется у нас настольный теннис, — продолжает председатель домкома. — Установлено пятнадцать столов, но и этого не хватает. Кстати, с этими самыми столами, песочницами, скамейками и другим простейшим «оборудованием» много мороки. Лесоматериалы есть, а делать некому. И средств нет...

Эта беда, к сожалению, общая. Страдают от нее и в Рижском, и в Пролетарском, и в Дзержинском районах.

— Загляните в помещения, где работают наши кружки, — говорит В. Ф. Лаврова, председатель одного из участковых комитетов Ленинградского района. — Зачастую эти помещения находятся в подвалах, темных и сырых. А рядом на первом этаже расположилась какая-

В. Ф. Лаврова: — Есть у меня мечта...

нибудь контора. Она платит за аренду. А мы нерентабельная организация. Справедливо ли такое положение?

Есть у меня такая мечта, — продолжает В. Ф. Лаврова. — Я ее высказала товарищам из Академии строительства и архитектуры, когда они приезжали к нам. В новых жилых массивах нужен не только клуб. В новых кварталах живут десятки, иногда сотни тысяч людей. Разве детишки будут ходить в этот клуб через несколько улиц, по которым целый день несется поток автомашин? Разве потянутся туда старики? Нельзя ли спроектировать в каждом новом большом доме несколько общественных комнат? Вот это будет правильно!

Домовые комитеты завоевывают все больший авторитет. Им доверили контроль и за финансовой дисциплиной ЖЭКов, и за распределением освобождающейся жилой площади, и за ходом ремонта.

В доме 11/7 по Метростроевской улице обновляется фасад. Строители уже решили разобрать леса, но не тут-то было! Пришла участковая комиссия домового комитета и нашла изъяны. Составили акт. И что же? Пришлось строителям снова взяться за работу. Дом № 3/14 по этой же улице на капитальном ремонте. Та же комиссия ходит с этана на этаж. В одной квартире заставили снова кухню белить, в другой — столырам досталось...

...Большой, одиннадцатизатный серый дом у Каменного моста. Жильцам здесь хорошо знакома А. А. Галустан — председатель домкома. Вместе с другими членами комитета она обследовала все 508 квартир. Появился «черный список» тех, кто десятилетиями у себя в квартире не ремонтировал места общественного пользования. После бесед с жильцами список резко сократился. Но все же оста-

Заместитель председателя исполкома Моссовета Е. И. Борисов: — Домовые комитеты — большая сила!

вались в нем самые нерадивые. Тогда о них написали в стенгазете, кочующей из подъезда в подъезд. Что тут началось! Звонки, просьбы и даже угрозы. А главное — срочный ремонт.

Во многих районах жильцы сейчас соревнуются друг с другом, квартира — с квартирой, подъезд — с подъездом, дом — с домом. Если попадают злостные нарушители «коммунальной дисциплины», тогда дело передается в суд. Но в свой, товарищеский, существующий при домкоме. Судят нарушителя сами же жильцы. Об интересной работе товарищеских судов рассказывали на совещании товарищи П. Г. Клопов, А. А. Бруси, Б. Н. Ключев и П. С. Шибаев.

А мы боремся за то, чтобы не доводить дело до суда и до милиции, — заявила Л. И. Осадко, председатель участкового комитета ЖЭК № 4 Киевского района. — Были у нас в доме пятнадцать юношей и девушек, которые нигде не работали, не учились, слонялись по двору. Приглашали их в наши кружки — не идут. И тут неожиданно «помог» нам случай с Колей Л. Пока он учился в техникуме, был скромным пареньком. А когда поступил на работу в троллейбусный парк, совсем другим стал. Сначала — «обмывание» первой полочки, потом — прогулы из-за пьянки. На работе его предупредили раз, второй, обещали на третий раз уволить. И, конечно, третий раз случился. Коля пошел на обман: представил подложный больничный лист — и попался. Судил его товарищеский суд и постановил: уволить за прогулы и обман. Паренек взял документы и решил, что устроится на любом производстве. Но не получилось! Мы решили помочь. Поехали на его прежнюю работу, поговорили с директором, который оказался очень чутким человеком, с комсомольцами, и пареня водворили обратно. Молва об этом случае быстро разнеслась среди молодежи дома, и к нам стали чаще обращаться за помощью. И мы действительно помогали.

Многое, очень многое могут сделать домовые комитеты! Они большая сила! Инициатива их практически не ограничена. Москва должна стать самой благоустроенной, самой чистой, самой культурной столицей! — призывал в своем выступлении заместитель председателя исполкома Моссовета Е. И. Борисов. — Давайте силами общест-

венности широко развернем борьбу за образцовый порядок в нашем городе!

Фото А. Бочинина.

А как работает общественность вашего дома? Ждем от вас писем, дорогие читатели!

И. Ф. Скоморохов: — В воскресниках участвовало более 9 500 человек.

**А. ГОЛИКОВ,
ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦ,**

**специальные
корреспонденты
«Огонька»**

...По высокому трапу поднимаемся в самолет. Нас встречает заслуженный летчик-испытатель дважды Герой Советского Союза лауреат Ленинской премии Владимир Константинович Коккинали.

— Осмотрите пока машину, — приглашает он. — В этом «ИЛ-18» сделаны, некоторые усовершенствования. Вот мы его и испытываем.

Внутренний вид пассажирской кабины необычен. Почти половина кресел снята. Их место заняли сотни различных приборов.

— Датчики этих приборов, — рассказывает штурман-испытатель Вячеслав

Федорович Воскресенский, — установлены в различных точках самолета. Приборы-самописцы при испытаниях зафиксируют вибрацию в отдельных элементах конструкции машины, измеряют температуру топлива, давление масла и многое, многое другое.

Мы обращаем внимание на установку, заключенную в металлический кожух.

— Это надежный помощник инженеров. Видите, приборная доска. Она почти такая же, как в пилотской кабине, а напротив нее киноаппарат. Во время нашего полета он зафиксирует все показания приборов. И на земле инженеры смогут точно восстановить картину испытаний.

...Самолет вырывается на старт. Дружно гудят двигатели. Короткий разбег — и мы в воздухе. Испытательный полет начался. Сразу устанавливается спокойная рабочая обстановка.

Один из инженеров ходит

по самолету с микрофоном в руках и подносит его то к изголовью кресел, то к стенке кабины.

— Что он делает? — спрашиваем мы.

— Определяет силу шума. Конструкторы хотят, чтобы «ИЛ-18» стал еще комфортабельнее, чтобы в пассажирской кабине было тихо. Вот и проверяют эффективность принятых мер.

К нам выходит В. К. Коккинали. Машину в это время ведет второй летчик-испытатель, Эдуард Иванович Кузнецов.

— Вам повезло, — говорит Владимир Константинович. — Увидите, как «ИЛ-18» с одним выключенным двигателем набирает высоту, а с двумя выключенными спокойно продолжает полет.

— Будете выключать по одному двигателю с каждой стороны?

— Нет, два правых или два левых. Такое уж наше дело, испытателей, — создавать для полета наиболее

сложные условия. Надо проверить самые трудные варианты. Положение подчас создается очень трудное. Но мы сами должны побывать в таком положении, чтобы потом в инструкции написать, как надо действовать в подобных обстоятельствах.

Коккинали возвращается в пилотскую кабину и занимает свое место за штурвалом. По его команде бортинженер Юрий Борисович Кюсс выключает один мотор на правой плоскости. Коккинали берет штурвал на себя, и машина послушно набирает высоту. Потом и второй двигатель на правой плоскости останавливается. «ИЛ-18» слегка кренится, но быстро выравнивается. Полет продолжается нормально.

Однако, честно говоря, смотреть на эти неработающие двигатели — удовольствие небольшое. И мы вздыхаем с облегчением, когда снова все четыре винта тянут самолет дружно и надежно.

Нас приглашают в пилотскую кабину. Владимир Константинович рассказывает о мощных вертикальных потоках воздуха, которые бывают на больших высотах. Когда в такой поток попадает «ИЛ-18», режим его полета, независимо от воли летчика, резко меняется. Скорость падает, и самолет, перейдя на так называемые закритические углы, может свалиться. Поэтому теперь даже большие воздушные лайнеры испытываются на срыв в штопор...

— У «ИЛ-18», — говорит Коккинали, — есть такое отличное качество: при выходе на закритические углы атаки он теряет высоту немного и снова входит в режим нормального полета. Сейчас вы это увидите.

Мы переглядываемся. Радиостанция Иван Сергеевич Силиминов уже успел нам рассказать, как они готовились к такому испытанию. В полу кабины был сделан люк. На земле под

ИСПЫТАТЕЛЬНЫ

ним растягивался брезент и клалась мягкие маты, а потом по строго продуманной очередности испытатели «выпрыгивали с парашютом». Но ведь мы-то не проходили такой тренировки! Да и вообще...

— Как и все «ИЛ-18», которые летают на линиях, эта машина надежна, — успокаивает нас испытатель. — Вот смотрите!

Коккинали выбирает на себя штурвал, и нос самолета все круче поднимается над горизонтом. Скорость полета падает. Когда стрелка показывает 250 километров в час, машину начинает трясти.

— Видите, какая хороша, сама предупреждает летчика об опасности, — поясняет штурман.

Металлическое тело самолета содрогается крупной частой дрожью. Сопровожаясь ей, Коккинали сидит в напряженной позе, а его большие, сильные руки спокойно лежат на штурвале.

Испытатель почти до отказа выбирает штурвал, и 60-тонная громада, словно конь, поднимается на дыбы. Скорость падает до 180 километров в час. Вибрация продолжается, самолет перестает слушаться рулей. Ощущение такое, что сейчас он опрокинется на спину и сорвется в штопор. Но нет! «ИЛ-18» валится на крыло, опускает нос и, набрав скорость, снова становится управляемым.

— Это испытание можно повторять сколько угодно раз, и самолет всегда будет вести себя точно так же, — говорят нам.

Самолет начинает снижаться, и скоро под нами появляется знакомый аэродром. «ИЛ-18» разворачивается, идет на посадку и мягко касается земли. Тут словно невидимая могучая рука ложится на нашу машину и придерживает ее стремительный бег. Это бортинженер повернул лопасти винтов так, что они, создав

Когда один двигатель выключен...

обратную тягу, начали тормозить самолет.

Небольшая пробежка — и испытательный полет закончен.

— Как видите, — говорит нам на прощание Коккинали, — для «ИЛ-18» не нужно больших аэродромов. Он отлично взлетает и садится на грунтовые аэродромы.

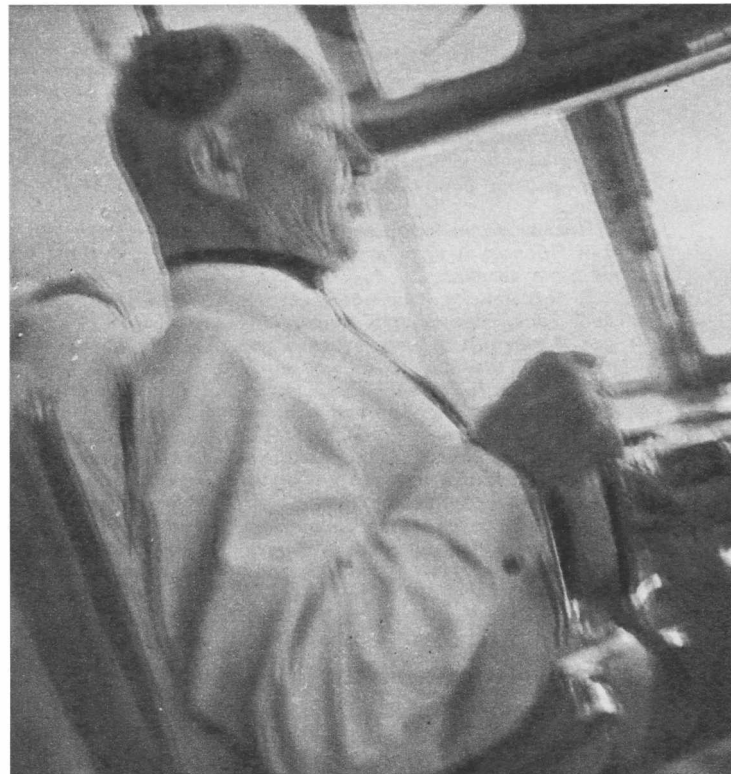
Мы воочию еще раз убедились: «ИЛ-18» — отличный самолет, безопасный и удобный.

На снимках справа сверху вниз:

Инженеры-испытатели приступили к работе.

Определяется сила шума в пассажирской кабине.

В. К. Коккинали испытывает самолет на срыв в штопор. Началась тряска...

И ПОЛЕТ

Старший мастер А. Г. Агаев.
Фото А. Федосеева.

Об этом я узнал вскоре на мурманском вокзале.

Пожилой мужчина с орденом на отвороте пиджака, поинтересовавшись, куда я держу путь и зачем, воскликнул расстроено:

— Автоматика? Дистанционное управление? В Никеле?! О каком дистанционном управлении может идти у нас речь, когда на руднике даже долотья к бурильным станкам подвозят на лошадей! Как сто лет назад!

Он со злостью пнул ногой свой чемодан, стоявший подле на полу, продолжал:

— Приедете в Никель, прочитаете на фанерной дощечке результаты «лошадиной механизации». В день моего отъезда в отпуск на дощечке красовалось: «Добыча руды (за сутки) — 67 процентов». Да что там говорить!

В голосе старого горняка звучала боль, когда он принялся рассказывать о мытарствах местных рационализаторов-энтузиастов. Они сделали для комбината многое, но не случайно экономический эффект от их труда в пять раз ниже мончегорского. «Вы не были в Мончегорске? Заверните туда, непременно. Для полноты картины... Это южнее...»

Путь на юг завершался на станции Оленья. Не так уж был далек этот юг.

От Оленьей до Мончегорска рукой подать. Час езды. Поезд состоит из паровоза, к которому прицеплен товарный вагон, сероватый от цементной пыли. По дороге вагон наполнялся старушками с плетеными корзинками. На одном из перегонов в вагон втиснулись, гомоня, рыбаки-любители. Встав кружком и разложив на полу вагона шахматную доску, они

Было это всего-навсего десять лет назад.

Цех автоматики комбината (полное его название: цех контрольно-измерительных приборов и автоматики) размещался тогда в подвале, в маленькой комнатке, без оснащения; работали «в глуши, во мраке заточенья, — задумчиво декламирует Журавлев, — без божества, без вдохновенья...». Угнетали окружавшее безразличие, пренебрежение к автоматике.

Время шло. Мастера и монтеры цеха окончили вечерний мончегорский техникум. Вскоре возникли и теплотехническая, и электротехническая лаборатории, и лаборатория наладки автоматики. Четыре года назад была создана и лаборатория электроники.

Автоматизация брала свое медленно, как полярный рассвет.

— Какие только препоны не пришлось нам преодолевать! Порой самые неожиданные. Например, мы перевели на руднике все насосы водоотлива на дистанционное управление. Осталось только включить их. Но руководитель службы, куда входит и водоотлив, распорядился спускать «злодеев-автоматчиков» с кручи, как только они появятся у шахты. А кручи в Заполярье — что твой Кавказ. «Если уберем с водоотлива рабочих, то шахты тут же зальет», — докладывал он начальству.

Пришлось пойти на хитрость. Вызвали на улицу работников, дежуривших у насосов. Когда они вышли из насосной, мы закрыли дверь на ключ. И ключ унесли. Пока работники охали-ахали, искали рудничное начальство, а те подбিরали ключи, прошло около полусуток. Насосы меж тем — мы включили автоматику — работали

мелочь, не ряпушка какая-нибудь, а красавцы суги. Да, я тоже рыбак... А кто не рыбак в Мончегорске, где у каждого под боком Имандра!

Взволнованность, горячность Карапетяна объяснялись, как я вскоре начал понимать, не только его южным темпераментом. Прежде всего одной особенностью труда на «Североникеле», благодаря чему проблемы автоматизации здесь принимаются близко к сердцу многими...

Бессмысленно, неэкономично автоматизировать печи времен заводчика Демидова. Оборудование должно быть достойно автоматов. Как же быть, скажем, с печами рудной электроплавки? Они старые. Производительность их небольшая; люди тут порой работают с противогазными «сосками» — так насыщен воздух в цехе сернистым газом. Автоматизировать старье? Нет! Вначале старые печи должны заработать по-новому...

Но когда увеличили мощность, увеличился поток сернистых газов, усилилась так называемая загазованность цеха. Газоудаление здесь стало едва ли не главной проблемой. Над местами, где выделялся газ, начали сооружать железные колпаки. Реконструировали газоотводы. И снова прибавили мощность. И выяснилось: сернистого газа в цехе даже поубавилось. Стало в полном смысле слова легче дышать...

— Вот когда Журавлеву начали помогать все! — восклицает Карапетян. — Вскоре появился в цехе кислородопровод. Кислородные баллоны больше на плечах не таскают. Подробности? Побеседуйте с главным механиком...

Григорий СВИРСКИЙ

Фото А. ГОСТЕВА.

КОМАНДИРОВКА

МАРШРУТ МЕНЯЕТСЯ

Путь мой лежал на север Кольского полуострова. Там, среди сопок, дымил рабочий поселок Никель.

После железнодорожной станции Полярный круг я не отходил от окна вагона...

В Мурманске, где поезд стоял два часа, произошло неожиданное. В обкоме партии, узнав о целях моей командировки, предложили мне... побыстрее снять вещи с поезда и ехать обратно: вначале на юг, в Мончегорск, а затем уж, если так необходимо, отправиться снова на север — в Никель. Для сравнения.

Что же стряслось в Никеле, если рекомендуют вначале отойти от него, разбежаться, как перед трудным прыжком?

принялись решать какой-то этюд. Шахматные фигурки подпрыгивали в цементной пыли. Толстяк в роговых очках поправлял их (руки были заняты рыбой) носком ботинка. Кто-то спросил меня, не на комбинат ли я еду, по какому делу. Едва я произнес слово «автоматизация», как все, оторвавшись от шахмат, произнесли почти хором: «К нам! К Журавлеву!..»

ЧЕРЕЗ БАРЬЕРЫ

Журавлев оказался начальником цеха, уже много лет подряд занимающимся автоматизацией комбината «Североникель». Подвижной, всклокоченный, в помятом костюме, он влетел в свой кабинет боком, на ходу убеждая кого-то повторить эксперимент еще раз.

И вот Журавлев рассказывает, негромко, откинувшись на спинку кресла и полускрыв глаза.

бесперебойно... — Журавлев взглянул на меня с хитровато-веселой усмешкой и добавил горделиво:

— И до сих пор действуют, экономя государству сотни тысяч рублей...

Помедлив, он принялся перечислять проблемы, над которыми работает цех автоматики, и вдруг перебил самого себя взмахом руки:

— Откровенно скажу, уснуть нашему цеху не дают. Кто? Все! Главный инженер Позняков. Директор Матюшкин. А Карапетян чего стоит!..

— Вы уже были у Журавлева? — с горячностью воскликнул главный энергетик комбината Сурен Карпович Карапетян. — Он вам рассказывал про наши дела? Верно, пора нам заняться не разрозненными проблемами автоматизации, но наступать по всему фронту. Фигурально выражаясь, нам нужны не

Главный механик комбината Генрих Максимович Ительсон встретил меня сдержанно.

— Могу ли я что-нибудь добавить вам? Да, механизмируем. Автоматизируем, — односложно отвечает он. — Да, вывоз руды вагонами был нашим узким местом, теперь мы оборудовали все шахты специальными ковшами, подающими руду на-гора, так называемыми скиповыми подъемниками. — На мгновение лицо собеседника стало удовлетворенным. Но только на одно мгновение. Он быстро перечислил еще несколько усовершенствований и, суховатый, немногословный, вдруг разговорился, так накипело у него:

— Мы значительно больше говорим об автоматизации, чем создаем условия для нее. Техническая информация скудна и нередко посвящена вчерашнему дню. Это мешает «Североникелю». Никита Сергеевич Хрущев правильно сказал на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству: «Некоторые наши ученые... иногда сами от себя засекречиваются, чтобы их мысли никто не подслушал, они вслух бояться их произносить». Это очень верно. Мы долго играли в прятки с некоторыми нашими институтами и заводами. Мы скупо сообщали им о своих достижениях. Они молчали о своих.

Игра в прятки, увы, продолжается!.. — с негодованием воскликнул главный механик. — Я долго искал, какие материалы лучше всего применить для насосов и трубопроводов. Наконец прочитал о нужном сплаве... в иностранном журнале. Заинтересовался: неужели у нас в стране никто не занимается таким сплавом? Занимается. И успешно. Но где об этом прочитать?

ДУМАЮТ ВСЕ

Сколько раз мы видели в газетах и журналах снимки горных пиков на фоне печей! Фотокорреспон-

денты охотно запечатлевают бушующие языки пламени, рвущиеся вверх, брызги расплавленного металла. Багровое или белое пламя — это эффектно.

Увы, частенько мы забываем, что языки пламени, рвущиеся вверх, брызги металла и прочие металлургические «красивости» свидетельствуют порой лишь об одном — о безнадежной отсталости технологии. Большие потери металла, тяжелый труд в невыносимой жаре — вот что таят они.

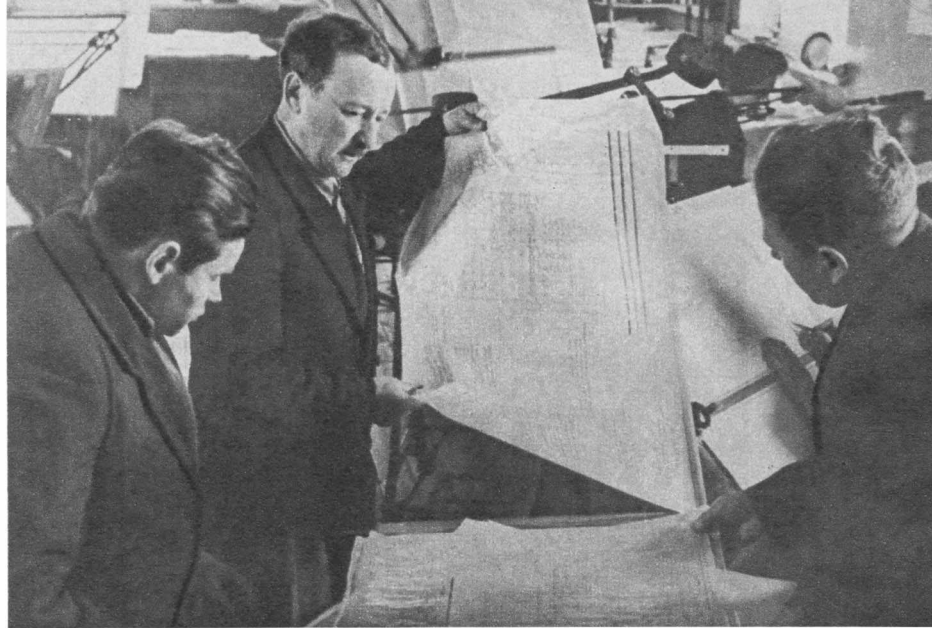
Нельзя ли в рудной плавке обойтись без огненных эффектов, милых сердцу фотографов? Такой вопрос поставил перед собой старший мастер электропечного отделения Андрей Григорьевич Агаев. Он поглядывал на печь почти с неприязнью.

Пламя рвалось через свод, прожигая его. Огнеупорный кирпич быстро сгорал, обрушивался, летел в печь, наполненную расплавленным металлом. Плавильщики, в суконных куртках и войлочных шляпах, принимались снимать электроды; из печи поднимались удушливые запахи серы; от угарного газа кружилась голова; брызги расплавленного металла попадали на спецовку, она начинала тлеть. Рабочие то и дело сбрасывали с себя куртки, войлочные шляпы, тушили тлеющий огонь. А сколько терялось металла?!

И Агаев думает: неужели нельзя увеличить прочность свода?

На комбинат «Североникель» приезжал академик Бардин. Он предложил класть своды из кирпича различного состава — динасового и хромомagneзитового. Попробовали. Срок службы сводов увеличился в два раза. Но этого мало. Вскоре стало известно, что на одном из ленинградских заводов существуют более стойкие своды.

Агаева командировали в Ленинград перенимать опыт. Увы, новый свод проработал всего лишь двое суток. Однако главный

инженер комбината В. Я. Позняков не дал погибнуть эксперименту.

В конце концов конструкция свода была значительно улучшена. Свод старой конструкции выдерживал 20 плавов, новый свод выдержал уже 400...

Теперь автоматизация не выглядела здесь яркой заплатой на ветхом рубище.

Все это я узнал главным образом от работников цеха. Старший мастер Агаев, широколицый, застенчивый осетин, был озабочен более всего тем, чтобы не выпячивать себя, он то и дело прерывал свой рассказ смятенным восклицанием: «Получится так, что будто все сделал я! Нет, не я один все это делал. Вместе, все вместе думали!..»

Я не раз вспоминал слова старшего мастера Агаева, знакомясь с делами творческих бригад комбината «Североникель», в которые входит большинство рабочих основных цехов...

Да, здесь думают все!

А ТЕПЕРЬ — В НИКЕЛЬ...

В поселок Никель я приехал в полдень. Нежаркое полярное солнце гляделось в озеро, за которым высились в розовой дымке сопки Северной Норвегии. Багровый, резавший глаза блеск озера словно бы озарял комбинат «Печенганикель», и от этого все вокруг казалось праздничным.

Острое чувство радости и печали охватило меня. Вся моя юность была связана с расстилавшейся передо мной изрытой некогда бомбами землей. В то ставшее уже давним время этот край земли назывался на фронтовых картах «районом Петсамо». Неподдалеку, в захваченном гитлеровцами незамерзающем порту Петсамо, грузилась в океанские корабли никелевая руда, которая, дойдя она до немецких портов, обернулась бы броней «тигров» и «пантер».

К Петсамо тянулись стрелки на полетных картах моих друзей — бомбардиров. О Петсамо были наши думы, думы вчерашних рабочих и студентов, по-юношески страстно мечтавших о том счастливом дне, когда никель Петсамо пойдет не на «тигры», а на жаропрочные сплавы для реактивных кораблей Циолковского...

...По сей день в пустынной Печенгской губе (бывшем Петсамо-

В конструкторском бюро рождается в чертежах новая автоматика. Слева направо: мастер по монтажу и автоматике В. Н. Горобец, начальник цеха автоматике В. И. Журавлев и старший инженер-конструктор Ю. Н. Титов.

фьорде) водолазы поднимают со дна моря покрытые зеленоватыми водорослями авиационные моторы и насквозь проржавевшие фюзеляжи. Кого уносили в воздух эти машины?.. И командир нашего полка Сыромятников, и флагштурман Скинарев, и командир эскадрильи Лапшенков стали Героями Советского Союза посмертно...

Большой кровью достались нам победы на печенгской земле; с какой же страстью и умением должны были бы здесь работать!

...Чем ближе я подходил к заводу, тем сильнее охватывало меня чувство настороженности и досады. Над комбинатом «Печенганикель» висит огромная труба, вторая в Советском Союзе по высоте, как узнал я позднее. Сероватый дымок из трубы отходит далеко. Но почему-то все вокруг — и кривые, приземистые полярные березки и жиденькие сосенки — почернело, сморщилось от сернистого газа. Приглядевшись, вижу: сернистый газ клубится над самой землей, травит вокруг все живое...

Что это? Авария? Или так здесь борются с «загазованностью» цеха?

Иду дальше. Навстречу шагают двое рабочих с противогазами на боку. Ко рту тянутся гибкие шланги от противогазовых коробок — «соски». Рабочие несут на плечах кислородные баллоны. Оказываешься, они несут кислород для конверторных установок. В Мончегорске цех автоматике, как мы знаем, давным-давно провел кислородопровод. А здесь...

Старый горняк, с которым я разговорился на мурманском вокзале, был прав. Хотя и «Печенганикель» не стоит на месте, но здесь еще нет многих усовершенствований, внедренных в Мончегорске; руководители «Печенганикеля» порой и не помышляют о том, что в Мончегорске стало явью...

...День и ночь погромыхивают между двумя комбинатами составы с обогащенной рудой. Они движутся не скоро: всем известно, что у заполярной Печенгской дороги «тяжелый профиль».

Острословы утверждают, что именно поэтому передовой опыт мончегорцев и не может пробиться к рабочим «Печенганикеля». А ведь это один экономический район!..

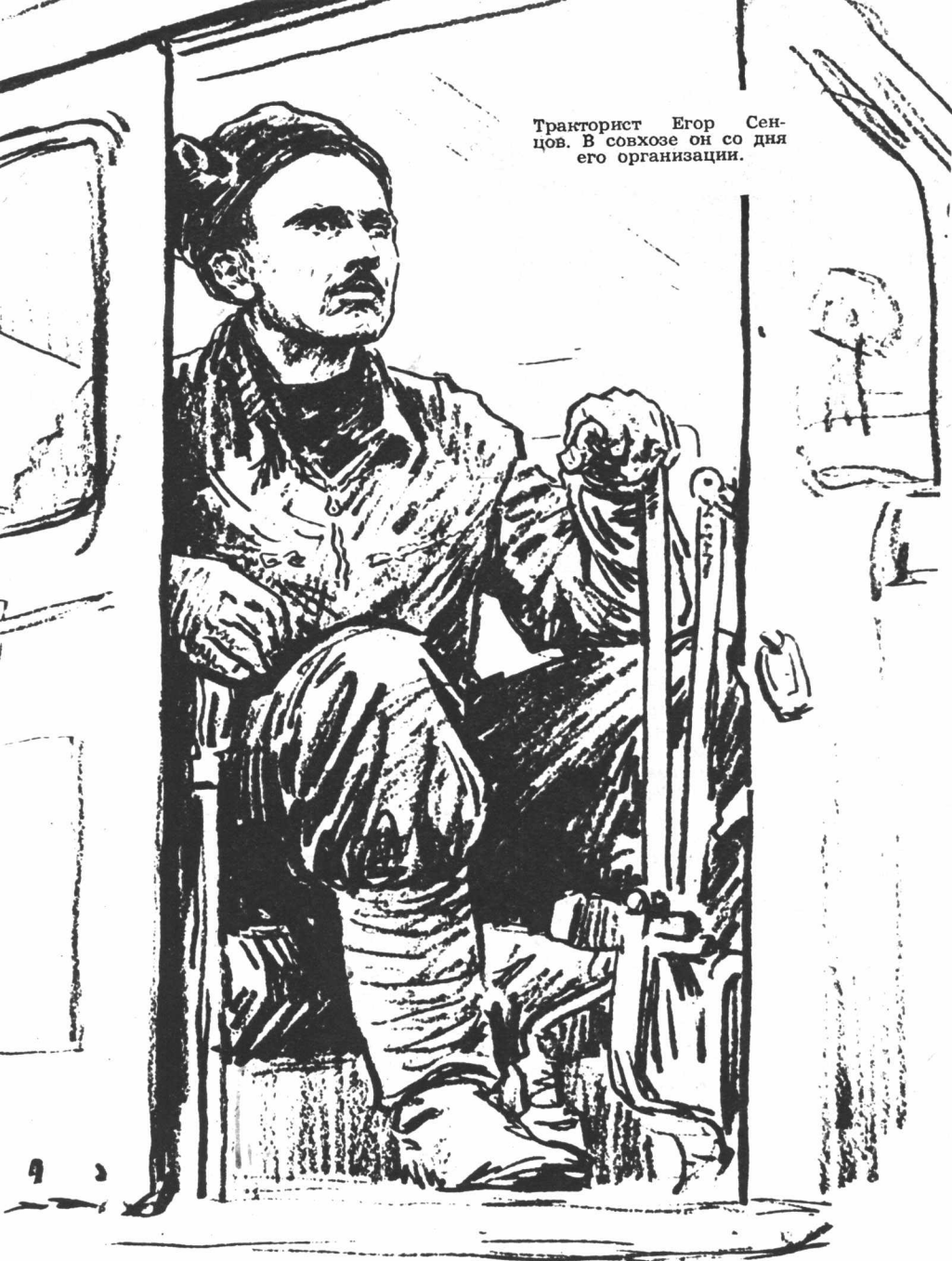
В НИКЕЛЬ

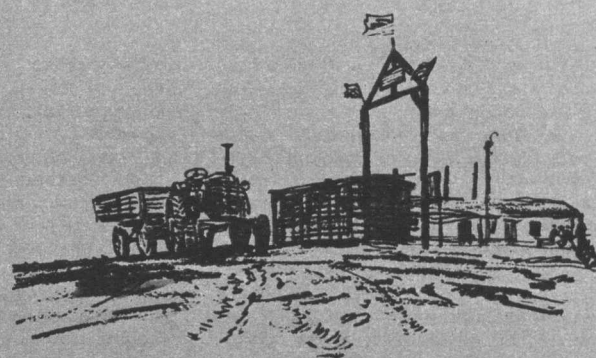
←

Технический руководитель рафинировочного цеха А. А. Попов (слева) и главный энергетик комбината «Североникель» С. К. Карапетян.

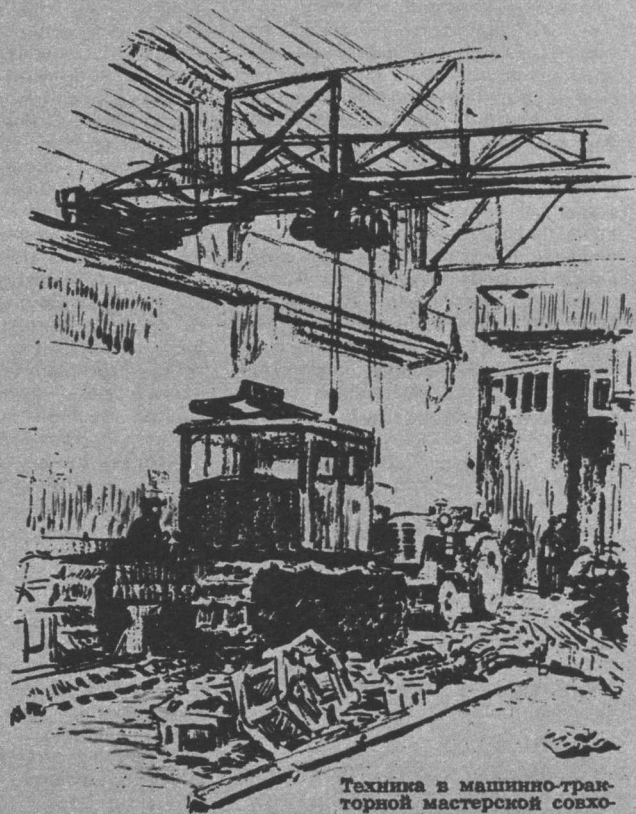

Тракторист Егор Сенцов. В совхозе он со дня его организации.

Над всеми полевыми станами реют флаги...

Техника в машинно-тракторной мастерской совхоза долго не задерживается.

ВЕСНА СКАЗАЛА: ХЛЕБ

Зарисовки художника Л. ХАЙЛОВА.

Весна в Северном Казахстане в этом году была необычной: в разгар сева начались дожди. Они лили неделю, другую. Солнцу и ветру люди радовались, как подарку. Наконец выдалась хорошая погода. Все пришло в движение. Тут уж никто не считался — его ли дело разгружать машины с зерном или заправлять горючим тракторы. Как не помочь побыстрее наполнить семенным зерном «вертолеты» — так называют здесь грузовики с небольшими транспортерами...

Степь ожила. Большой труд человека, хозяина этих мест, взбудоражил тишину ожидания, которой, казалось, были полны эти весенние степные просторы. Совсем как на море за кораблем, за тракторами и сеялками летели стаи белых чаек. А вот, вскидывая ухо, ошарашенно выскочил заяц. Глянул — и со всех ног прочь!..

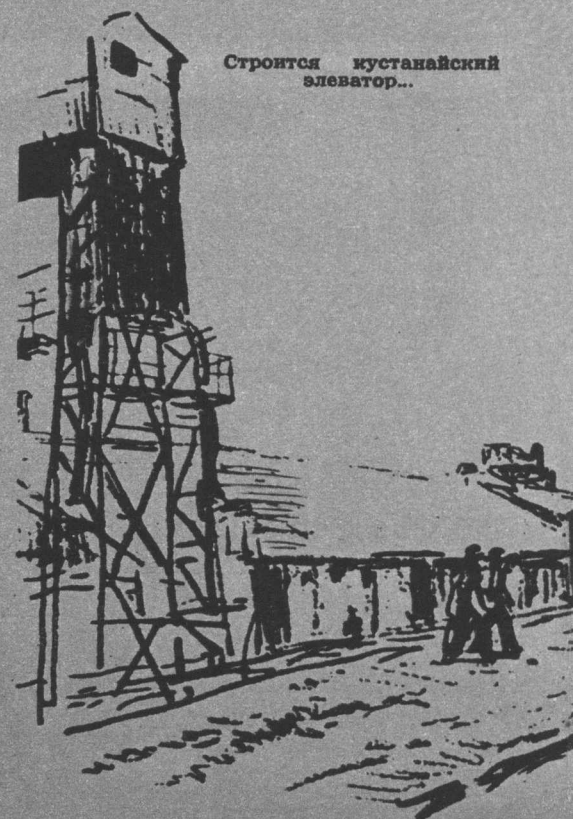
Трудятся люди: москвичи с Красной Пресни, основоположники совхоза, так и названного в их честь «Краснопресненским», девушки из Рыбинска и Ярославля, парни с Украины, местные жители — казахи и новоселы из соседней Курганской области.

По-хозяйски, на долгие годы устроились они на целинной земле. Здесь новые улицы новых домов. На пригорке стоит большое здание машинно-тракторной мастерской, рядом, у пруда — электростанция. А вот строятся Дом культуры и больница. В центре поселка разбит большой фруктовый сад. Сооружаются капитальные склады и элеватор...

Без усталы я набрасывал в свой альбом эпизоды будничных дел края поднятой целины. Я спешил, а люди меня обгоняли. Они спешили за весной.

— Ты погоди, художник, — сказал мне тракторист Егор Сенцов, — не до тебя... Управиться надо. Весна сказала: хлебу быть!..

Строится кустанайский элеватор...

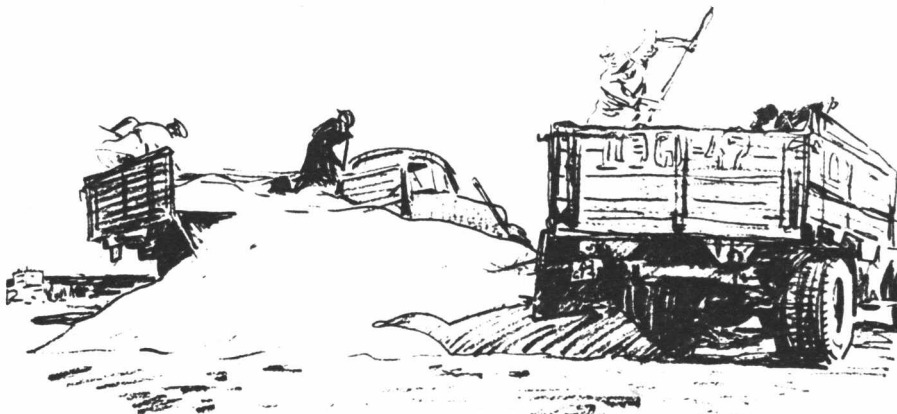
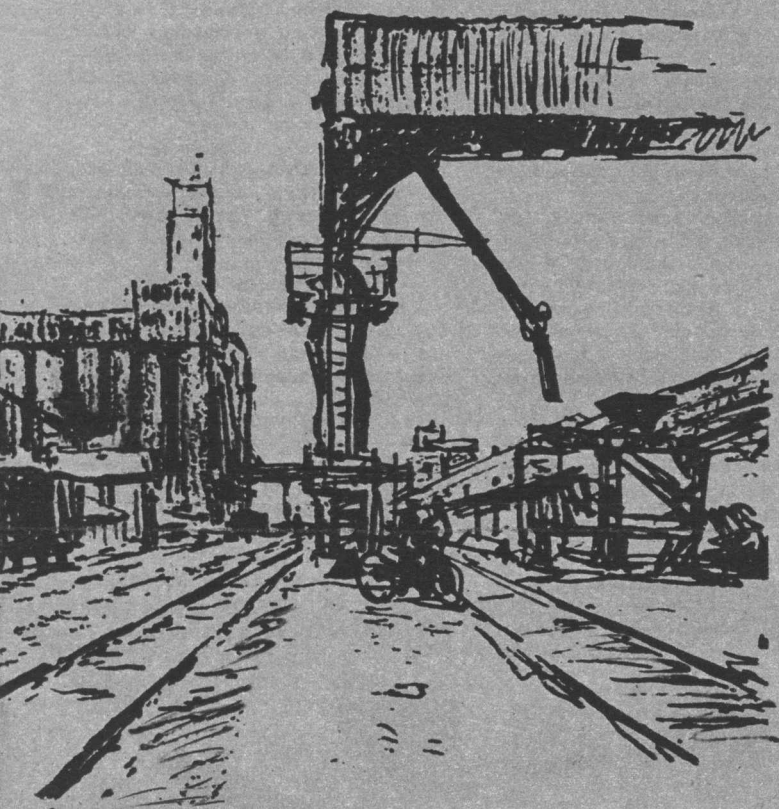

Байтурсун Есенов строил университет в Москве, а теперь трудится здесь. В совхозе еще два его брата.

Отец этого паренька, Абая Байкенова, — плотник. Хороший дом он построил для своей семьи!

У БЫТЬ...

Машины непрерывно подвозят зерно.

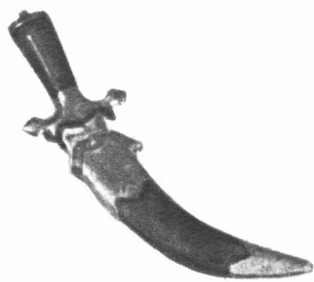

Москвич Александр Волков — один из основателей совхоза. Здесь он окончил школу механизации и получил специальность тракториста. Товарищи избрали его председателем местного комитета и депутатом поселкового Совета.

Пока не подошла очередная машина с зерном, можно и почитать...

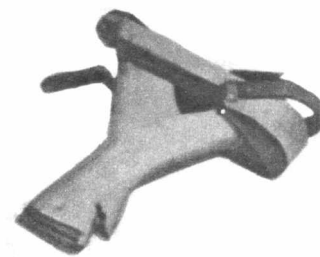

Вл. КРУПИН

РЯДОМ ГРАНИЦА

За окном тихая южная ночь. На черном небе мерцают россыпи звезд. Они кажутся большими и близкими. И чудится: если распахнуть раму, то они войдут в дом, принеся с собой прохладу и свежесть.

Но окно, у которого я сижу, не открывается. Можно только откинуть занавеску и через стекла вглядываться в молчаливую черноту ночи.

Там, за окном, граница. Стоит лишь спуститься с пригорка и пройти несколько шагов, чтобы остановиться у полосатого столба, на котором изображен Государственный герб СССР.

Застава погрузилась в глубокую тишину. Отдыхают пришедшие из наряда солдаты. Спит знаменитый следопыт старшина Демчук. Разметала во сне ручки дочь командира Надюша, спит и сам капитан Титаренко — молодой чубатый парень с открытым крестьянским лицом. Спят спокойно и крепко, потому что дозоры на чеку. Но когда раздается негромкий телефонный зуммер, Титаренко тотчас приподнимает голову. И хотя вызывают не его, а соседа, он машинально, сквозь дрему, слушает приглушенный разговором.

— Начальник заставы слушает.
— Как там у вас?
— Тишина, товарищ полковник!
— Хорошо. Желаю спокойной ночи...

Это обычное, стертое от повседневного употребления пожелание кажется в устах начальника погранотряда преисполненным теплоты и особого смысла. И опять наступает молчание.

Но бывает и так... Хлопнул выстрел ракетницы, в небо взметнулся желтый шипящий клубок пламени, разорвав на мгновение тьму.

— Боевая тревога!
И отпрянула прочь тишина, смятая солдатскими сапогами, растоптанная копытами горячих скакунов. Застава поднялась в ружье.

Враг перешел границу!
Это был не случайный нарушитель и не тайный лазутчик, пробиравшийся к нам в тыл. Дело обстояло серьезнее...

Весной на заставу прибыло пополнение. В тот же день раздался звонок из отряда. Полковник попросил к телефону Демчука.

— У меня к вам личная просьба, Василий Никитич! Есть там один парень среди новеньких, разболтанный очень и какой-то равнодушный. Я его к вам специально «на поправку» посылаю. Сделайте из него человека.

— Постараюсь, товарищ полковник!

— Ну, действуйте!
И Демчук начал действовать. За семнадцать лет службы на границе ему не раз посылали на выучку недисциплинированных и упрямых. И, кажется, ни разу осечки

не было. Живя на заставе, я долго присматривался к Демчуку, чтобы понять, чем он берет человека.

Потом понял: дело в нем самом. В его непререкаемом авторитете, в личном обаянии. Когда молодой солдат попадал на заставу, он уже знал, что здесь служит «тот самый» Демчук, который задержал многие десятки нарушителей государственной границы, что у него одних благодарностей командования чуть не сотня, не считая почетных грамот, медалей и иных наград. Да, такой человек — это не просто твой командир и старший товарищ, это легенда. И ему нельзя не поверить, нельзя ослушаться. И хотя при первой встрече оказывалось, что старшина Василий Демчук — далеко не Илья Муромец по внешнему виду, ожидание все же не сменялось разочарованием. Было в этом невысоком — чтобы не сказать маленьком — и хрупком человеке, в цепком взгляде его серых глаз и улыбке что-то сильное, стремительное, лихое, я бы сказал, чапаевское, и это отличало его от других и неудержимо рождало симпатию.

Одним словом, когда очередной ученик Демчука рядовой Смирнов очутился перед старшиной, ему почему-то стало неловко своих нечищенных сапог.

— Газеты читаете? — неожиданно спросил старшина.

— Слушается.
Смирнов недоумевал. Он ожидал выволочки за неопрятность, за плохую выправку, запаса было уже терпением для того, чтобы выслушать длинную и нудную нотацию, а тут...

— Товарищ старшина! А почему вы меня про газеты спросили? Тот улыбнулся, но ответил серьезно:

— Потому что главное в нашем деле — идейность, политическая сознательность. Вы читали последний номер «Правды»? Что вы нашли в нем важного лично для себя? Ничего особенного? Напрасно. Вот очень важное сообщение, которое касается и вас.

Смирнов прочитал небольшую информацию, обведенную красным карандашом. В ней сообщалось, что соседнее государство, лежащее по ту сторону границы, заключило военный союз с заокеанской державой.

— Теперь смекаете? — продолжал Демчук. — Это значит, что на каждого из нас ложится особая ответственность. Кто знает, что взбредет в голову этим господам!

Как-то старшина спросил у Смирнова, смотревшего на чужую сторону:

— Интересуетесь, как живут при капитализме? Ну, и что там новенького?

— Ничего особенного не происходит, товарищ старшина. Служба

идет, как всегда. Правда, час назад приехала легковая машина. Но она здесь появляется часто.

— А кто в ней приехал?
— Два офицера. Одного я и раньше видел, а второй вроде бы незнакомый. Роста небольшого.

— На цвет лица внимания не обратили?

— Смуглый. А что?
— Это очень важно. По цвету лица можно, скажем, определить, местный это человек или откуда-нибудь издалека. Пограничник должен воспитывать в себе наблюдательность. Ясно?

— Ясно.
Немного позже Смирнов явился к Демчуку:

— Уехал он, товарищ старшина!

— Кто?
— Да этот, маленький... А когда машина выезжала с заставы, он снял фуражку и волосы причесал.

— Ну и что?
— Русский он, вот что! А соседи ведь все черноволосые.

— Молодец, сынок! Главное приметил. Не иначе заморская птица залетела в наши края.

«Маленький» был не один. Иностранцы военные инструкторы все чаще и чаще наведывались на сопредельные посты. Несмотря на то, что они переодевались в пограничную форму соседней державы, их выдавала манера держаться. Появлялись они и на других участках границы. Потом раз-гох исчезли.

И шла пограничная служба своим чередом. Наряды, занятия, отдых. И, конечно, подготовка во всех ее видах. Огневая, строевая, политическая, физическая...

Однажды ночью старшина про-вожал наряды в дозор.

— Сержант Кублицкий и рядовой Смирнов! Вам надлежит заступить на охрану государственной границы. Старшим наряда назначается сержант Кублицкий. Следуйте по установленной дороге. Охранять будете участок от балки до арыка. Возвращение тем же маршрутом. Вопросы есть? Нет? Тогда у меня есть. На какое расстояние может углубиться современный самолет за четыре минуты?

— На восемьдесят километров.
— Правильно. Отсюда вывод: не забывайте слушать воздух. И вот что еще. Помните: участок, который вам доверяется охранять, сильно вдается в сопредельную территорию. Мой совет: тщательно наблюдайте за флангами и тылом. Выполняйте задание!

Ночная мгла поглотила пограничников со сторожевой собакой. Дойдя до места, Смирнов зажег фонарь и осторожно высветил землю под ногами.

— Отставить! — сердито зашипел на него Кублицкий. — Ты что, обнаружить нас хочешь?

— Есть отставить, товарищ командир! Только мне совсем не-

охота улесть на какую-нибудь кобру или скорпиона.

— Ложись!

И они стали молча устраиваться. Ночь выдалась беспокойная и ненастная. Скоро поднялась пыльная буря. Сквозь пошвист ветра и шелест песка, хлеставшего по маскхатам, послышался сильный треск в камышах.

— Что это?
Смирнов откинул капюшон, в который закутался от колючих порывов бури.

— Кабаны. Прошли в нашу сторону.

— А не человек?

— Человек так трещать не станет, и земля под ним не сотрясается.

Через час треск повторился. Теперь уже с правого фланга. Начался дождь. Он словно смыл, прибил к земле вихревые стаи песчинок. Стало тише. В тишине этой особенно громким показался хруст камыша, который возник где-то на той стороне, стремительно навалившись на солдат, прошел стороной и исчез там, за спинами.

— Не нравится мне этот шум, — пробормотал Кублицкий.

— Так ведь это кабаны!

— Кабаны тоже зря бегать не станут. В такую пору они отлеживаются где-нибудь. Мне Демчук говорил. По-моему, их кто-то спугнул на той стороне.

Небо слегка прояснилось. Сержант прильнул к биноклю. В туманном кольце, вырванном окулярами из сумрака ночи, с большим трудом можно было различить край, где сходится небо с землей. На миг почудилось, что край этот дрогнул, словно там, впереди, раздвинулись камыши. Вздрыгнула рядом и собака. Кублицкому померещилось даже, что он слышал шорох.

Впереди хрустнула ветка. Кублицкий напряг зрение. Сомнений быть не могло: в камышах кто-то полз. Сзади — и слева и справа — тоже неспокойно. Джугльбарс забеспокоился и весь напрягся, готовый рвануться вперед.

— Окружают, сволочи...

И вот впереди выросла тень, другая, третья... Они побежали прямо на наряд. Гортанный крик команды — справа и слева тоже затрещали кусты.

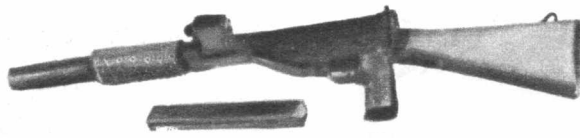
— Стой, стрелять буду!

Кублицкий положил палец на спусковой крючок, целясь в бегущего налетчика. И, уже не слыша своего голоса, нажал спуск:

— Огонь!

Тень остановилась, взмахнула руками и повернулась в обратную сторону. Она сделала несколько прыжков и вдруг рухнула на землю. Второй нарушитель тоже упал, но вновь поднялся и исчез в камышах за арыком.

А с заставы уже подоспела кавалерийская группа. Спешились, залегли:

— Ну, в чем тут дело? Целы?
Молодцы, сынки!

— Там убитый есть, товарищ
старшина!

— Где?

— Полсотни шагов.

— Надо немедленно осмотреть.
Демчук двинулся вперед с двумя пограничниками.

Убитый — это был унтер-офицер — лежал лицом вверх. В нескольких шагах от границы. На чужой для него земле.

— Плащ-палатки снять! —
скомандовал Демчук. — Все следы убитого, брызги крови на кустах прикрыть и обвязать, чтобы дождем не смыло. Провокация только началась.

...Но из нее так ничего и не
вышло.

Не удалось провокаторам утащить на свою сторону труп убитого унтера, хотя отец его — крупный помещик — обещал за это десять тысяч золотом.

Несмотря на хитрости и увертки, закордонным властям пришлось признать, что на советскую территорию был совершен налет.

А еще немного дней спустя молодой солдат снова окликнул старшину Демчука:

— Смотрите, товарищ старшина! «Маленький»-то в новой форме разгуливает.

Демчук взял бинокль. «Маленький», одетый уже в форму майора заморской державы, расспрашивал о чем-то одного из стражников. Вдруг он взмахнул перчаткой, которую держал в руке, и ударил солдата по лицу.

— Измывается, гад! Ничего не получилось, вот и срывает злобу на простом человеке.

— А что им все-таки нужно было, товарищ командир?

— Прощупать нашу бдительность хотели.

...За окном тихая южная ночь. Сладко спит дочь командира Надюша. Улыбается во сне старшина Демчук — наверное, ему снится, как он собирает урожай арбузов с бахчи, засеянной им недалеко от заставы. Отдыхают от службы и молодые солдаты и старослужащие. И хотя в нескольких шагах граница, они спят спокойно и крепко, потому что дозоры начеку.

Старшина В. Н. Демчук.

По следу.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

16

На рассвете приехала санитарная машина, на которой увезли труп. Его оставят в подворотне одного из домов на главной улице города с приколотой бумажкой: «Судьба фашистского провокатора». Когда труп обнаружат, эта бумажка скажет кому следует все, и в Берлине карточка еще одного агента будет переставлена в раздел «Потеряны».

Затем покинули дом мы. Врач сюда уже не вернется.

Около полудня я зашел в свой отель. Дежурил тот же портень, который меня регистриро-

Незаметно для себя я подошел к комиссионному магазину, хозяин которого назначил мне свидание в час закрытия торговли. Я вообще не думал к нему заходить, хотел те полтора часа, которые оставались до прощальной явки, просто побродить по городу, но чисто автоматически пришел сюда. Остановился перед витриной и вдруг вижу: за стеклом хозяин магазина делает мне знаки. Теперь уже нельзя было уходить.

Хозяин выбежал из ворот.

— Здравствуй! Я думал, вы уже не придете.

Он повел меня в магазин черным ходом, через двор, но мы пришли не в ту комнатку, где я беседовал с ним первый раз, а поднялись по лестнице в квартиру хозяина. Это была довольно богато, хотя и безвкусно обставленная квартира из нескольких комнат. Хозяин ввел меня в гостиную, и я увидел сидевшего в кресле гестаповца в полной форме и даже с железным крестом на шее.

Сердце замерло, в ногах появилась противная слабость, мысль заметалась, как мышшь.

— Ну, видите, господин полковник, я был прав. Он все-таки пришел, — подобострастно смотря на гестаповца, сказал хозяин.

— Добрый вечер! — небрежно обронил полковник и встал.

— Добрый вечер! — отозвался я осевшим голосом.

Полковник засмеялся:

— Вы, я вижу, удивлены? Ничего, ничего, надо знать, что и в гестапо бывают деловые люди, которые занимаются не только своим прямым неприятным делом. Давайте сядем вот здесь.

Я сел на краешек стула и непроизвольно нащупал локтем в кармане брюк пистолет. Хозяин магазина сел на диван чуть в сторонке от нас.

— С кем имею честь? — Полковник смотрел на меня открыто насмешливо.

— Карл Мотмиллер из Дельменхорста, коммерсант, — отрекомендовался я.

Полковник покачал головой:

— Любопытно, почему вы в вашем возрасте не в армии рейха?

— У меня плохое сердце, и я единственный мужчина в семье, веду дела фирмы.

— А что с сердцем-то? — как-то просто спросил он.

— Органический порок, с детства.

— О-о! — Полковник сочувственно посмотрел на меня. — Я думал, у вас болезнь времени — атеросклероз, тогда я мог бы вам помочь. Мне друзья из Франции присылают прекрасное лекарство... — Полковник помолчал и спросил: — Как сложились здесь ваши дела?

— Плохо. Пустая трата денег на поездку.

— Коммерсантам надо поддерживать кон-

— Да, именно.

— Речь идет не об одном кольце или браслете? — Полковник пытливо вглядывался в меня.

— И не о двух, — улыбнулся я.

После долгой паузы полковник спросил:

— Какая валюта?

— Самая надежная — рейхсмарки.

Полковник повел головой.

— А других предложений на этот счет не последует?

Я сделал вид, что не понимаю, о чем он говорит, но полковник тут же пояснил:

— Меня бы устроили английские фунты.

— Валюта врагов? — почти возмутился я.

Полковник поморщился:

— Коммерция, я слышал, находится вне политики.

Теперь долго молчал я. Потом спросил:

— Размер сделки?

— Крупный, — мгновенно последовал ответ.

— А все же?

— Ну... одного золота, например, килограмма три.

— А камни?

— Один — уникум, десяток — средней величины и мелочь.

Мы оба долго молчали.

— Вы, полковник, надеюсь, понимаете, — сказал я, — что у себя, в Дельменхорсте, я не печатаю английских фунтов и что в поездку беру с собой валюту той страны, в которой я живу. — Он понимающе кивнул головой. — И затем, прямо признаюсь вам, масштабы сделки меня несколько пугают. Я коммерсант меньших масштабов.

Я заметил, как сразу увяло лицо полковника.

— Но в Ганновере у меня есть коллега, а у него есть сбережения в валюте, которая вас интересует. Разрешите ли вы мне связаться с ним хотя бы по телефону?

— Связывайтесь, но, конечно, без объяснений, с кем вы вступаете в сделку.

— Но при полной гарантии с вашей стороны, — подхватил я, — что мой ганноверский коллега останется в полной безопасности в связи с характером валюты.

— Полная гарантия! — Полковник, улыбаясь, махнул рукой.

— Тогда я прошу дать мне два дня на улаживание этого вопроса.

— В субботу я вас жду здесь же, в это же время. — Полковник встал, поклонился мне и хозяину магазина и ушел. Хозяин магазина побежал его провожать.

— Это — верное дело! — вернувшись, сказал хозяин.

— Гестапо есть гестапо, — подмигнул я ему. — Вы-то, конечно, не рискуете ничем, а кто поручится, что этот полковник не упрямлет потом в Моабит и меня и моего ганноверского коллегу?

— Не допускаю, — горячо возразил хозяин. — Он уже давно вьется возле меня, и небольшие дела я с ним уже провел. Поверьте моему чутью, он человек, у которого есть товар и который хочет сделать надежный гешефт. Больше ни о чем он не думает.

— Хорошо. Я сегодня же свяжусь с Ганновером. Если все будет в порядке, я приду к вам завтра. Пожелаем друг другу удачи. — Я пожал руку хозяину магазина и, сопровождаемый им, вышел на улицу.

С товарищем Петером я встретился в совершенно новом месте — в фешенебельной квартире в самом центре города.

Он сообщил, что Ивана Ивановича схватили случайно, он оказался в зоне облавы. Я рас-

вал. Я сказал ему, что буду в Вильнюсе еще один день, и спросил, нужно ли отмечаться в полиции. Получил благосклонное разрешение не ходить.

Победив в скромном ресторанчике отеля, я поднялся в свой номер. Не раздеваясь, прилег на постель, думая полежать часок.

Проснулся внезапно. На часах половина шестого. Быстро умылся, привел себя в порядок, взял чемоданчик и спустился к портень. Прошу его получить с меня за номер по завтрашней день включительно, но предупреждаю его, что если я успею закончить дела до поезда, я сегодня же уеду домой, в Германию.

Идя по улице, я думал все о том же: неужели Иван Иванович в гестапо?

такт с гестапо, и тогда у вас не будет таких промахов... — Полковник засмеялся. — Но перейдем к делу. Что вас интересует?

— Все, что имеет подлинную ценность...

Я был уже совершенно спокоен и начал сложную игру, конца которой я, однако, не видел. В этой игре была только одна, внезапно возникшая цель: а что если этот гестаповец поможет узнать об Иване Ивановиче? Но как это может произойти, об этом я пока не знал. Главное, о чем я сейчас думал, — вовлечь полковника в большую игру. Ведь не кто иной, как Иван Иванович, рассказывал, что гестаповцы падки на крупную наживу.

— Золото? Драгоценные камни? Так я вас понимаю? — деловито спросил полковник.

Он сделал все, что мог

Кемаль Ататюрк.

ВСПОМИНАЯ ВСТРЕЧИ С АТАТЮРКОМ

С. АРАЛОВ

Недавно, сидя вечером у своего радиоприемника, я слушал отчет о пресс-конференции Н. С. Хрущева 3 июня в Кремле. Отвечая на вопрос одного из корреспондентов, Никита Сергеевич коснулся политики нашего южного соседа — Турции:

«...премьер-министр генерал Гюрсель заявил, что будет руководствоваться политикой Ататюрка, с которым еще при жизни Ленина у нашей страны сложились хорошие отношения».

Вот о том, как начали складываться эти отношения около сорока лет назад, мне и хочется рассказать читателям «Огонька».

В декабре 1921 года я выехал в Турцию в качестве посла по личному заданию Ленина.

Прошло почти четыре десятилетия, но они не стерли

из моей памяти прощального разговора с Владимиром Ильичем в его кабинете, куда я был вызван вместе с тогдашним наркомом иностранных дел Георгием Васильевичем Чичериным.

Владимир Ильич сказал, что мы сами бедны, но должны помочь Турции. Кем были восточные народы, да и мы сами перед империалистическими хищниками? Овечками. Но этим волкам первые мы вырвали клыки. Примером нашим заразились да еще заразятся многие. Это архиважно. Ленин добавил, что его главный совет: уважать турецкий народ, не вмешиваться в его внутренние дела, что моя обязанность — разъяснить туркам нашу позицию в отличие от империалистической. Помощь окажем, как братьям. Владимир Ильич высказал также пожелание:

не сидеть за крепкими стенами посольства, как это было присуще царским послам, общаться с народом, с его общественными деятелями, учиться турецкому языку. — Слышал, едете с семьей? Пусть ваши сыновья посещают турецкую школу.

Ильич улыбнулся, и в то утро в последний раз я почувствовал тепло его руки. Больше увидеть Ленина не довелось...

В Ризе и Трапезунде нас встречали с почетом не только мутесарриф (губернатор), но и народ. Палубу нашего колесного парохода устилали цветы и фрукты, которые население бросало с лодок и пристаней. А когда мы ехали по улице, неумолчный шум приветствий висел над нами.

В Самсуне я встретился с Михаилом Васильевичем

Фрунзе, возвращавшимся из Ангоры (как тогда называлась Анкара). Михаил Васильевич много рассказал мне о выдающихся личных качествах Мустафы Кемалю, как государственного деятеля, и добавил:

— Надо помочь туркам нашим опытом.

Народ назвал Кемалю Ататюрком — отцом турок.

Сердечность и товарищеская близость — только этими словами могу охарактеризовать отношение к работникам полпредства (в ту пору так именовалось посольство) со стороны руководителей новой Турции.

Только на официальных больших приемах Кемаль именовав меня господином — эфенди, а в узком кругу звал Сулейманом Ивановичем, переименовав на свой лад мое имя Семен, или просто товарищем.

сказал товарищу Петеру о встрече с полковником гестапо и спросил, нельзя ли попробовать использовать полковника для спасения Ивана Ивановича.

Петер попросил меня описать внешность гестаповца. Я сделал это с максимальной обстоятельностью.

— Кто же это может быть? — сморщив лоб, задумчиво сказал товарищ Петер. — В вильнюсском гестапо четыре полковника, но ни к одному из них эти приметы не подходят. Может случиться, что ваш полковник не имеет никакого отношения к местным гестаповцам. Нет, я категорически против этой затеи. Если хотите, я запрошу Москву. На это уйдет минимум два дня. Но вы еще сегодня, как предусмотрено планом, уйдете на хутор и пробудете там, пока придет ответ из Москвы. Если ответ будет положительный, вы вернетесь в город.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним. В конце концов товарищ Петер для меня являлся здесь начальником.

Итак, за пятнадцать минут до наступления комендантского часа я должен буду прийти в условленное место, откуда меня выведут за пределы города. В моем распоряжении оставалось около часа.

Я вернулся в отель. Прилег на кровать, чтобы хоть немного отойти. Вдруг без стука раскрывается дверь, и в комнату входит полковник гестапо.

— Извините, господин Мотмиллер. Но я услышал, что в кабаке вашего отеля есть чешское пиво, и решил распить с вами бутылочку-другую. Пойдемте...

— С удовольствием, но не могу. Сейчас мне должны как раз звонить из Ганновера. Дело прежде всего. Если хотите, попозже, часа через полтора.

— О, мы поступим иначе! — весело сказал полковник. — Мы закажем пиво сюда и соединим приятное с полезным.

— Да, но... Мне бы не хотелось... у нас, дельцов, есть своя конфиденция.

— Как вам не стыдно, Мотмиллер! Полковник гестапо дал вам полную гарантию тайны сделки, а вы бормочете о конфиденции.

Я все понимал. Он пришел проверить мою персону, и теперь он уже ни за что не откажется от возможности послушать, как я буду оговаривать с Ганновером нашу сделку. Это

давало ему возможность проверить и солидность предприятия, в которое он ввязался.

Официант принес пиво. Мы выпили по кружке за победу великой Германии.

— Во сколько у вас разговор с Ганновером? — спросил полковник.

Я посмотрел на часы, лихорадочно обдумывая ответ.

— В течение ближайших тридцати — сорока минут. Так мы договорились два часа назад.

— Вы заказали разговор?

— Нет, коллега будет звонить из Ганновера сам.

— Думаете, я не знаю, о чем будет разговор? О той валюте. Ой, не делайте такие страшные глаза! Неужели вы думаете, что мы не знаем, в каком ходу сейчас у вашего брата эта валюта? Мы даже знаем, как вы ее называете с далеко идущим намеком. Вы называете ее валютой любого варианта.

— Первый раз слышу, — пробормотал я.

— Врете! — отрезал полковник.

Когда все пиво было выпито, полковник показал на телефон.

— Ну, где же ваш Ганновер?

— Может случиться, что коллега и не позвонит. Помешали дела.

Полковник круто повернулся ко мне:

— Кто должен звонить?

— Я же сказал, коллега.

— Точно, кто?

Этот вопрос был задан уже так, что на него не отвечать было нельзя.

— Оскар Шранке. Ювелирная фирма. Так или иначе, он позвонит обязательно. Не сегодня, так завтра. Ведь я же просил у вас на улаживание дела два дня. Наконец, он мог просто не получить провод.

Полковник на мгновение задумался, встал, решительно подошел к телефону и набрал какой-то номер.

— Здесь Цехмайер. Позвоните сейчас же нашему дежурному в Ганновер, от моего имени попросите его срочно разыскать там коммерсанта Оскара Шранке и соедините его с Вильнюсом, отель «Палас», номер сто пять. — Полковник положил трубку и снова сел в кресло. — Так-то будет надежней.

«Ну вот и свершилось!» — подумал я. — Я сам всунул голову в петлю.

Я стал подсчитывать, каким временем я те-

перь располагаю. Из Вильнюса звонят в Ганновер через Берлин. На это даже при всей власти гестапо уйдет не меньше десяти минут. Столько же, а может, и больше понадобится гестапо Ганновера, чтобы убедиться, что никакого Оскара Шранке в городе нет. И тогда еще десять минут, пока Ганновер через Берлин дозвонится в Вильнюс. Словом, я имею право рассчитывать на тридцать минут. Но самое страшное — через пять минут меня будет ждать проводник, а от гостиницы до этого места пять — семь минут самой быстрой ходьбы. Словом, на встречу я уже не успеваю.

Резкий телефонный звонок. Оттолкнув руку полковника, я схватил телефонную трубку.

— Алло! Говорит дежурный гестапо Ганновера! — кричал в трубке далекий гортанный голос.

— Да, я у телефона. Слушаю.

— Кто у телефона? — спрашивал далекий голос. — Полковник Цехмайер?

Дальше я уже не вслушивался в то, что говорил тот далекий голос, ибо в это мгновение я уже принял решение. Не слушая того, что звучало в трубке, я делал вид, что говорю со Шранке.

— Одну минуточку, Оскар, ищущий карандаш. — Полковник пальцем показал на лежащую на столе его вечную ручку. Но я, будто не видя этого, опустил руку в правый карман пиджака, схватил пистолет и, не вынимая его из кармана, сделал два выстрела в полковника. Он взмахнул руками и осел в кресле.

Тишина. Встревоженные голоса в коридоре. Потом кто-то успокаивающе сказал:

— Что-то упало.

Тишина.

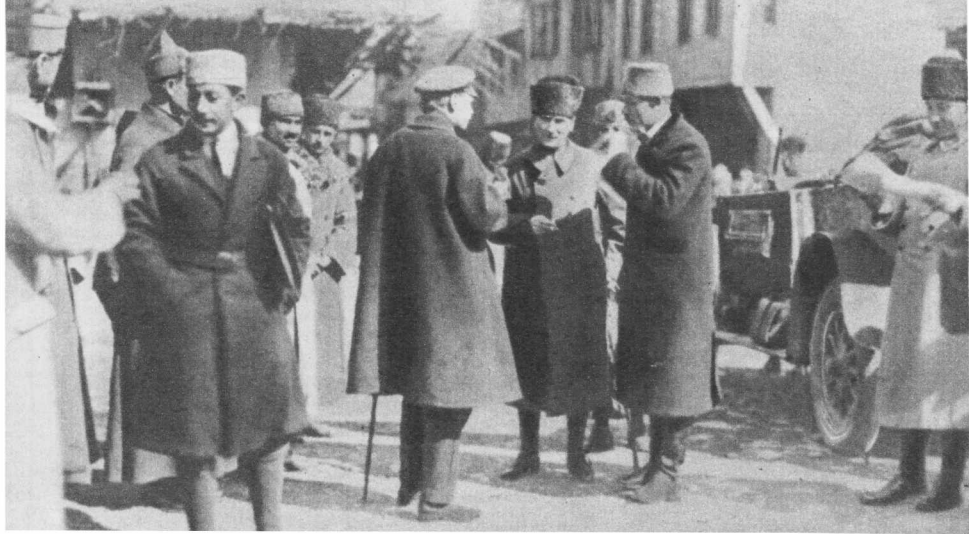
Я засунул чемодан под кровать, хватил мне таскаться с ним, набитым фальшивыми рейхсмарками.

Я покинул отель без каких-либо осложнений. А минут через двадцать я уже был на окраине города, там, где начиналось шоссе, ведущее в Каунас.

Останавливаю почтовый автофургон. Короткий, деловой разговор с шофером и почтовым чиновником заканчивается тем, что в их карманы переходят две сотни марок, а я сажусь в фургон.

Примерно в трех-четырех километрах от Каунаса я покинул своих спасителей и пошел

Не раз утверждал Мустафа Кемаль, что арабские страны должны получить самостоятельность, что Турция никогда не будет служить в этом помехой.

Однажды на даче полпредства Кемаль увидел разгуливающего по саду огромного орла, который не мог взлететь из-за подбитого крыла. Птицу преподнес нам охотник из Инеболи. Кемаль сказал тогда:

— Царь птиц — орел, а не парить ему больше. Молодец охотник! Каков же героизм многих тысяч и тысяч ваших людей, которые сбили, казалось бы, с недостижимых высот двуглавого орла, свергли царскую власть в России! Мы, турки, последовали вашему примеру и скинули султана. Борьба, которую вы и мы ведем с империалистами, роднит нас. С нетерпением жду я

включения в эту борьбу арабов...

Наш народ, — продолжал Кемаль, — воспитан на пословицах, или, как их называют, «аталар сёзю» — слова отцов. Октябрьская революция зачеркнула такую русскую пословицу, как «Незваный гость хуже татарина». А мы выбросили на свалку истории пословицу: «Среди гяуров у нас не может быть друзей». Арабы, борющиеся за независимость, — братья наши, так же как русские, советские люди, которых ни один турок теперь не называет гяуром.

— У нас воюет верблюдолю, — как-то говорил мне Гази! — Лошадей ничтожно мало. У многих аскеров?

1 Победитель — почетное звание, присвоенное Кемалю Меджлисом.
2 Солдаты.

можно встретить охотничьи ружья. А армия интервентов отлично снабжена и экипирована теми, кто мечтает снова установить над нами господство. Мы просим Ленина помочь нам. Наша конечная цель, как и ваша: мир!

В Трапезунде и других портах вскоре стали выгружаться прибывшие из России суда — это была помощь, которую просил Кемаль для борьбы за независимость Турции. По поручению Владимира Ильича я передал ему золото. Кемаль вскрыл один из ящичков, вытащил слиток, который заискрился и заиграл солнечными бликами.

— Это большое богатство для нас, — сказал он в присутствии всех. — Но сердце русского человека на много дороже. Его привязанность не купить. Ленин считает, что мы заслужили эту при-

вязанность. Великое спасибо ему за это.

Рабочие, ремесленники, крестьяне, купцы и чиновники, которых я встречал в городах, в селах и на дорогах, солдаты на фронте, — все выражали удовлетворение дружбой наших народов. Они присылали подарки, иногда совсем простые, но от всей души.

У меня сохранилось немало фотографий того периода. Вот митинг на фронте. Кемаль дал мне слово для выступления, представив аскерам как посла самой дружественной страны. На другом снимке — Кемаль-паша на улицах города Конии. Среди фотографий нахожу и почтовую открытку, выпущенную в Турции в начале двадцатых годов. На ней изображен британский лев, пытающийся сбросить с обрыва турецкое знамя.

А вот фотография мальчика, выступающего перед Меджлисом на митинге после разгрома турецкой армией иноземных захватчиков и освобождения древнего города Измира. Я хорошо помню, как на этом митинге выступил мальчик в белой шапочке, лет двенадцатилетний, не больше. Он клялся, что его поколение пойдет дорогой отцов, не петляющей и единственно верной, которую проложил великий Гази.

До сих пор я храню портрет Кемаль с его автографом и восточного орнамента ковер, подаренный им. Он тогда сказал:

— Узлам наших ковров не развязаться. Им подобна и дружба наших соседних народов. Кому под силу разединить нас?

Эти слова Ататюрка до сих пор звучат в моих ушах.

полями, рассчитывая выйти на какое-нибудь другое шоссе, тоже ведущее в Каунас.

На шоссе я вышел на рассвете. Впереди, метрах в двухстах, на обочине стояла группа штатских людей. Я сообразил, что они ждут пригородного автобуса. Подошел к ним и тоже стал ждать. Минут через тридцать показался автобус. Он остановился, нетерпеливо рыча уставшим мотором. Я сел на крайнее место у задней двери. На виду у меня были все пассажиры, и в случае чего я мог быстро выскочить через заднюю дверь.

На окраине города я вышел. Я чувствовал себя довольно спокойно. В конце концов имевшиеся у меня документы на имя коммерсанта были в полном порядке, а до солдата из какого-нибудь случайного патруля слухи о моих похождениях в Вильнюсе дойти еще не могли. Наконец, я был уверен, что там, куда я иду, меня ждет надежный приют.

Да, это решение я принял еще в Вильнюсе — я шел прямо к Маритэ.

Встретили меня очень хорошо, особенно Маритэ. Все получилось очень удачно. Было так рано, что никто посторонний моего появления не заметил. Но спустя некоторое время возникли первые сложности. Я ведь не мог сказать ни Маритэ, ни ее отцу и брату, кто я и что я делаю и откуда я свалился на их голову. Надо признаться, что об этом я своевременно не подумал и потому рассказал тут же придуманную версию. Я заметил, что отец и брат Маритэ стали посматривать на меня с подозрением и радушие, с которым они вначале встретили меня, заметно померкло. Тогда я сказал им:

— Успокойтесь, могу вас заверить в одном: совесть моя перед вами чиста. Но отвечать на ваши вопросы я больше не буду. Кроме того, долго затруднять вас своим присутствием я тоже не буду.

Маритэ сказала, что меня никто не гонит, но ее отец и брат этих ее слов не подтвердили.

И вот я здесь уже вторую ночь. Она на исходе, а я заканчиваю эту запись обо всем происшедшем со мной. Какой-то документ о том, что со мной произошло, должен остаться. Пусть не будет меня, но правда о моих поступках должна остаться, хотя бы для того, чтобы однажды моим родным старикам кто-то мог бы сказать: «Ваш сын не был идеальным

бойцом, он совершил немало грустных ошибок, но он не был ни предателем, ни трусом».

Вот ради одного этого я и делаю запись. Я оставлю ее здесь, в доме Маритэ. На этом заканчиваю и ставлю точку.

17

На этом кончается запись.

После слов «ставлю точку» нарисована огромная точка, величиной с орех. Она заштрихована линиями крест-накрест. Под ней мелко-мелко написано: «Надо перешагнуть и через это»...

Итак, запись обрывалась. А находившаяся в свертке следующая по времени запись относилась уже к лету 1944 года. Но в ней ни слова о том, что произошло с ним начиная с конца октября 1943 года, когда он появился в доме Маритэ. А ведь после этого прошел почти целый год.

Как же восстановить события года? Что, если попробовать поискать Маритэ?

Из записок Владимира мы знаем, что она в сороковом году работала стенографисткой в Каунасском горисполкоме. Ну что ж, это уже кое-что, можно поискать...

Машинистки Каунасского горисполкома никакой Маритэ не помнили. Впрочем, они и не могли ее знать, так как выяснилось, что ни одна из них в сороковом году здесь не работала. Я уже собрался уходить, как вдруг одна из них вспомнила, что года два назад на пенсию ушла одна из старейших стенографисток города, которая в сороковом году должна была записывать заседания городских организаций.

Адрес этой стенографистки я разыскал без особого труда.

Дверь мне открыла сухонькая суетливая старушка. Убедившись, что я пришел именно к ней, она, абсолютно не интересуясь, кто я и зачем пришел, провела меня в маленькую, сплошь увешанную коврами комнатку, усадила за стол, сама села напротив, положила на стол руки. Очевидно, она жила одна, ей было тоскливо без дела, и приход любого человека был для нее праздником. Она вся светилась, ожидая, что я ей скажу.

Я спросил, не знает ли она работавшую в сороковом году в горисполкоме стенографистку по имени Маритэ.

— Вы очень правильно сделали, обратившись именно к стенографистке, — заговорила она быстро, и на ее сморщенных щеках появился румянец. — Мы, стенографистки, очень дружный народ, можно сказать, корпорация. Или, может быть, каста. Все стенографистки города, как правило, знают друг друга. Но дружим мы по-особому, и никогда нельзя понять, как мы сходимся в свои особые группы. Но если уж сходимся, то мы друг за друга стеной. Скажем, одной из нас предлагают работу, а она не может ее взять. Тогда она немедленно дает адрес остальных своих подружек, это уж закон... Она осеклась, наверное, заметив на моем лице выражение крайнего нетерпения. — Значит, вас интересует Маритэ... Маритэ... — Она помолчала. — Да, я знала одну стенографистку с таким именем, и она работала тогда в горисполкоме. Фамилия ее Давидайтис. Да, да, Давидайтис, Маритэ Давидайтис. Это была очень молоденькая стенографистка и страшно неопытная. Мы однажды взяли ее на парламентскую работу и потом мучались с ней невероятно. Да, да, я ее помню, красивенькая такая блондиночка с большими светлыми глазами. Между прочим, болтали, что у нее роман с каким-то русским из Москвы. Впрочем, почему я говорю: с каким-то? Я его видела на одном совещании и даже стенографировала его выступление. Очень темпераментно говорил и оттого страшно быстро. Писать его было невероятно трудно. Я хоть и училась стенографировать по-русски, и, между прочим, в Петербурге, но к сороковому году успела забыть многие русские слова. Но ничего, я все-таки справлялась... Нет, того, что он говорил, я не помню. Стенографистки вообще никогда не помнят то, что записывают. Какой он был из себя? Ну, статный такой, светлые волосы. Я бы сказала, шведского типа... Нет, о Маритэ я больше ничего сказать не могу. Боже мой, что для меня Маритэ, если я за войну потеряла всех своих близких и давних подружек! Осталась одна, как старое дерево в чистом поле, словом не с кем перекинуться...

Уйти от нее оказалось гораздо труднее, чем ее найти. Она и в прихой продолжала тараторить, теперь уже про то, что подготовка стенографисток в наши дни поставлена отвратительно и что, будь она на месте начальства, она

ЛИРИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Алексей МАРКОВ

Скрипка

Я всегда встречал тебя одну,
Девушка с походкою стыдливой.
С сожалением на тебя взгляну
И вздохну: не больно ты красива!
Не таких ли разбитная приты
Выбирать себе в подружки рада:
Можно, мол, хорошенькой прослыть
С незадачливой дурнушкой рядом.

А сейчас гляжу я на тебя,
Очарованный колдуньей-скрипкой:
Красотой могучею слепя,
Кланяешься публике с улыбкой...
Как могла все выразить струна,
Про тебя рассказывая сказку?
Как могла, певучая, она
Мигом с глаз моих сорвать повязку?

Я иду домой. Кружится снег...
Словно музыка, сверкнет — и тает...
Жалко, в зале не видал я тех,
Кто тебя дурнушкой считает.
Отчего, скорбя, душа поет,
Разве каждый разгадать сумеет?
Знаю, одиночество твоё
Станет болью навсегда моею!

Признание

Я несу тебе, родная женщина,
Белую росистую сирень.
Я дарю тебе весной расцвеченный,
Как надежда, неоглядный день.

Но я знаю, ни шелками яркими,
Ни стихами, что тебе пою,
Никакими не смогу подарками
Выразить признательность мою.

Милая, хорошая помощница,
Ты со мною об руку идешь,
Потому напасть меня сторонится,
Не пятнает никакая ложь!

Не была ты томной недотрогой,
Бледной тенью мужа не была.
Красоту твою люблю я строгою,
Что глядится редко в зеркала.

Ты со мной и в радости и в горести,
Разве ссоры мелочные в счет?
Забываются обиды вскорости,
Как растаявший весной лёд.

Припадаю я к рукам натруженным,
Их тепло в разлуке берегу.
И сказать сегодня очень нужно мне,
Что всегда я у тебя в долгу!

Портрет

Плащ накинув от ветра и ливня,
Ухожу в непроглядную тьму.
Фотографий своих не дари мне:
Всю тебя я на память возьму.

Как в квартире пустой, безутешно
На душе моей станет опять.
Буду именем чистым и грешным
По ошибке других называть,

На плечах своих чувствовать руки,—
Никуда мне не деться от них.
Неотлучно станешь в разлуке,
Всех друзей оттесняя моих.

А портрет сбереги для другого,
Кто придет и уйдет без труда.
Пусть победою хвастает новой
За веселым столом иногда.

Правда

Вечерами гляжу я в окно,
И далекое чудится детство.
Может быть, мне на горе оно
Прямоту подарило в наследство.

...Вспоминаются мне иногда
Руки матери в жилах суровых.
Мне она не желала вреда,
Не обидит, бывало, и словом.
Но, случалось, неправду скажу —
И сечет хворостиною до крови,
Так, что после на лавке лежу...

Мать склоняется над изголовьем,
Гладит волосы нежно она,
А сама повторяет, целуя:
— Только правду! А правда — одна!
Все, что есть, говори напрямую!

бы не доверяла ни одной стенографистке больше сорока лет...

Давидайтисов в Каунасе проживало не меньше, чем Давыдовых в любом большом русском городе. Перенумеровав полученные в справочном бюро квитки с адресами, я начал методический поиск. В оставшееся до темноты время я посетил три семьи Давидайтисов. Ничего похожего. На другой день с утра впусую съездил еще по четырем адресам. И вот в руках у меня квиток под номером восемь. Он привел меня на тихую, утопающую в зелени окраинную улицу. В пестрой оборке палисадника притаился одноэтажный домик. Из окна уже заметили, что я стою перед калиткой, и на крыльцо вышел мужчина. Он подошел к калитке и впился в меня острыми, подозрительными глазами.

— Да, да, этот дом... принадлежал Давидайтисам до сорок седьмого года... Сиплая одышка разрывала его фразы на куски. — Я купил у них... этот дом... А в чем дело?

Я объяснил, кого ищу. Толстяк сказал: — Да ведь из всей семьи Давидайтисов только эта Маритэ и... и осталась. Она теперь инженер. Брат ее погиб в конце войны. Отец умер в сорок седьмом. Оттого она и дом продала.

Я спросил, не знает ли он, где сейчас живет Маритэ. Толстяк повернулся к дому и позвал кого-то. В окне показалась женщина с рогатой от бигуди седой головой. Толстяк сказал ей, о чем спрашивал я. Женщина исчезла, но тотчас с необычайной резкостью выбежала из дома, держа в руке бумажку. Другой рукой она кокетливо придерживала на голове бигуди.

— Вот здесь, — женщина протянула мне бумажку, — последний адрес Маритэ. Это она своей рукой написала.

Указанная в адресе улица была абсолютно новая. По обе стороны чистенькие, только что построенные дома. Некоторые из них были еще в лесах. Земля вокруг разворочена, улица рассечена глубокими канавами, через кото-

рые переброшены временные мостки. Машину пришлось оставить в самом начале улицы.

Квартира Маритэ была на третьем этаже. Звонок не работал. Я постучал. За дверью тишина. Постучал сильнее, и тогда открылась дверь квартиры через площадку, и женщина в ярком клетчатом фартуке, с руками, белыми от муки, спросила у меня, кого я разыскиваю.

— Мне нужна Маритэ Давидайтис. Женщина сказала, что Маритэ ушла в магазин, скоро придет и что я могу подождать у нее. Я поблагодарил и сказал, что лучше зайду попозже. Я вышел на улицу и стал у двери. Мне было интересно: узнаю ли я Маритэ?

И вот я увидел вдали женщину с хозяйственной сумкой в руках, быстро приближавшуюся к дому. Она не пользовалась мостками, пересекала улицу напрямик, уверенно прыгая через канавы. Меня охватило страшное волнение. Еще не разглядев ее как следует, я уже был почему-то уверен, что это и есть Маритэ, хотя она была совсем не похожа на ту Маритэ, какую я создал в своем воображении. Начиная с того, что приближавшаяся молодая женщина была совсем маленького роста.

Увидев меня, она чуть замедлила шаг, издали всмотрелась в меня и затем снова пошла быстрее.

— Простите, пожалуйста, вы случайно не Маритэ Давидайтис?

— Да, это я. — Она остановилась. — Мне очень нужно поговорить с вами. Я пишу о человеке, которого вы знаете.

Несколько секунд она стояла в нерешительности, потом сказала:

— Зайдемте ко мне.

У нее была маленькая, однокомнатная уютная квартирочка. Книжные полки занимали две стены от пола до потолка. На длинном низком столе, возле которого стояло кресло, аккуратно лежали журналы. В углу на специальном столике стояли радиоприемник и телевизор. Письменный стол был покрыт толстым стеклом. У стены стояла чертежная доска

с приколотым листом ватмана, на котором едва просматривался какой-то чертеж, выполненный пока карандашом. Одна из стен почти сплошь была увешана гравюрами. В центре стены в золоченой рамке висел непонятный чертеж, похожий на рисунок абстракциониста, — беспорядочно пересекающиеся полукруги, а из этой мешанины линий вправо и влево уходили параллельные двусторония. По четыре с каждой стороны. Когда я с любопытством и удивлением рассматривал этот чертеж, стоявшая за моей спиной Маритэ рассмеялась:

— Это моя работа. Когда я училась в Московском транспортном институте на четвертом курсе, я вообразила, что меня осенила гениальная идея. Села за чертежку и разработала вот эту схему маневровых путей активного железнодорожного узла. Понесла профессору. А он сказал: «Вам, милая, надо окончить институт, и тогда вы сами обнаружите катастрофический просчет вашей схемы». В чем он, я вам не скажу, найдите его сами». И только через два года я поняла, что в моей схеме такое огромное количество пересечений путей, при котором нормальное маневрирование почти исключается, а моя идея на том и держалась. Тогда я вставила этот чертеж в рамку, повесила среди милых мне картин, а вот тут, в углу чертежа, сделала понятную только мне надпись: «В технике все новое — только от знаний».

Вдруг оживление в ее глазах погасло. — Простите, я отвлеклась. Вы сказали... Я слушаю вас. Садитесь, пожалуйста.

— Я хочу написать книгу о человеке, которого вы хорошо знали, — о Владимире.

На ее лице медленно проступил румянец.

— Он жив? — быстро спросила она.

— Не знаю.

— Действительно не знаете или не хотите меня огорчать? Так не стесняйтесь, все это уже предано забвению.

Продолжение следует.

Наконец-то мы дождались интересного соревнования по волейболу. Не объяснимо редки они. Можно подумать, что динамичный, акробатический волейбол вовсе никого не интересует. А это, конечно, не так. Тесно было на трибунах огромного Дворца спорта стадиона имени В. И. Ленина, когда там встретились в четвертьфинальном матче на Кубок Европы наши армейцы с чемпионом Франции, командой клуба «БНСИ». Когда 28 мая игрался один из полуфинальных матчей на Кубок европейских чемпионов — между армейцами и польскими мастерами «АЗС—АВФ», — сотни и, наверное, тысячи любителей волейбола оказались «за бортом» крупного спортивного события. Пришло же кому-то в голову проводить этот напряженнейший матч в маленьком спортивном зале ЦСКА на Ленинградском проспекте! Почему там? Неужели в Москве не нашлось другого спортивного сооружения, более вместительного? Или опять спорт «ододело» заезжее кино? Так ведь часто бывает, излишне часто. Сидите, скажем, на футбольном матче и слышите рекламу по местной сети, что дней десять подряд будет идти на Малом стадионе «Мансарда» или «Ночи Кабирии»... Любители спорта предпочли бы услышать анонс о соревнованиях. По волейболу, например. Почему не устраивать матчевые встречи сильнейших команд городов, республик? Почему не сделать это традицией?..

Но это для начала. Речь пойдет о другом. Мне удалось все-таки попасть ценой немалых усилий на матч чемпионов СССР и Польши. Я с интересом и волнением следил за игрой соперников. Это была действительно встреча больших мастеров своего дела.

Да, не случайно за польской командой-чемпионом упрочена репутация одной из лучших в Европе, а значит, и в мире!

Выиграли наши — 3:0. Они оказались более зрелыми тактиками. И трудно здесь отдать кому-то предпочтение. Были грозными атаки капитана команды, военного инженера Юрия Чеснокова, Нила Фасахова, Николая Буробина, самоотверженно действовали в защите маленький, сбитый, как пружина, Георгий Мондзюлевский и опытный, зоркий Семен Щербakov... Все играли хорошо. На площадке был единый, отлично сыгранный ансамбль — шестеро и мяч.

И на пути к финалу розыгрыша почетного Кубка европейских чемпионов оказался преодоленным еще один трудный барьер. Через несколько дней — новая встреча с польскими спортсменами, уже в Варшаве, а там, может статься, последний матч. Как-то закончится он?

— Постараемся, — говорит Юрий Чесноков. — Верно, ребята?

— Верно, — соглашаются ребята. Но не только об этом крупнейшем международном волейбольном соревновании задумываешься сейчас. Совсем не за горами очередное, традиционное первенство мира по волейболу. Оно начнется осенью в Рио-де-Жанейро. Когда-то можно было почти не сомневаться, что сильнейшими в мире окажутся наши мастера. До 1952 года советская школа волей-

бола, бесспорно, была ведущей в мире. Живы в памяти те августовские дни на московском стадионе «Динамо», когда в ежедневной напряженной спортивной борьбе советские мастера неизменно выходили победителями. Было приятно слышать, как говорили венгры и чехи, румыны и болгары: — Вы наши учителя...

Это было и в самом деле так. Сложный творческий путь прошел у нас волейбол, игра, придуманная некогда врачом для пациентов маленького частного санатория. Любопытно, что именно у нас необычайно привилась эта игра. Характерно, что именно у нас за три десятилетия волейбол обогатился разносторонней техникой, приобрел черты мужественной атлетической игры. Это было творчество коллектива. Из далекого Хабаровска пришел короткий, над самой сеткой атакующий удар, из Грузии пришла мощная подача... В Москве, Ленинграде, в десятке других городов рождались тактические решения, приведшие к знаменитой атакующей формуле: шесть в нападении.

Мы были по праву учителями в волейболе. Встречаясь в матчах с волейболистами стран — добрых соседей, наши мастера узнавали в их игре много знакомого, нашего.

И вдруг мы стали отставать. Ученики обгоняли. В ряде крупных международных соревнований, в том числе в чемпионате мира 1956 года, наши волейболисты теряли первенство. Вперед выходили чешские, румынские мастера... В чем причина? Конечно, немало значит смена состава. Родоначальники советской школы атлетического волейбола, повинувшись неумолимому закону времени, перестали играть. Молодежь сменила их на площадке. Но не сумела заменить мастеров в полной мере. Тут, наверное, сказало, что в пору расцвета спортивного искусства Алексея Якушева, Владимира Щагина, Константина Ревы не очень-то охотно включали в сборные команды молодежь. Нужны победы. А раз они приходят, зачем рисковать?... Были и другие причины. Меньше стала играть в волейбол молодежь, больше в пинг-понг. И многим не сразу стало ясно, что настольный теннис хорош, но волейбол — замечательная школа здоровья, и забывать о ней не надо.

В сентябре 1959 года в Париже случилось знаменательное событие. Там состоялся турнир сильнейших мастеров волейбола трех континентов. И без поражений прошла все это трудное соревнование команда волейболистов Советского Союза. И снова заговорили во всем спортивном мире о почерке советского волейбола.

Кубок европейских чемпионов — лишь один из высоких барьеров на дистанции, у которой финиш — чемпионат мира. Этот барьер надо взять.

И хочется верить, что неудачи позади. Вот я дописываю этот рассказ о волейболе, а за окном ребята опять натягивают сетку. Они такие же голенастые и большеглазые, как Толя Чинилин и Володя Щагин в их годы. Они такие же напористые и настолько любят волейбол и все, что с ним связано, что готовы смиренно попросить прощение за шум у управдома и той вон тетушки, что кричит с балкона. Лишь бы не мешали, лишь бы не прервали игры!

Полуфинальный матч на Кубок европейских чемпионов ЦСКА (СССР) — «АЗС — АВФ» (Польша). Георгий Мондзюлевский в броске принимает мяч.

Фото А. Бочинина.

*Мастеро
и мяч*

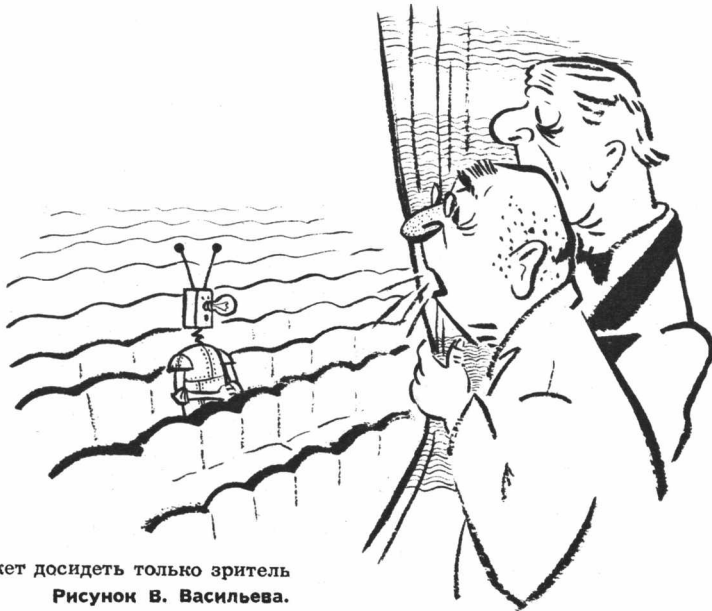
Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Волейбол — игра атлетическая!

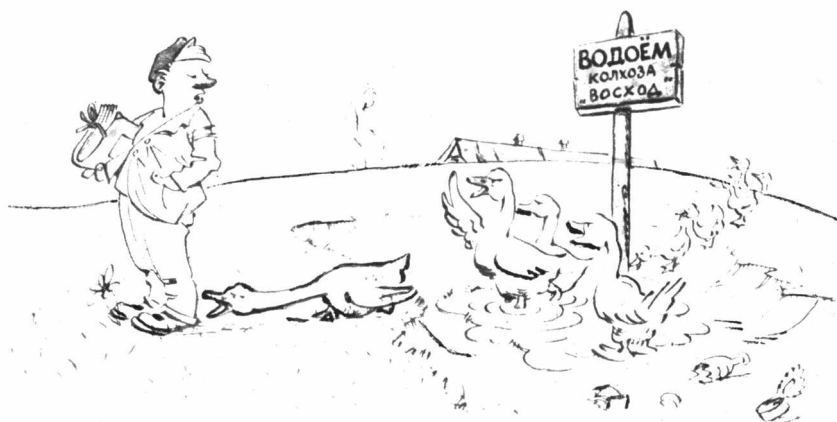

ОТТОЧЕННЫМ КАРАНДАШОМ

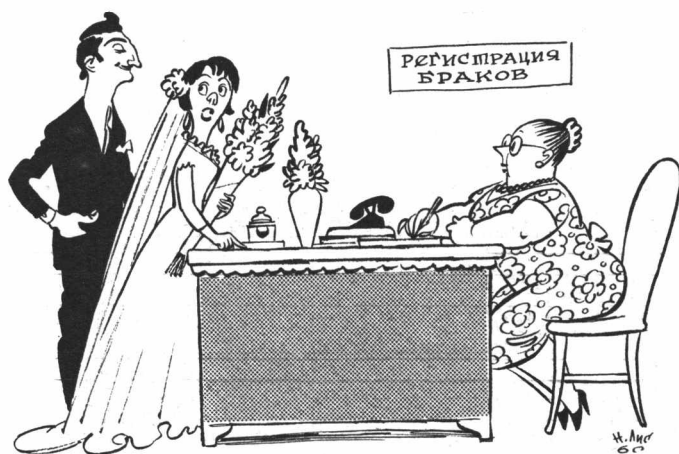
— Я прав: до конца нашего спектакля может досидеть только зритель с железными нервами!

Рисунок В. Васильева.

Гуси: — Учтите, мы будем на вас жаловаться!
Председатель: — Мелко плавае...

Рисунок Г. Андрианова.

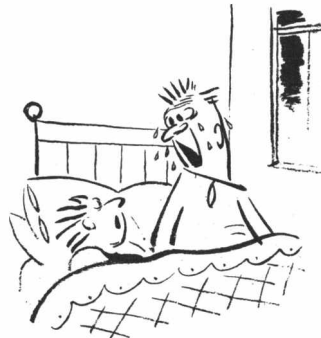

— Будете носить фамилию мужа?
— Конечно! Кстати, милый, как твоя фамилия?

Рисунок Н. Лисогорского.

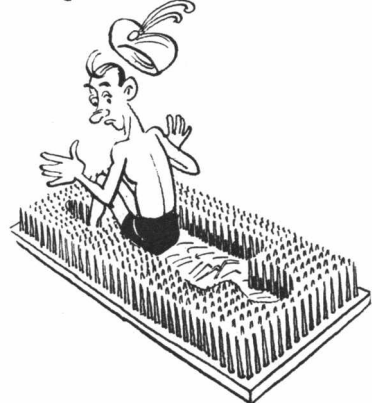
Инвентаризация в цирке.

Рисунок Вл. Гальбы.

— Мне приснилось, что вчерашнюю анонимку я послал с обратным адресом!

Рисунок В. Воеводина.

Факир и качество гвоздей.
Рисунок Ю. Черепанова.

"ЧУЖОЙ"

Фельетон

В. САНИН

Гражданина Д. ограбили, избили, раздели до нитки и оставили на мостовой.

Автор сознает, что от этого начала не брызжет бодрым, жизнеутверждающим юмором. Сообщая этот печальный факт, автор просто подчеркивает свое стремление не отступить ни на йоту от жизненной правды.

Итак, ограбленный, избитый и раздетый до нитки гражданин Д. очнулся на мостовой. Первая мысль возникла у него подсознательно. Д. простонал: «Милиция!»

Если бы патрульному милиционеру А. Копылову не захотелось закурить, он бы не остановил мотоцикл, и эта история, возможно, потекла бы по другому руслу. Но Копылов захотел закурить и остановил мотоцикл. Это подчеркивает значение случайностей в нашей быстротекущей жизни.

Услышав стон, Копылов слез с мотоцикла, подошел поближе и сразу все понял. Он проникательным взглядом окинул одетую не по сезону фигуру, вздохнул и полез в карман за квитанционной книжкой.

— Штраф на месте платить будем или в отделение пройдем? — участливо спросил он.

— Ограбили, избили меня, — прохрипел Д.

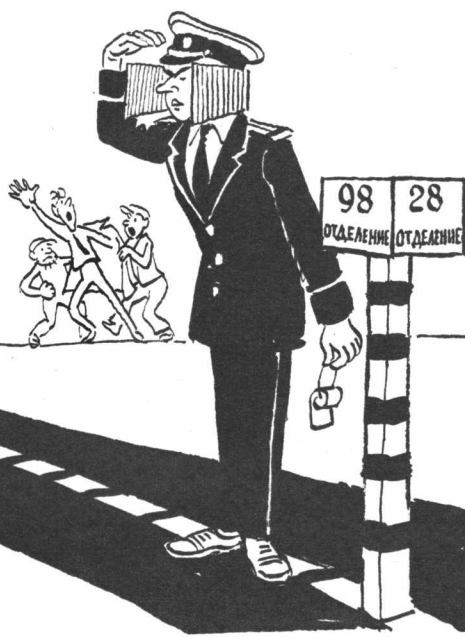
И тут патрульного обожгла страшная мысль. Костюм на разрушителя явно не вечерний. Не похоже, что он только что выбрался из ресторана. А что, если разрушитель говорит правду? Если его действительно ограбили и избили на его участке? Ведь это неприятности, скандал!

Но Копылов недаром считался опытным, смекалистым патрульным.

— Послушай-ка, мил-человек, — сказал он, пряча квитанционную книжку, — будь другом, уходи-ка с моего участка куда-нибудь подальше.

Когда Д., пошатываясь, ушел на «другой участок», Копылов подумал про себя: «До чего же я сообразительный милиционер! А ведь будь я малость поглупее, то составил бы сейчас протокол и потом с месяц расхлебывал бы кашу».

УЧАСТОК

Однако Д. отправился в отделение милиции.

Не станем преувеличивать и говорить, что Д. здесь встретили с цветами, стихами и шампанским. Встретили по-деловому. Записали, где живет, сколько лет, спросили, что случилось. Пообещали разыскать преступников и вернуть вещи. На душе у Д. потеплело. Он понял, что в 98-м отделении милиции Москвы работают милые, чуткие и отзывчивые люди.

— Они от нас не уйдут! — бодро говорили оперуполномоченные И. Лукашов и А. Светловидов. — Считайте, что преступники сидят вот в этой комнате и клянут свою печальную судьбу. Уж очень мы опытные, оперативные и энергичные!

Вслед за тем оперативные и энергичные вместе с Д. сели в машину и покатались к месту происшествия, на Ольховскую улицу. Уполномоченные дрожали от нетерпения.

— Ну, где? — закричали они. — Скорее показывайте, где вас избили, ограбили до нитки и швырнули на мостовую!

— Вот здесь, — сказал Д., оборачиваясь к уполномоченным.

Но на лицах уполномоченных была поздняя осень.

— Здесь, говорите? Чего же вы нам целый час головы морочили?

— Как? — опешил Д. — Ведь здесь меня раздели!

— Вот именно — «здесь»! — саркастически подтвердили уполномоченные. — И это самое «здесь» не имеет к нам никакого отношения. Вот если бы вас раздели на три метра левее, тогда — милости просим. А это уже не наш участок. Это участок 28-го отделения. Обращайтесь туда.

Если разрезать Ольховскую улицу пополам воображаемой линией, то эта линия будет границей сфер влияния суверенных двух отделений милиции. По правую сторону улицы несут бдительную службу работники 98-го отделения, по левую — 28-го отделения. Трагедия Д. заключалась в том, что он, ограбленный на левой стороне, в силу своей темноты и неосознанности обратился к стражам правой стороны.

Однако будем до конца объективны. Уполномоченные Лукашов и Светловидов не бросили Д. на произвол судьбы. Совершенно не

считаясь со своим временем, они позвонили в 28-е отделение, вызвали своих коллег на место действия и ввели их в курс дела.

— За работу, друзья! До свидания.

Но коллеги — Журавлев и Красовский — не торопились засучивать рукава. Не спешили они и прощаться. Прежде чем рассматривать в лупу следы и разыскивать окурки преступников, коллеги уточняли куда более важное обстоятельство.

— Значит, сначала Д. пришел в ваше, 98-е отделение?

— Да, сначала к нам.

— Вот сами и расхлебывайте!

— Но ведь левая-то сторона ваша!

— Да, наша.

— Значит, расхлебывать должны вы!

— А сначала к кому он пришел?

— Ну, к нам.

— Вот и...

Уполномоченные разъехались, так ничего и не решив.

Пять дней по Ольховской улице гулял ветер, на нее сыпались атмосферные осадки, по ней грохотал транспорт и прогуливались прохожие. Пять дней шел внутриведомственный спор. И лишь спустя этот отрезок времени сотрудники 28-го отделения решились наконец засучить рукава. Поговорили с Д., узнали все подробности. Бросились на место происшествия — а следов и след простыл. Все затоптано, заезжено.

Пропали следы, как прошлогодний снег. Преступники спокойно продали награбленные вещи и скрылись в абсолютно неизвестном направлении. И если один из преступников все-таки попался, то никак не потому, что удалось прочесть пропавшие следы. Как говорят следователи, имело место «случайное раскрытие».

А теперь давайте разложим этот вопиющий случай на не менее вопиющие составные части.

Трудно сказать, чего здесь больше: служебной халатности, равнодушия или формализма. Пожалуй, здесь имеются в наличии все эти милые качества.

Еще можно понять домашнюю хозяйку, отгоняющую хворостинкой соседскую свинью со своего огорода на чужой. Но никак нельзя понять милиционера, который действует по принципу: «Мой участок с краю». И уж если такой милиционер находится, то он наверняка сидит или стоит не на своем месте. Уж слишком тяжелой бывает расплата за такую «принципиальность».

Автор уже слышит грозный вопрос:

— Не хотите ли вы сказать, что этот случай типичен?

Почему типичен? Конечно, нет! Именно поэтому неприятен эпизод с Д., в котором несколько работников милиции пятнают свой уважаемый мундир.

Видимо, этим работникам милиции нужно согласиться с таким положением: все участки наши. И улицы общие, и дело общее. И когда совершено преступление, забудьте о том, что по улице проведены воображаемые линии. За переход границы «чужого» суверенного участка вы не получите ничего, кроме благодарности избавленных от неприятностей людей.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман Г. Флобера. 8. Режиссер и актер, народный артист СССР. 9. Ценный пушной зверь. 10. Автор оперы «Лакме». 12. Химический элемент, металл. 13. Площадка между рампой и занавесом. 14. Назидательная речь. 16. Независимая страна. 18. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 19. Часть измерительного прибора. 22. Советский скульптор. 23. Остров в Средиземном море. 26. Река в Якутии. 27. Комедия А. П. Чехова. 29. Свечение раскаленного тела. 31. Морской залив. 32. Литературный жанр. 33. Пробное изделие.

По вертикали:

1. Мазь, применяемая в медицине и технике. 2. Женская одежда в Индии. 3. Новое государство в Африке. 4. Украинский музыкальный инструмент. 6. Озеро в Северной Америке. 7. Бег по пересеченной местности. 8. Растение, выращенное в питомнике. 11. Русский поэт XIX века. 12. Союзная республика. 15. Старинное название сохи. 17. Место наибольшего сближения двух рек. 20. Южное плодородное дерево. 21. Высокий голос. 22. Средство связи. 24. Древнее метательное оружие. 25. Птица Южной Америки. 28. Атмосферные осадки. 30. Полудрагоценный камень.

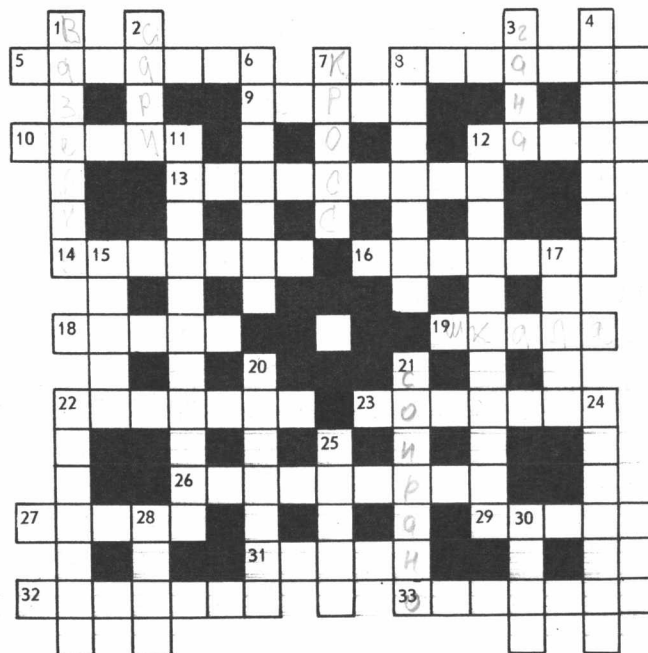
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

1. «Запорожец». 6. Абонемент. 7. Гаврош. 9. Кроль. 11. Ракурс. 14. Атом. 15. Никарагуа. 18. Нота. 19. Оператор. 20. Волнушка. 22. Иден. 23. Гладиатор. 25. Тент. 26. Ацетон. 27. Гамак. 29. Корнет. 30. Тимирязев. 32. Антоновка.

По вертикали:

1. Зеравшан. 2. Полоцк. 3. Реле. 4. «Жизель». 5. Цистерна. 7. Глаголица. 8. Рембрандт. 10. Охра. 12. Кондуктор. 13. Сталактит. 16. Корма. 17. Гавот. 21. Ритм. 23. Генетика. 24. Рукавица. 27. «Гамлет». 28. Козлов. 31. Руан.

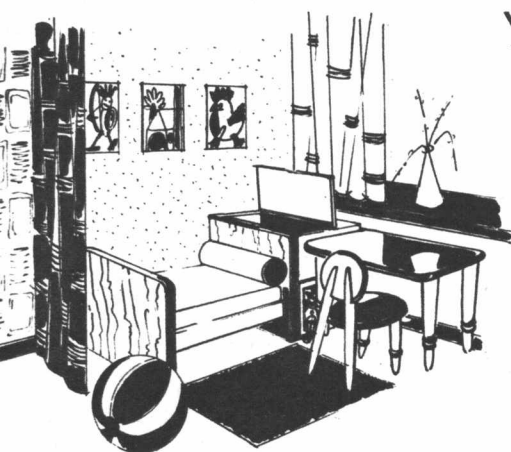

ЖЕНЩИНЫ, ЭТО ДЛЯ ВАС!

Эту страничку мы посвящаем вам, наши читательницы. Художники, врачи, педагоги, кулинары, садоводы и другие мастера своего дела поделятся с вами знаниями. Они подскажут вам, как сделать дом уютнее, пищу вкуснее, ребенка здоровее и воспитаннее, ну, а себя привлекательнее.

Вы узнаете о том, как позаботились о вас промышленные и торгующие организации, чтобы упростить и облегчить ведение хозяйства, заботу о семье...

Мы рады будем, если вы используете в быту наши советы и сами поделитесь на страницах журнала своим опытом в сложных и многообразных вопросах домоводства.

Уголок ребенка

Детский уголок достаточно отгородить шкафом или полочкой, повесить небольшую «веселую» занавеску, и ребенок будет чувствовать себя превосходно в своих «владениях».

Уголок ребенка (особенно кроватку) поместите возле окна, но не под прямым потоком воздуха, тут же столик, стул, ящик с игрушками.

Стены хорошо бы оклеить моющимися обоями светлого тона. И пусть вас не беспокоит то, что здесь они будут немного иными.

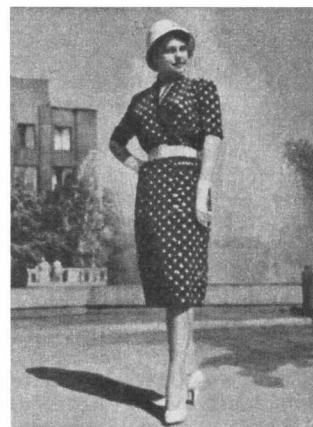
Конечно, обои, занавески на окнах, мебель в остальной части комнаты должны

быть согласованы в цвете и рисунке, чтобы не создавать «разногласицы», пестроты.

Пол в уголке покройте линолеумом или постелите резиновый коврик (но не темных, мрачных тонов), тогда малыш может играть прямо на полу. Поставьте несколько растений или аквариум с рыбами. Заботясь о них, дети приобретают трудовые навыки.

Если ваш ребенок рисует, окантуйте две-три лучшие его работы и повесьте их на стенке. Время от времени рисунки можно менять.

И. ГИЛЬТЕР, доцент

ЦВЕТЫ В КОМНАТЕ

Цветы очень украшают комнату. Но как их расставить?

Не заставляйте окно: это и негигиенично и некрасиво. Многие растения — папоротники, китайская роза, ряд бегоний — не нуждаются в большом количестве света, расположите их возле стены, на полках.

Горшочки с плющом, намеломкой, колокольчиком можно подвесить на карни-

зах окон, на кронштейнах и полочках.

Не загромождайте квартиру громоздкими фикусами и пальмами с сухими, вечно пыльными листьями.

Во время обеда, ужина ваш стол украсят маленькие букетики в небольших вазочках, стаканах, блюдцах. Это может быть ветка хвои и несколько нарциссов; белый гладиолус, василек и стельбелки золотистой травки;

папоротники и роза; мох и несколько анютиных глазок — разнообразить это можно без конца.

И, наконец, на любом старом подносе вы можете соорудить целый фантастический сад. Среди причудливых мостиков, пригорков, дорожек, которые вы сделаете из золотистого песка, морской гальки, ракушек, кусков туфа, у вас будут расти маленькие кактусы, алоэ, агавы, заячья капуста, кресс-салат, папоротник... Поливать такой «парк» лучше из пульверизатора.

И. СИДОРОВ

ЭТО СЕЙЧАС МОДНО

Все женщины любят красиво одеваться, но не каждой легко справиться с этой сложной проблемой. Мы будем рады, если вам помогут несколько наших советов.

Не копируйте туалеты ваших знакомых.

Не перегружайте платье отделками. Современный костюм должен быть строгой, красивой формы. В этом сезоне модны в основном два

силуэта — прямое платье с низкой проймой, схваченное по талии широким поясом, и платье с узким лифом и широкой юбкой, заложенной по талии мягкими складками или просто собранной. Женщинам полным и тем, кто невысокого роста, лучше шить платья прямые, в талии неотрезные. Они делают фигуру болеестройной.

В этом сезоне будут носить

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

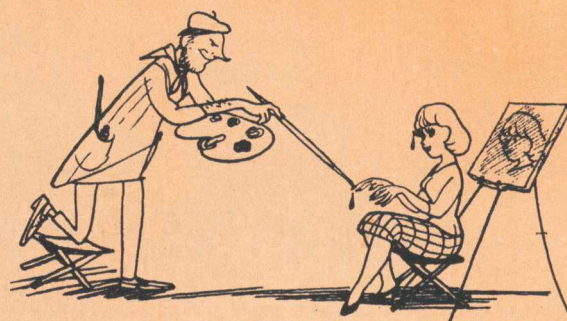
Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05671. Подписано к печати 8/VI 1960 г. Формат бум. 70×108/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 937. Заказ № 1513.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Мастер на все руки.

Рисунок Е. Горюхова.

Эти вечерние туалеты подготовлены для показа на выставке за рубежом.

В несколько строк

• После стирки и уборки вымойте тщательно руки, а затем смажьте их следующим составом: на 50 граммов глицерина 1 столовую ложку одеколона и 2 чайные ложки нашатырного спирта.

• Для того, чтобы определить размер обуви, измерьте длину стопы и эту цифру возьмите полтора раза ($24 \times 1,5 = 36$).

• Деревянные вещи можно склеить клеем, который легко сделать самому. Для этого творог разведите нашатырным спиртом (соотношение 4 части творога к 1 части спирта).

• Вязаные вещи — кофточки, жакеты — не вешайте на плечики. Храните их в сложенном виде в шкафу.

• Чтобы обувь не скрипела, надо подметку смазать жидким маслом, лучше льняным или подсолнечным.

Здесь о вас подумали

• На ленинградской фабрике «Комсомолка» рядом с табельными досками появился небольшой ящичек. На нем надпись: «Для заказов». Утром или в обеденный перерыв работники опускают сюда список нужных им продуктов, и к концу смены магазин № 9 все заказы доставляет на фабрику.

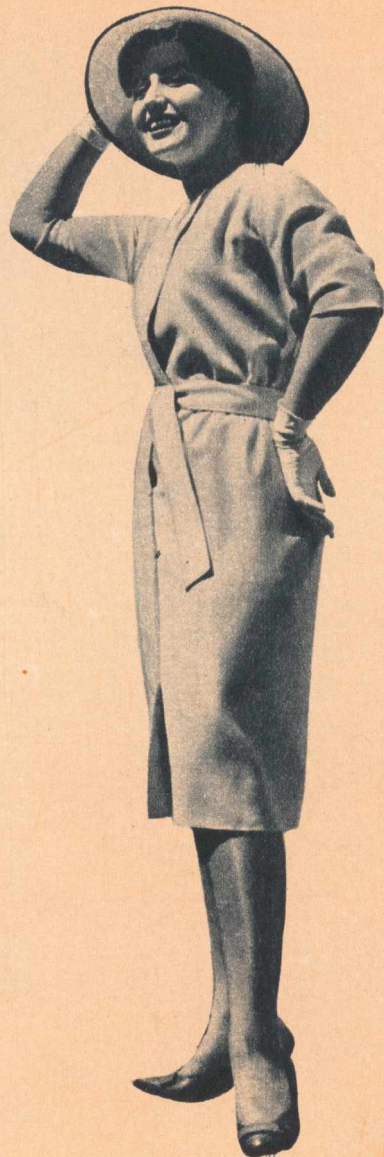
• В московском центральном универсаме «Детский мир» открыт зал продажи товаров для детей, отъезжающих в пионерские лагеря. Матери здесь могут купить все необходимое, от пальто до... барабана.

платья с большим вырезом. Но следует сшить и жакет. В открытом платье не всюду удобно пойти.

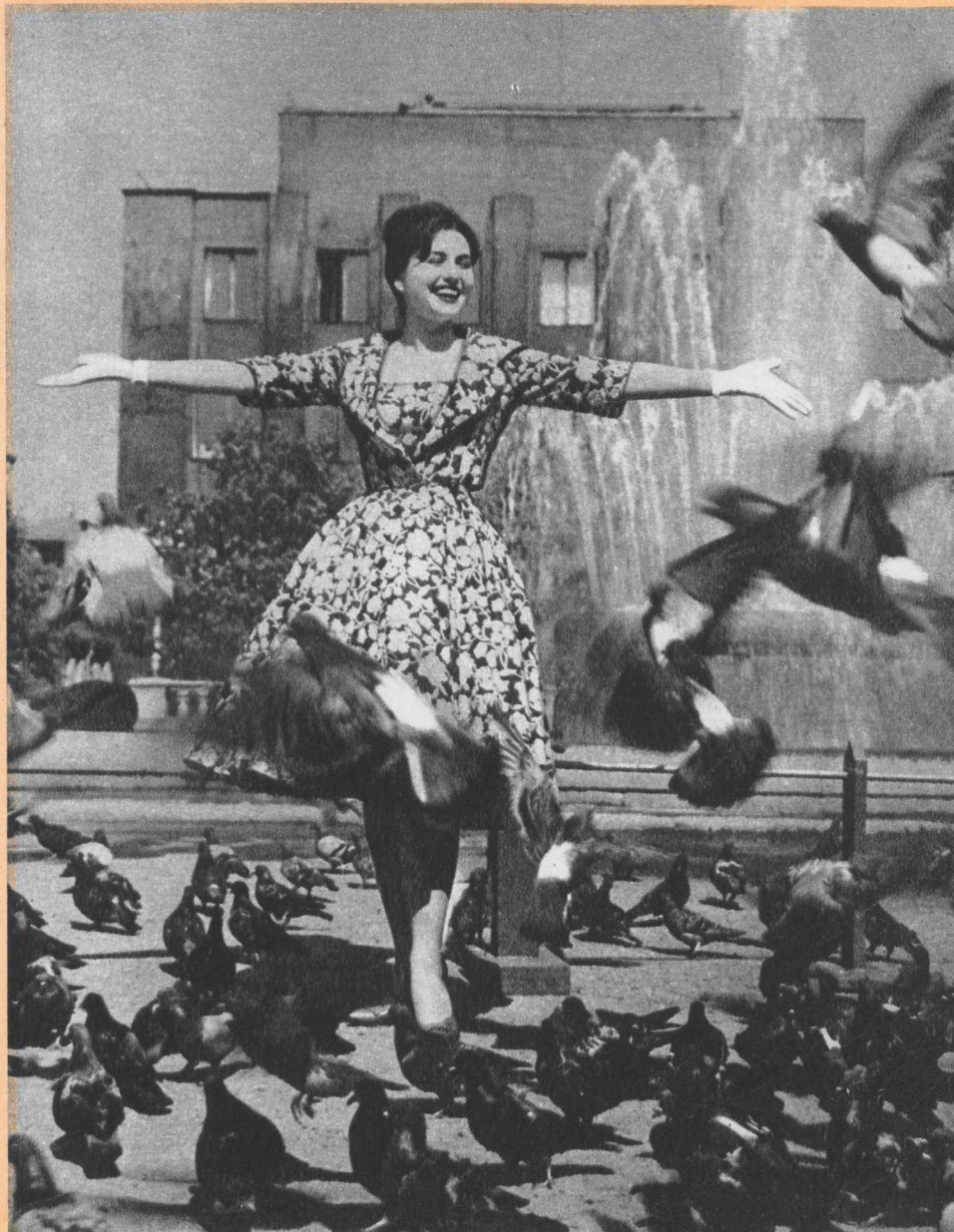
Модны сейчас и большие воротники, немного отстающие от шеи. Будьте внимательны к своей внешности и немного самокритичны. Лучше быть одетой слегка немодно, чем смешно.

Л. ЕФРЕМОВА,
художник
экспериментальной
мастерской ЦУМа

На снимках показаны модели экспериментальной мастерской ЦУМа. Авторы их — М. Бычкова, З. Валуева, Л. Ефремова, Л. Лямина, Е. Рогинская, Э. Собестянский и А. Шнейдеров.

Фото Марка ГАНКИНА.

НОЧНАЯ МОСКВА

Есть прелесть в городе, когда он
спит,
Когда многооконные громады,
Подземных улиц мрамор и гранит
По-человечески покою рады.

А городу нелегкий снится труд,
И, кажется, что в тишине он слышит,
Как напряженно небеса живут,
Как мирозданье беспокойно дышит.

Марк Шехтер

Фото И. Кошелькова.

На первой странице
обложки: Лауреат Ленин-
ской премии летчик-испытатель
Владимир Константинович Кок-
кинаки.

Фото Дм. Бальтерманца.

Цена номера 3 руб.

